

ПОБЕДА!

Долгожданное счастье

Очерки
Воспоминания
Документы

Казань
ОАО «АйСиЭл-КПО ВС»
2015

Печатается по решению Правления
ОАО «АйСиЭл-КПО ВС» по подготовке и празднованию 70-летия
Победы В Великой Отечественной войне 1941-1945гг.

Авторы-составители:

М.Ш. Бадрутдинова, Л.Ф. Каримова

Редакционная коллегия

В.В. Дьячков – генеральный директор ОАО «АйСиЭл-КПО
ВС»

М.Ш. Бадрутдинова – директор музея ОАО «АйСиЭл-КПО
ВС», председатель совета ветеранов КПО ВС

Р.П. Ермилова – член совета ветеранов

Победа! Долгожданное счастье. Очерки. Воспоминания. До-
кументы. Вып.1 / Авторы-составители М.Ш. Бадрутдинова,
Л.Ф. Каримова – Казань. ОАО «АйСиЭл-КПО ВС», 2015. -
238с.

Книга посвящена 70-летию Победы советского народа в Великой
Отечественной войне. Материалы представлены по воспоминаниям ве-
теранов Казанского завода ЭВМ (КПО ВС) о своем военном детстве
и вкладе в Победу отцов, матерей, родственников и друзей семьи. Все
меньше остается живых участников и очевидцев военных лет. Дети
войны были свидетелями и участниками исторического процесса жиз-
ни нашей страны. Страна изменилась с тех пор, изменился мир и
только память о героическом подвиге народа остается в сердцах поко-
лений. Это наше общее прошлое, которым можно и нужно гордиться
и которое никогда не должно быть забыто.

(С) Казань, ОАО «АйСиЭл-КПО ВС», 2015

Предисловие

Человек силен памятью.
В ней опыт поколений.
Через нее связь настоящего
с прошлым и будущим.

Сибгат Хаким

Книга посвящена судьбе поколения детей Великой Отечественной войны. Материалы представлены по воспоминаниям ветеранов Казанского завода ЭВМ (КПО ВС) о своем военном детстве и вкладе в Победу отцов, матерей, родственников и друзей семьи.

Все меньше остается живых участников и очевидцев военных лет. Дети войны были свидетелями и участниками исторического процесса жизни нашей страны. Страна изменилась с тех пор, изменился мир и только память о героическом подвиге народа остается в сердцах поколений. Это наше общее прошлое, которым можно и нужно гордиться и которое никогда не должно быть забыто.

Кроме большой истории, которая сохраняет факты и события, важные для страны, есть и «малая» история семьи. Вышли из употребления понятия похоронка, керосинка, вода с колонки, хлебные карточки, печки, коммуналка, чай с сахарином, довесок к буханке хлеба и т.д. Все времена по-своему жестоки и по-своему интересны. Но время создает также определенные человеческие характеры.

У детей войны было тяжелое детство, однако они постоянно ощущали заботу государства. Не было разделения людей по достатку, национальному признаку и конфессиональной принадлежности. Работали дворцы пионеров с массой бесплатных круж-

ков и спортивных секций. Все было подчинено единой цели — сохранить страну и ее будущее — детей, воспитать из них людей с активной жизненной позицией, патриотов Родины.

В книге представлены разные тексты от нескольких страниц до многостраничных мемуаров работников завода ЭВМ разных профессий и разных судеб. Не все смогли написать свои воспоминания по состоянию здоровья и преклонному возрасту, а многих уже нет с нами. Но то, что удалось собрать в этой книге, охватывает географию почти всей нашей страны.

В течение 70 и более лет в семьях бережно сохранялись фотографии, письма, другие документы. Это говорит о том, что память жива, что потеря отцов, родных и близких людей оставила не только глубокий след, но и сформировала характер, умение преодолевать трудности, добиваться поставленных целей.

Поколение детей войны составляло основной костяк всего завода, как при его создании, так и дальнейшем развитии производства.

Рабочие, инженеры, руководители цехов и отделов, общественных организаций завода — всем им были присущи высокая ответственность за порученное дело, и, что очень важно, воспитание и обучение молодежи всем производственным профессиям.

На нашем заводе трудилось много участников Великой Отечественной войны. Среди них и Герой Советского Союза Коновалов С.В., и полный кавалер ордена Славы I, II и III степеней Халитов Р.К., и Герой Социалистического труда Капитонов Н.М., и многие другие, прошедшие с боями и освободившие нашу страну от фашистского нашествия.

Особенно радуется то, что у многих из них выросли достойные дети, внуки и правнуки.

К сожалению, за годы перестройки изменилась шкала ценностей и не всегда в лучшую сторону. Так пусть будет у поколения войны мирная жизнь, спокойная, достойная и благополучная старость.

А молодежи пожелание: стремитесь возродить былую мощь страны, стремитесь к знаниям, профессионализму, развивайте ее экономику, духовные, культурные и материальные ценности.

М.Ш. Бадрутдинова

Виктор Васильевич Дьячков

*Генеральный директор ОАО «АйСиЭл-КПО ВС»
Специалист в области управления и производ-
ства систем информации и связи.*

*В 1974 г. окончил Казанский авиационный ин-
ститут.*

На заводе ЭВМ работал с 1974 по 1991гг.

*В 1988 г. окончил курсы директоров Академии
Внешней торговли СССР. В 1989 г. – школу Бизне-
са в Duke – Университет (США).*

*С 1998 г. – генеральный директор ОАО
«АйСиЭл-КПО ВС».*

*Советник Президента Республики Татарстан
по информационным Технологиям.*

Академик Международной академии связи.

*Член-корреспондент Академии информатиза-
ции РТ и Международной академии информати-
зации.*

Ветеран труда.

Победили, потому что верили!

22 июня 1941 года в одночасье в душу каждого ворвалось это страшное слово «война», долетев до каждого уголка нашей необъятной родины. Как будто остановились часы, чтобы начать свой отсчет новым страшным событиям.

Мое поколение узнавало о войне по учебникам истории, по фильмам, по рассказам дедов и отцов. Их нелегкая молодость познала грохот бомбежек, жестокие схватки с врагом, скорбные взгляды матерей, которые провожали своих сынов в непредсказуемую неизвестность. Всем им досталось пережить ужасы, о которых ранее не ведало человечество.

И на фронтах, и в тылу на плечи всех живых выпали чудовищно тяжелые испытания. Но они сумели осилить и войну, и разруху, потому что в душе несли веру в свою Россию, и никто не сомневался, что Победа будет за нами.

В честь 70-летия Великой Победы люди пишут свои воспоминания. И это – живая летопись тех суровых дней, которые живут в памяти яркими вспышками боли.

Все помнят голод, многие – эвакуацию под бомбежками, школьные дни свои, когда не хватало одежды, учебников, тепла, света, керосина и т.д. Не было дома ни папы, ни мамы, старшие

дети быстро выросли и становились опорой для младших.

Пишут о внезапно свалившихся трудностях, когда люди тянулись друг к другу и вместе переживали все тяготы жизни. Это помогало перенести и гибель родных и близких, и болезнь, и страшный голод.

Наш завод ЭВМ начали строить, когда едва минуло 10-12 лет после Победы. Главными строителями были те, которым посчастливилось вернуться с войны живыми. Полные сил и энтузиазма, они брались за любую работу. С душой, радостью возводили заводские корпуса под руководством замечательного человека, талантливого руководителя — первого директора Минеева Константина Елизаровича. Все ему верили, надеялись, как на нерушимую крепость, и не ошиблись.

Но самыми активными участниками нашей великой заводской стройки были комсомольцы. И это были - дети войны. Еще не зажили вчерашние травмы, не забылись военные беды, а душа тосковала по светлому и радостному труду во имя жизни.

Мое поколение попало в заводской коллектив, который сложился на стройке завода. Мы учились у ветеранов быть добрыми, честными, искренними, учились взаимовыручке, состраданию, всему, чем российский народ должен гордиться. Благодаря не только святому героизму, но и этим качествам наша страна выстояла в той непостижимо жестокой войне.

Через войну прошли оба моих деда и отец, а также отец жены. Брат отца потерял ногу в боях за Вену. В боях погибло несколько родственников, а те, кто вернулись живыми, до сегодняшнего дня не дожили. День Победы всегда отмечаем в семейном кругу, вспоминая родных.

Никакому врагу никогда не понять, почему в минуты смертельной опасности наш народ не сломить? Да потому, что в нем живет высокая духовность, великая любовь к Отечеству. Россия всегда была и будет духовной крепостью для всего мира.

Спасибо ветеранам завода и всем, принявшим участие в продолжении летописи героизма народа!

*Генеральный директор
ОАО «АйСиЭл-КПО ВС»
В.В. Дьячков*

Кобзев Михаил Михайлович

*Родился 18 июня 1941г. в Молдавии.
На заводе ЭВМ трудился с 1970 по 1982 гг.
Инженер-наладчик.
Ветеран труда.*

Кто из нас не участник этой страшной войны?!

Я родился в Молдавии
За три дня до войны.
А потом рвались, падая,
Бомбы в мирные сны.

Моя мать прямо в беженки
Из роддома ушла,
По полям и валежникам
Пол-России прошла.

Убегала и пряталась,
И молилась святым,
И крестилась, и плакала
Над младенцем своим.

Шла и ночью, и денно,
Все на свете кляня,
И в корзинке плетеной
Уносила меня.

Как могла только дальше
В эти черные дни
От боев и пожарищ,
От смертей и войны.

А отец был военным,
И, границы храня,
На себя принял первым
Шквал и натиск огня.

Он до самой Победы
Гнал фашистов и бил,
И с осколком, как с метой,
Возле сердца прожил.

Я тот май помню светлый,
Когда к нам, наконец,
Возвратился с Победой
Мой бесстрашный отец.

Помню радости крики,
Помню плакала мать,
Как друг друга бросались
Все вокруг обнимать.

Наше детство украли
У детей всей страны,
Кто из нас не «участник»
Этой страшной войны?!

.....

Нет отца. Только память
Неподвластна годам —
Ордена и медали
Внукам я передам...

Мамы нет. Только память
Все большее с течением дней.
Ведь она в том, войною объятom,
Сорок первом, страшном и клятом,
Дважды жизнь подарила мне...

Арсланова Раиса Мухаррямовна .

*Родилась 3 ноября 1936 года.
На заводе ЭВМ трудилась 31 год,
инженер – технолог.
Почетный ветеран завода.*

Война кончится, и мы снова будем счастливы

Война застала нас в Узбекистане, в г. Наманган, в Ферганской долине. Папу призвали в первые же дни войны. Накануне отъезда он повел всю семью погулять в парк. Угощал мороженым, купил всем своим детям маленькие подарки.

Служил он на Южной границе, так как со стороны Афганистана ожидали прорыва немецкой армии. На фото того времени он выглядит усталым, похудевшим и очень загорелым.

В городе заклеивали окна. На улицах было полно народу. С семьями, с детьми, с едой приезжали из районов отправляться и провожать на фронт.

В детском саду мы учили военные песни, стихи про тимуровцев,

*20 декабря 1941.
1. Мира
На нашей
дорожке
Фирке, Ревке,
Зрику и Рашке.
Ваши Тима*

Рая, 1941 г

сатиру про фрицев. Слушали и обсуждали сводки с фронтов и собирали бутылки для горючей смеси. Нас водили гулять в парк, где днем репетировал оркестр. Музыка мы воспринимали так: вот пробираются разведчики, вот скачет конница, вот наступают танки и так далее.

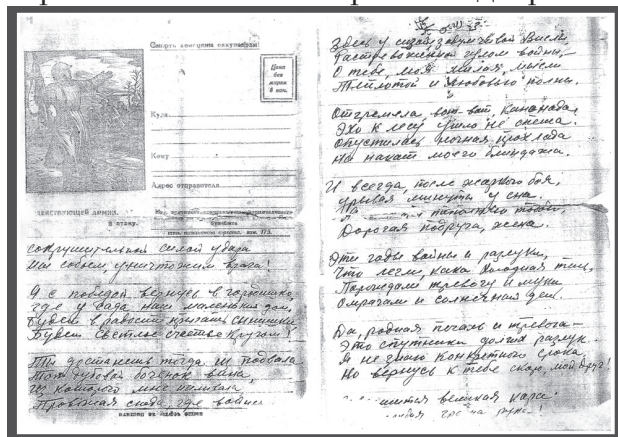
В 1944 году я начала учиться в женской школе. Мама вырезала из какой-то одежды кусок сукна и сшила мне сумку. Сняла ситцевую наволочку с подушки и сшила сарафан в качестве школьной формы. Дети всех классов работали в колхозах, на заводах не только летом, но и после занятий. А с сентября

до зимы уезжали собирать хлопок. Даже в первом классе после уроков мы чистили жесткие коробочки незрелого хлопка, так называемый — курак.

В 1943 году все мальчики четырех десятых классов и несколько молодых учителей ушли на фронт добровольцами. Некоторым из них не исполнилось и семнадцати лет. Вернулось только трое покалеченных парней. Погибла дочь наших соседей, семнадцатилетняя статная красавица Тоня. Она была связисткой.

9 мая 1945 года мы проснулись рано от криков на улице: «Победа, Победа!». Ну и сами, конечно, устремились на улицу. А к вечеру соседи стали собираться к застольям прямо во дворах под виноградниками.

В 1950 году мы семьей уехали в Казань, где я окончила школу №85, затем КХТИ. На заводе ЭВМ проработала 31 год, Почетный ветеран завода ЭВМ.

Привожу стихи, присланные с фронта, которые хранятся в нашей семье:

***

Сокрушительной силой удара
Мы собьем, уничтожим врага.

Я с победой вернусь в городишко,
Где у сада наш маленький дом.
Будет в радости прыгать сынишка,
Будет светлое счастье кругом.

Ты достанешь тогда из подвала
Тот дубовый бочонок вина,
Из которого мне наливала,
Провожая туда, где война.

Здесь, у сизой, задумчивой Вислы,
Растревоженный гулом войны,
О тебе, моя милая, мысли
Теплотой и улыбкой полны.

Отгремела вот-вот канонада,
Эхо к лесу ушло не спеша,
Опустилась ночная прохлада,
На накат моего блиндажа.

И всегда, после жаркого боя,
Урывая минуты у сна,
Я с тобою, встречаюсь с тобою,
Дорогая подруга - жена.

Эти годы войны и разлуки,
Что легли, как холодная тень,
Порождали тревогу и муки,
Омрачали и солнечный день.

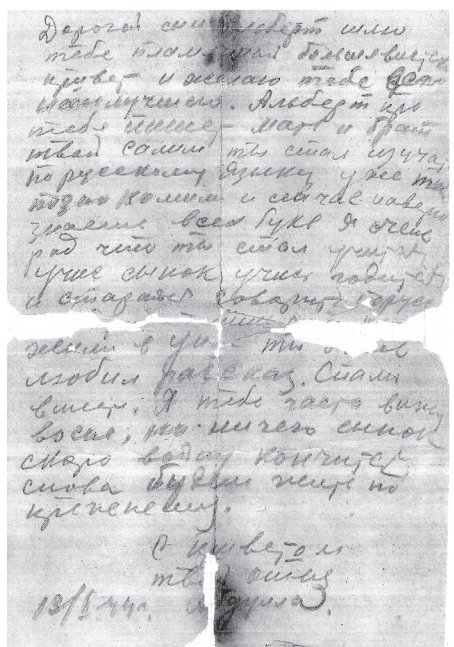
Да, родная, печаль и тревога-
Это спутники долгих разлук.
Я не знаю конкретного срока,
Но вернусь к тебе скоро, мой друг.

Совершится великая кара,

.....

Далее текст не разборчив

(Автор неизвестен)

Хранится в нашей семье и письмо моего дяди Абдуллы Насибуллина своему сыну:

Дорогой сын Альберт! Шлю тебе пламенный большевистский привет и желаю всего наилучшего. Альберт, про тебя пишет брат твой - Салим. Ты стал изучать русский язык. Уже тебя познакомили со всеми буквами и сейчас ты, наверное, все их знаешь. Я очень рад, что ты стал учиться. Учись, сынок, это пригодится. Старайся говорить по-русски. Жили в .... Ты очень любил рассказ. Спали вместе. Я тебя часто вижу во сне. Но ничего, сынок, скоро война закончится, снова будем жить по-прежнему.

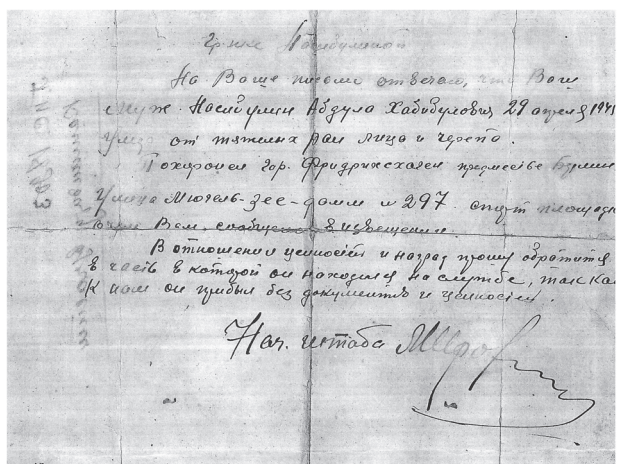
С приветом. Твой отец Абдулла
13.01.44 г.

Дядя Абдулла с войны не вернулся. Он скончался в госпитале на территории Германии от тяжелых ран, о чем свидетельствует извещение.

Похоронка гражданке Насибуллиной.

На Ваше письмо отвечаю, что Ваш муж, Насибуллин Абдула Хабидулович, 29 апреля 1945 г. умер от тяжелых ран лица и черепа. Похоронили в городе Фридрихсхаген, предместье Берлина, улица Мюгельзее-дамм № 297, спорт-площадка. О чем Вам сообщили по извещению.

В отношении ценностей и наград прошу обратиться в часть, в которой он находился на службе, так как к нам он прибыл без документов и ценностей.

В отношении ценностей и наград прошу обратиться в часть, в которой он находился на службе, так как к нам он прибыл без документов и ценностей.

Нач. штаба: подпись

**Бадрутдиновна Маргарита
Шамсутдиновна**

*Родилась 25 мая 1937г.
Почётный ветеран завода ЭВМ (КПО ВС).
С 1959 по 1992 работала на Казанском заводе
математических машин (КЗЭВМ, КПО ВС).
В ОАО «АйСиЭл - КПО ВС» работает с 2000г. до
настоящего времени.*

**Мы выстояли и потому, что много вокруг
было доброты, сердечности,
взаимоподдержки**

Мне было 4 года, когда началась война. Мы жили в Западной Украине в пограничном городе Залещики, куда в 1939г. после расширения границ СССР была направлена военная часть, в которой служил отец.

Отец - Бадрутдинов Шамсутдин Бадрутдинович - 1907 года рождения, кадровый военный, призванный в РККА в 1929г. - участник Финской кампании и Великой Отечественной войны.

Мама - Бадрутдинова (Исхакова) Магира Муртазовна — 1913 года рождения воспитывалась в детдоме в г. Чистополе с 1917г. У неё была постоянная тяга к учёбе, тем более, что этому очень способствовала советская власть. Находясь в детдоме, она

Наша семья, 1939 г.

окончила Чистопольский педтехникум, затем была направлена в Казанский университет на рабфак. Поскольку жить приходилось только на стипендию, из-за постоянного недоедания после зимней сессии на 3 курсе геофака серьёзно заболела (впала в круглосуточную спячку по причине нервного истощения), затем больница, санаторий.

По возвращении из санатория комсомольская организация КГУ дала ей путёвку для работы в Октябрьский военный городок на должность воспитателя детского сада. К началу нового учебного года она вышла замуж за моего отца. Начались жизненные университеты, т. к. вскоре родилась дочь (которая в 9 месяцев заболела ДЦП и была инвалидом с детства), а отца по службе кидали из части в часть, потом родилась я, далее Финская кампания. Учиться маме более не пришлось. Всю жизнь работала педагогом по дошкольному воспитанию, благо что во всех воинских частях имелись детсады, и работой она была обеспечена, а мы ходили в её детсад.

Итак, мы живём в городе Залещики на границе с Польшей по реке Днестр. Население местное очень недружелюбное (для них мы оккупанты на их исконных землях). Все знают, что война

Мне 4 года, г. Залещики,
до начала войны менее месяца

начнется не сегодня-завтра. Всех военных, в том числе отца, перевели в УР (укрепрайон), а семьи остались в городе. Чтобы не сеять панику, со всех была взята подписка, запрещающая эвакуацию. Конечно, все готовились к возможному отъезду. Мама собрала огромный рюкзак с необходимыми продуктами и предметами первой необходимости, прихватив плащ-палатку отца, которая оказалась в дороге архиполезной вещью. Мне тоже собрали рюкзачок с нашими детскими вещами.

И вот 22 июня в 4 утра с началом бомбардировки мы двинулись на вокзал. Быстро

бежать не могли, так как у мамы был тяжеленный рюкзак, а на руках моя неходячая сестра 6,5 лет. Я своим ходом с рюкзачком, в одной руке сетка с хлебом, в другой - кувшин с вишневым вареньем. Пока мы добрались до вокзала, оказалось, что состав с «телячьими» вагонами уже забит до отказа, вплоть до крыши. В ушах до сих пор стоит мамин крик, дополняемый нашим рёвом, бегаем вдоль состава в полном отчаянии. Машинист паровоза сжалился над нами и помог забраться на тендер с углём, где было уже несколько женщин с детьми. Здесь-то и пригодилась плащ-палатка отца. Устроившись на угле сразу за паровозной трубой, плащ-палатку расстелили и сделали подобие навеса.

Мы долго ехали на Восток: то пути разбомбят, то снаряды попадают в состав, кроме того, «зелёная улица» предоставлялась военным составам. В вагонах из-за антисанитарии начались эпидемии. Зараза вагонная нас минула, только от грязи начались вши и чесотка. Когда доехали до Зелёного Дола, охрана оцепила состав. Составы с беженцами должны были быть переформированы для эвакуации либо в Среднюю Азию, либо в Сибирь. Казань принимала только составы с эвакуированными предприятиями и их семьями. Мама безуспешно пыталась доказать охране документами, что Казань - её родной город. Тогда она написала записку своему зятю - мужу своей родной сестры Гафиатуллину Сулейману Халиловичу, который был Наркомом Татарии и по совместительству по военному времени был председателем Совета Обороны Татарии. Вновь выручил машинист нашего состава, который сумел передать ему записку. Имя этого машиниста память не сохранила, но вечная память этому человеку, который стал нашим спасителем. В последние дни перед дальнейшей отправкой состава с беженцами произошло чудо: дядя нас разыскал, и нам разрешили сняться с поезда. Дядя отправил нас на служебной машине к себе домой, а сам остался на вокзале. Семья практически всю войну его не видела, такая была нагрузка военного времени.

Для тёти наш приезд был полной неожиданностью, ведь ни телефон, ни телеграфная связь у гражданского населения не действовали. Срочно затопили колонку в ванной, обрили голову, невзирая на наши протесты. А чтобы нас успокоить, предварительно обрили наших двоюродных братьев и сестру. Одежду вместе с косичками сожгли после помывки, намазав нам руки

серной мазью, усадили за стол. После нескольких дней проживания в их семье дядя нас поселил на улице Волкова, дом 60 в коммунальной квартире на 5 семей. Нам выдали ордер на одну из комнат, так как хозяйка тётя Дуся сбежала из Казани с вещами, боясь немцев, которые уже были под Москвой. Спустя несколько месяцев, когда немцев отогнали из Москвы, тётя Дуся с вещами вернулась, её вселили к нам в комнату. Так мы (две семьи) жили в одной комнате, разделённой ширмой почти до конца войны. Благо у нас мебели было всего 2 кровати и стол - тумбочка.

Дядя, несмотря на его должность и соответственно возможности, нам, семье фронтовика с ребёнком-инвалидом, никаких исключений не сделал. И в своём быту он был совершенно аскетичным человеком, истинным патриотом Родины. На старости лет, живя на персональную пенсию в Казахстане, тётя много раз просила купить ей впервые в жизни золотые серьги и обручальное кольцо, на что Сулейман Халилович отвечал, что это мещанство и никогда этому не бывать. От того, что происходит сейчас, когда за годы перестройки страну превратили в общество потребителей, живущих по понятиям, дядя от отчаяния, думаю, крутится в могиле пропеллером.

Соседи по коридору были дружными, общие горести сплачивали. Если и вспыхивала ссора в силу нужды и бытовых неудобств, то вскорости наступал в коридоре мир и общее чаепитие с сахарином и морковной заваркой. Напротив нашей комнаты жили бездетные тётя Шура и дядя Андрюша Летовы. Мы пропадали в их комнате. Тётя Шура за нами приглядывала. Дядя Андрюша работал слесарем на швейной фабрике, естественно, припрятывал часть заработанных денег от аванса и полочки, т.к. любил выпить. Дело доходило до драки, но никто из соседей не вмешивался. Иначе они ополчались вдвоём. Затем наступал мир, и всё продолжалось по-прежнему. Добрые люди оставили светлую память.

Другой сосед - Алексей Иванович Осипов - еще до революции окончил фельдшерские курсы. Был диагностом до мозга костей и преданный Гиппократу до самой смерти. Дело в том, что я была очень болезненной. Ко мне липла любая инфекция. Благодаря Алексею Ивановичу я выжила. Он меня лечил бесплатно, ни разу не взял денег ни за лекарство, ни за уколы. Мама была

молодой, сон был крепким, а Алексей Иванович ночью с уже прокипяченными шприцами и с набранным лекарством долго стучал в дверь, чтоб сделать мне укол. Вечная память Алексею Ивановичу, и если есть рай, то там его место.

События военных лет отложились в детской памяти отдельными эпизодами.

1) Осень 1941 года. Мама сразу пошла на работу, а меня определили в детсад, который находился на улице Свердлова напротив военкомата. И вот я, 4 - летняя кроха, ежедневно самостоятельно добиралась до садика. Это от улицы Волкова, через Шамовскую рощу, Суконный базар и 2/3 пути по ул. Свердлова. Зима 41 года была чрезвычайно суровой. Морозы доходили до -45°C . Мама меня укутает во все одежды и шали так, что только глаза оставались открытыми, и я бегу в садик. При этом помню мамин наказ: не останавливаться, кто бы только ни пытался заговорить со мной. Она, будучи педагогом, придумала для меня страшную историю, что из детей делают начинку в пирожки, и она сама будто видела детский мизинчик в пирожке. История с мизинчиком гнала меня безостановочно до самого садика.

2) За нами следить было некому: отцы на фронте, матери на работе, всё свободное время пропадали либо в очередях, либо на улице, которую любили до потери пульса. Улица Волкова была патриархальной с деревянными, как правило, одноэтажными домами, с кучей построек во дворах. Нас, ребятишек, было до сотни. Овраги Шамовской рощи буквально обглажены нашими задами. Много бегали на коньках «спотыкачках», которые прикручивались верёвками к валенкам.

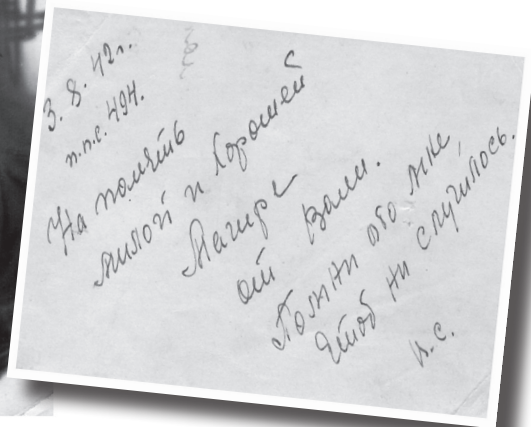
Дети нашего двора, октябрь 1941 г.

Вечером мама сушила в духовке валенки, пальто, шаровары, варежки и т.д. Маленьких не обижали. Наше дворовое братство сохранилось на долгие годы. Запомнился такой эпизод. Мы заигрались, а все дворы были изрыты щелями (открытые бомбоубежища). У соседей из дома напротив была коза, которую должна была пасти дочь Нина. Козу привязали к дереву во дворе нашего дома, а сами убежали в Шамовскую рощу. Перед возвращением матери с работы все собрались домой. Вспомнили про козу, а она, оказывается, споткнулась и свалилась в бомбоубежище, удушившись на веревке. Мы выли от горя на всю улицу: и козу жалко, а Нину ждало серьёзное наказание.

3) Поскольку я без конца болела, где-то в 1943г. пришел денежный аттестат с фронта от отца. Мама сумела договориться с молочницей, чтобы она 1 раз в неделю приносила нам четверть молока (3 литра). Моей задачей было вскипятить это молоко. Я поставила его на керосинку, а сама унеслась на улицу, как казалось, ненадолго. Когда вспомнила про молоко, вернулась, а оно «убежало». Я ничего лучшего не придумала, чем половой тряпкой собрать остатки молока и отжать его в кастрюлю. А вечером мама, застав эту картину, очень горько заплакала. Это для меня было худшим наказанием, лучше бы отлупила, как это было принято в других семьях. Но мама была педагогом от бога, ни разу в жизни не подняла на нас руку, просто, если мы провинились, говорила: «Не заставляйте меня повышать на вас голос»

Была бы скорее и Гитлер,
но бывали случаи, когда бы потом
забыли все.
Мама, привези Ринку и Ринку.
Гитлер, кто у тебя нового.
У меня крупицы новостей нет.
Мама писала, что у тебя огород невелик,
я же советую поговорить к деду - т.е.
давай больше овощей и фруктов.
Моя дилемма очень тесна.
Я не сама по-прежнему авою.
Ты же жила в деревне.
Ничего нет крепко.
Мне же.
ч.к. а
п.с. 484
Милиционер дивизиона, анне
по имени Баррей и
такого же имени.
Я живу теперь прощай, итак же
Анна тоже несколько раз, но
о тебе не пишу.
Не жди от что-то, мое
лучшее

Милая Мама!
25.06.44
Тот год был непрерывной тоской, тоской
как тогда пишу я тебе, мои друзья!
Мне жаль, и в вранье
люблю очень тебя.
Мне когда навостришь уши
пеленки в духовке,
Мне когда вынеси шить,
Мне когда тебю,
Мне когда других не пишу,
Козабавь была.
Мне когда ты только ждешь
писем не пишу,
Мне когда ты надеюсь,
Всем кто вынеси тебе
Мне жаль, и в вранье
Как вынеси я, буду знать
Только ты с тобой.
Горько ты унеси тебе,
Как никто друзей.
Мама, тебе же самой боюсь, оно
тройную до твоей души.
Сколько я делала в тебе, вей
и пишу тебе. Мама, ну что так ждешь
мне жаль ты, попробуй первого на
всех моих адрес, кто-то же будет
мне жаль. Милая анна

4) В 1942г. маме пришло с фронта письмо от её подруги Вали по рабфаку КГУ. В это время по всем фронтам распространилось гениальное стихотворение К. Симонова «Жди меня», так созвучное и фронтовикам, и их близким в тылу. Валя не знала автора стихотворения, но оно затронуло души всех. Вот она и поделилась своей радостью с мамой. Если бы К. Симонов ничего не написал, то даже только «Жди меня» его прославил бы в веках. К глубокой скорби, Валюша на фронте погибла совсем молодой. Я всё хотела переслать Валюшино письмо К. Симонову, но так и не решилась. Думаю, что и без меня его завалили письмами.

5) В декабре 1943г. после победы под Сталинградом забрезжила надежда на мирную жизнь. Для детей стали проводить новогодние ёлки в детсадах, школах, районах, городе. Всем детям давали новогодний подарок, в котором обязательно присутствовал мандаринчик. Его вкус и аромат запомнился на всю жизнь.

Дядю должны были по партийной линии перевести в январе 1944г. в Казахстан (Сталин постоянно проводил ротацию кадров). Тётя Нина тоже решила устроить новогодний праздник для детей и тоже с подарками. Затем всех детей пригласили к

Жигановым. Дело в том, что мама и ее сестра Нина были однокашниками с Н.Г. Жигановым по детдому в г.Чистополе, дружили всю жизнь, жили в одном доме на углу против Лядского сада, который считался правительственным. Запомнилась ёлка у Жигановых большим весельем, которое сопровождалось игрой на пианино Назиба Гаязовича. А тётя Серафима Жиганова ещё и запевала нам. Их дочь - моя сверстница Света - была в очень нарядном платьице с фартучком. Этот фартучек сразил меня наповал на долгие годы.

6) В 1944г. я пошла в 1-й класс. Школа №86 была семилеткой и женской. Запомнилось, что чернильницу — непроливайку зимой надо было носить в кармашке платья, чтобы не замёрзли чернила. Начинали обучение с написания палочек в прописях. При входе в класс дежурные проверяли опрятность одежды, чистоту рук и ногтей, а также заглядывали в волосы, так как вши

В первый класс, 1944 г.

были обычным явлением. В большую перемену был бесплатный перекус: кусочек хлеба с песком либо коржик. Ещё запомнилось, что ежедневно заставляли пить по ложке рыбьего жира. Штука отвратительная, зато поддерживала здоровье. Урок физкульту-

Первый класс школы № 86. Учительница Мария Ивановна Козлова

ры был обязательным. В спортзале были турник «конь», канат с потолка, зимой ходили на лыжах, которые были обязательно в каждой школе. Лыжи на мягких креплениях. Сдавали нормы БГТО и ГТО. Страна растила здоровое поколение, а спорт был массовым. Если не умеешь плавать, то тебя спускали на верёвке на талии в Кабан либо в Казанку. В конце - концов, все научались плавать.

Ещё запомнился дворец пионеров с массой кружков и секций, и всё это бесплатно. Я выбрала драматический кружок, кружок бального танца и хор. И хотя не отличалась ни голосом, ни слухом, мне не было отказано в желании петь. Просто меня поставили в дальний ряд (это при моем маленьком росте), чтобы я своими талантами не портила общей картины. И в этом величие педагогов военного времени, любивших детей, а не кошельки родителей, как это происходит в наши дни. За это громадная благодарность тем педагогам и воспитателям.

7) Шамовская роща и ее глубочайшие во времена нашего детства овраги были излюбленным местом игр. Летом строили на склонах пещеры, окопы, а зимой дополняли склоны трамплинами и неслись на санках на сумасшедшей скорости через

трамплины. Сейчас овраги засыпаны и застроены.

Выше Шамовской рощи в сторону строительного института шла улица Зеленая, застроенная частными и одноэтажными домиками. В одном из таких домов напротив нашего дома №60 по улице Волкова жила семья Вадима Кешнера. Он с детства «болел» театром. Благо в их доме соседом был Сесюсин, работавший в реквизиторском цехе Качаловского драмтеатра.

Вадим создал «театральную труппу» из ребят окрестных домов, сам был режиссером-постановщиком и главным героем. На женских ролях героинь были наши одноклассницы Майя Корнилова, Нина Сесюсина и Таня Буртаева. Остальные ребята, в том числе и я, в массовках. Отец Сесюсиной приносил парики, какой-то реквизит.

Ставили «Золушку» и т.д., играли в их дворе, затем во дворах соседей по всей улице Зеленой, а затем на нашей улице Волкова.

Взрослые и дети были очень благодарными зрителями.

Так детское увлечение Вадима Кешнера переросло в дело жизни, превратив его в кумира казанской публики, а затем народного артиста ТАССР и РФ.

8) Ярким событием в жизни казанцев был ледоход на Волге. В трамваях расклеивали плакаты «На Волге тронулся лед», затем «На Волге полный ледоход». Казанцы семьями, толпы молодежи и детей ехали в речной порт. Тогда ледоколов не было, Волга была быстросходной (Куйбышевского моря также еще не было), таяние шло естественным путем.

И когда начинался ледоход, это было очень красочным зрелищем. Громадные льдины лезли друг на друга и с грохотом раскалывались.

Греться ходили в здание речпорта. К сожалению, Казань, пожалуй, единственный город на Волге, который не имеет здания порта. Старое здание распродано, туристы по прибытии теплоходов из-за этого имеют массу неудобств.

9) День Победы запомнился навсегда. Рано утром 9 мая 1945г. Левитан объявил о Победе. Эта весть моментально распространилась, ликование людей «со слезами на глазах» не было предела. Все соседи нашей коммуналки и из многочисленных хибарушек во двор стали выносить столы, стулья, разнообразные припасы.

В соседнем частном доме №58 по ул. Волкова жили двое

одиноких очень замкнутых стариков Пшичкиных в глубине фруктового сада. Этот дом стоит до сих пор в окружении высоченных элитных домов. Сад и их покой охраняла злющая собака. Несмотря на постоянный голод и достаточное количество воров-профессионалов в окружающих дворах, никому не удавалось проникнуть в их сад или дом. Собака могла разорвать. Мама на радостях, забыв об их собаке, перелетела высоченный забор, а её собака и не тронула! Видимо она излучала огромную радость и счастье. В нашем дворе составили столы, праздновали целый день, Пшичкины тоже приняли участие в торжестве. Мы, дети, бегали по всей улице, добрались и до улицы Баумана и до площади Свободы, ловили поздравительные листовки, которые там сбрасывали с самолёта.

Страшное время бесконечного горя военных лет завершилось, у многих моих одноклассников, друзей не вернулись отцы с фронта. За победу была заплачена высокая цена как участников боёв, так и самоотверженных тружеников тыла. Хочется отметить вклад в Победу моей семьи и ближайших родственников: отца, его родного брата, зятя мамы Гафиатуллина С.Х. и её двоюродного брата Тумашева Г.Г.

I. Отец Бадрутдинов Шамсутдин Бадрутдинович - кадровый военный, принял первый бой 22 июня 1941г. со своей частью на укрепрайоне на границе с Польшей. Прошёл боевой путь от рядового солдата из глухой деревни до подполковника, артиллерист-противотанкист, всю войну провел на передовой. Участник Сталинградской битвы, участник освобождения Киева, форсировал Днепр со своей батареей. Награждён 13 боевыми наградами, в том числе орденами Польши и Чехословакии, освобождал Будапешт, Прагу, Вену, Варшаву, участник Берлинской операции. В 1942г. был контужен, пролежав несколько дней засыпанным землёй на поле боя. Демобилизовался в конце 1948г. по болезни (сказалась контузия). Затем был отправлен в отставку с правом ношения военной формы. Был инвалидом Великой Отечественной войны 2 группы пожизненно. Скончался в 1977г.

II. Брат отца - Бадрутдинов Фахретдин Бадрутдинович 1906г. рождения, призванный на войну в 1941г., в боях под Смоленском в 1943г. был смертельно ранен, похоронен 19.09.43г. в Смоленской области, Пречистинский район, деревня Вербино. У него осталось 6 детей: мои 4 двоюродные сестры и 2 брата. Кро-

ме старшей двоюродной сестры, так как она рано вышла замуж и осталась в деревне, остальные прошли через нашу коммуналку. Раньше паспортов в колхозе не давали, все по очереди приезжали к нам для поступления в ФЗУ, потом получение паспорта, затем жизнь в общежитии, а далее работа. Все состоялись как специалисты. Вторая сестра Рауля, поступив в ФЗУ на авиационный завод, встретила парня с такой же судьбой Галимуллу Асхадуллина (на завод он, сирота, прибыл в ФЗУ в лаптях также из глухой деревни). Галимулла стал высокклассным специалистом, заслужил звания Герой Социалистического Труда, два раза избирался депутатом Верховного Совета СССР. В Арске на аллее Героев ему при жизни поставили памятник.

III. Дядя Сулейман Халилович Гафиатуллин был Наркомом

С.Х. Гафиатуллин - Нарком Татарии
коренных жильцов.

Татарии с 1940 до начала 1944г., один из первых от Татарии был кавалером ордена Ленина, избирался депутатом Верховного Совета СССР с 1938 по 1947г. Во время войны исполнял обязанности Председателя Совета Оборона Татарии, организовывал приём и немедленное развертывании эвакуированных в Татарию оборонных предприятий, президиума АН СССР и институтов. В кратчайшие сроки заводы запускались зачастую под открытым небом и начинали выпускать продукцию. При этом необходимо было решать также специально-бытовые, жилищные вопросы уплотнением

По прошествии более 65 лет с окончания войны в печати начала появляться информация рассекреченных документов. Приведу два примера.

1. Есть телеграмма, подписанная Наркомом СССР И.В. Сталиным, Наркому Татарии о работах по созданию атомной бомбы, которую возглавлял академик Ланге. Согласно телеграмме необходимо было доставить к 5.10.1942г. из блокадного Ленинграда 2 кг урана, а к 1.01.1943г. изготовить и установить

ядерный ускоритель, ответственный С.Х.Гафиатуллин. Работы велись на территории завода «Сантехприбор». Из-за недостатка в то время культуры обращения с радиоактивными веществами отходы сливали в различных местах, отчего до настоящего времени в районе «Сантехприбора» счётчик Гейгера просто зашкаливает.

2. В газете «Республика Татарстан» от 8.02.2013г. историк Куранов в заметке «Чем запомнилось 11 февраля 1942г.» пишет о строительстве Укрепрайона ТАССР согласно Приказу №1 от 23.10.1941г., подписанному наркомом С.Х.Гафиатуллиным. В строительстве Укрепрайона участвовали студенты, преподаватели, жители пригородов – свыше 107 тысяч полуголодных и полуодетых людей. На морозе ниже 45°С работали по 10-12 часов, рыли практически одними лопатами траншею глубиной 1,5м. Это был подвиг казанцев, построивших к 11.02.1942г. 333км длиной противотанковый оборонительный рубеж, с необходимыми командными и огневыми точками и т.д.

Победа в Сталинградской битве ознаменовала перелом в ходе войны. Казанские предприятия стабильно ценой колоссального мужества тружеников тыла обеспечивали фронт боевой техникой: самолётами, подводными лодками, вооружением и т.д. Необходимо было наладить продовольственную программу как для фронта, так и для голодающего населения страны. С этой целью С.Х.Гафиатуллина в начале 1944г. перевели в Казахстан. С поставленной задачей он также успешно справился на должностях председателя Чимкентского, затем Уральского облисполкомов, возглавлял целинный зерносовхоз и т.д. до выхода на персональную пенсию. Избирался и от Казахстана депутатом Верховного Совета, кавалер ордена Ленина и других государственных наград.

IV. Дядя, Гумер Галеевич Тумашев, 1911 года рождения, мамин двоюродный брат - крупный учёный - механик, ученик Н.Г. Четаева. Он подготовил 35 кандидатов наук, 8 из них стали докторами, в том числе ректор КГУ М.Т.Нужин. В самом начале

Г.Г. Тумашев (третий слева)

войны обнаружилось, что профиль крыла самолёта Пе-2 выбран неудачно, так как даже с увеличением мощности двигателя бомбовая нагрузка Пе-2 не менялась. Г.Г.Тумашеву были поручены теоретические работы по выбору нового профиля. В результате проведённых расчётов были устранены недостатки и существенно улучшены летные характеристики Пе-2. За эту работу в военное время Г.Г.Тумашев был удостоен медали «За трудовую доблесть». Он считается одним из родоначальников Казанской школы по подземной гидромеханике, был организатором исследований по рациональной разработке нефтяных скважин.

Итак, 9 мая - долгожданная Победа. Страшные годы войны, наконец-то, остались позади. У большинства моих друзей и сверстников отцы не вернулись с фронта, а у некоторых вернулись калеками.

Моей семье повезло: отец, провоевав всю войну на передовой, остался жив. У него был фронтовой друг Барсоев, который оста-

Семья в полном составе, октябрь 1945 г.

оставил наказ проявить заботу о семье в случае его гибели. Барсоев погиб. В октябре 1945г. отец приехал в недельный отпуск, а по пути в Казань заехал к вдове Барсоева и забрал их сына Вадима Барсоева. В Казани отец помог в определении Вадима в суворовское училище, которое он успешно окончил, связав

судьбу с военной профессией. Окончив военное училище, служил в Москве. К сожалению, Вадим рано ушёл из жизни.

Неделя отпуска отца быстро пролетела. Он успел оформить выездные документы на маму, так как старшему командному составу было разрешено по месту службы привезти семьи, и они уехали в Австрию. Нас с сестрой оставили в Казани под приглядом соседки тётки Шуры, так как советскую школу за рубежом открыли позднее в г. Санкт-Пёльтен. Весной 1946г. нас досрочно аттестовали за 2-й и 4-й классы, соответственно, мама приехала и забрала нас в Австрию в г.Цветль, где отец служил

Встреча нового 1946 года. г Цветель

С мамой, г. Санкт-Пёльтен.

С отцом, 1947 г.

в должности заместителя командира артиллерийской бригады. И началось счастливое время для нашей воссоединённой семьи.

В Австрии состоялся и самый запомнившийся день моего рождения 25 мая 1947 года. Жили мы на ратушной площади г. Цветля в доме очень состоятельного бюргера Рудольфа Штольца. Артиллерийская бригада была расквартирована в ратуше. Воины очень скучали по своим детям, всем не терпелось скорее демобилизоваться и вернуться к семьям. Я много пропадала в казарме, там мы репетировали с полковым оркестром. И вот они мне решили сделать подарок, не согласовав свой поступок с моим отцом (он был в отъезде). Полковой оркестр в полном составе с трубами, барабанами явился в наш дом. Хозяев чуть «кондрашка» не хватила: поздравили меня, а так как в доме для оркестра было тесновато, вышли на ратушную площадь, где был дан большой концерт с главной солисткой 10-летней юбиляршей. Было очень весело, а оркестранты впоследствии за проявленную самостоятельность получили взыскание от отца.

В силу общительности характера я сразу же познакоми-

25.05.47г, г Цветель
карьеру. Дослужился сначала до звания маршала артиллерии, а в 1961г. ему присвоили звание Главного маршала артиллерии, которого его лишили по независящим от него обстоятельствам. А причиной послужила история с предательством Пеньковского, который в годы войны был его ординарцем. Пеньковский после окончания академии служил в ГРУ. К несчастью, Пеньковский женился на старшей дочери Варенцова (нашей подруге детства). Варенцов был жестоко наказан, хотя в суде проходил только свидетелем, и его вина не была доказана. Это были годы, когда советская армия была армией великой державы. Сердюковых тогда не водилось, а у Жукова была жёсткая военная дисциплина.

Ещё одна история вспомнилась из послевоенного детства. В 1947г. к нам в г.Цветель приехал В.С. Петров - сослуживец отца ещё со времени форсирования Днепра в 1943г. Оба они артиллеристы-противотанкисты, которые воюют на переднем крае, впереди пехоты.

Мама предупредила, что нас посадят за стол вместе со взрослыми, и мы должны вести себя пристойно: «Глазами не лупить, так как дядя Вася без двух рук, ему будет помогать ординарец». Дядя Вася - это молодой красавец - майор 25 лет от роду, дважды Герой Советского Союза - Василий Степанович Петров. Ординарец стоял за спиной дяди Васи и подносил ему рюмочку, закуски, манипулируя своими руками, восполняя отсутствие рук у Петро-

ва. У нас, конечно, это вызвало шок. Потом он ещё раз приезжал к нам. Его бригада стояла в Чехословакии. А история В.С. Петрова такова. После форсирования Днепра на Букринском плацдарме полку Петрова пришлось вступить в неравный бой, в котором погибли все наводящие у гаубиц. Петров перебежал от орудия к орудию и отбил атаку с большой потерей вражеской техники. В этом бою он потерял обе руки, а ему был всего 21 год. За этот бой ему была присвоена первая Звезда Героя.

После ранения он целый год лечился в московских госпиталях. Держа карандаш в зубах, написал рапорт И.В.Сталину с просьбой разрешить ему после госпиталя вернуться в свою часть. В декабре 1944г., после выписки из госпиталя, было получено разрешение на продолжение службы. А командир он был блестящий. Полк под руководством Петрова отличился вторично в Берлинской операции, при удержании плацдарма на р.Одер, совершил подвиг, уничтожив озверевшую группировку фашистов. В этом бою Петрова ранило в плечо, голову и обе ноги. За проявленный героизм его наградили второй Звездой Героя. Опять госпиталь. 17 ран было залечено, и вновь Петров пишет рапорт Главнокомандующему, чтоб ему вернуться в строй. Приказом Верховного Главнокомандующего за проявленное в боях исключительное геройство В.С.Петрова зачислили в ряды Вооруженных Сил СССР пожизненно. После войны он окончил исторический факультет Львовского университета, защитил кандидатскую диссертацию, служил до последних дней в Прикарпатском военном округе. В 1977г. дважды герою СССР В.С.Петрову присвоено звание генерал-лейтенанта. Петров В.С. скончался на боевом посту в 2003г.

В музее на Поклонной горе в Москве в Зале Славы высится 10-метровая бронзовая статуя «Солдат Победы». Эту скульптуру лепили с образа В.С.Петрова.

Пора детства по возвращении в Казань завершилась. После

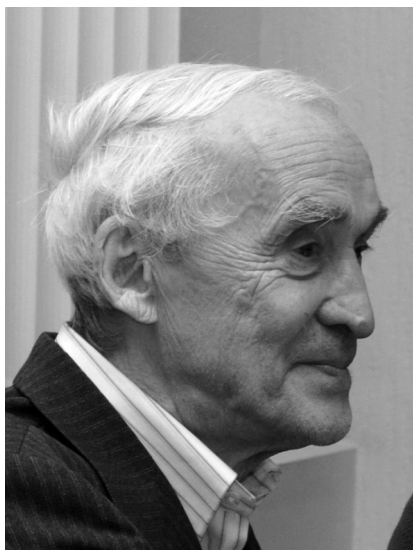
В.С. Петров, Солдат Победы. 2014г.

окончания школы №15 и физмата КГУ с 1 августа 1959г. в течение 33 лет я прошла всю инженерную иерархию от молодого специалиста до зам. главного конструктора объединения на Казанском заводе ЭВМ до его развала. В связи с производственной необходимостью экстерном закончила КАИ по специальности «вычислительная техника». Многие годы была членом Ассоциации пользователей ЕС ЭВМ. Выступала с докладами на 38 семинарах и конференциях в стране и за рубежом. Являюсь автором-составителем 19 статей в Российской энциклопедии «Связь России» (изд. Москва, 2007г.), а также 20 статей в энциклопедии «Отечественная электронная вычислительная техника» (изд. Москва, 2014г.). Мною написана книга «Казанский завод ЭВМ (КЗММ, КЗЭВМ, КПО ВС)». Являюсь автором 11 статей в «Татарской энциклопедии» и ряда статей в журналах «Казань», «Идель», «Татарстанский мир» и другие. Будучи шестидесятиницей, в молодые годы увлекалась походами в горы, покоряла Тянь-Шань, Памир, Хибины. Карпаты и др.

Имею общий трудовой стаж более 52 лет. С 2000г. по настоящее время работаю на ОАО «ICL-КПО ВС» в должностях председателя совета ветеранов с числом ветеранов более 1050 человек и директора музея «История вычислительной техники в Казани», который в числе всего двух научно-технических музеев РТ входит в ИСОМ-международный совет музеев (через ассоциацию Политехнического музея г. Москвы).

Награждена орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», 4 медалями СССР/РФ, 2 медалями ВДНХ. Избиралась Депутатом шести созывов Казанского горсовета, председатель СТК КПОВС (1989-1992).

Я счастливый человек, моя жизнь состоялась. Всю жизнь меня окружали порядочные, умные, добрые, отзывчивые люди. Судьба подарила много интересных встреч. Я родилась в государстве, где дети были высочайшей ценностью и, хотя война и омрачила наши юные годы, но мы всегда чувствовали любовь и заботу государства. Мы не делились на татар, русских, евреев и т.д. Люди жили одной единой жизнью со страной, были и остались патриотами. Годы перестройки, парад суверенитетов изменили шкалу ценностей. Выросло поколение потребителей, живущих по понятиям. Хочется надеяться, что молодёжь сможет извлечь какие-то уроки из этих воспоминаний.

Бикбулатов Ренат Хайруллович

*Родился 29 октября 1933г.
На заводе ЭВМ трудился с 1958 по 1992гг.
Прошел путь от рядового наладчика
до начальника заводского отдела ОНТИРН
Почетный ветеран завода ЭВМ.*

Такое не забывается

Война была в самом разгаре. На фронте шли тяжелые кровопролитные бои. А страна продолжает спасать свое будущее — детей.

В 1943 году появились и первые суворовские училища. В Казани такое училище было создано в 1944 году и было оно предназначено для детей погибших солдат и офицеров. Мой отец и дядя были участниками Великой Отечественной войны, поэтому я тоже был включен в списки первых суворовцев этого училища. Среди них было много детей, эвакуированных из разных областей и районов страны, но были и сироты из Татарстана.

Саша Матвейчев, например, приехал в училище из Мамадыша. «Плыли мы на барже трое суток, - вспоминает он, - а хлеба мне мать только полбуханки смогла достать. Так что поголодать пришлось в дороге. А на Казанской пристани я впервые пленных немцев увидел. И было их видимо-невидимо. Фрицы сидели на берегу, поджав под себя ноги. Они жмурились, глядя на блестящую под солнцем Волгу. А мой брат уже полтора года лежал в могиле под Орлом с осколком мины в затылке».

Поступали в училище и сыны полков. Был среди них одиннадцатилетний Ваня Пахомов. Впрочем, ни года, ни дня своего рождения он не помнил. Все это установили ему в суворовском «на глазок».

Бытовал там в те годы такой обычай: когда у кого-нибудь был день рождения, друзья отдавали ему свою дневную порцию масла и сахара (других подарков достать было негде). И вот ребята заметили однажды, что год подходит к концу, а сладкого подарка для Вани еще не собирали. А как поняли, что не знает пацан даты своего дня рождения, так и назначили — 28 декабря. Этот день Пахомов празднует и поныне. Сидя с друзьями за круглым столом, снова вспоминали, как с лычками ефрейтора, с медалью «За отвагу» на груди встретился на передовой с генерал-майором Болозневым — без пяти минут начальником КСВУ.

Десятилетний Вячеслав Тамаркин встретил войну в родном селе. В первые же дни его двоюродный брат Ефим организовал из пионеров отряд имени Гавроша. На полях сражений мальчишки собирали боеприпасы, снаряжение, спрятали несколько лошадей в надежде все это передать своим войскам.

Выслеженный как-то полицией Слава скрылся. Под видом детдомовца он долго бродил по лесам и дорогам. Затем вступил в особый партизанский полк под командованием Героя Советского Союза В. Гришина. Был награжден медалью «За отвагу». В июне 1944 раненого Вячеслава направили в тыл и, так как в живых не оказалось ни одного его родственника, его определили в суворовцы.

Да, сирот тогда хватало. Не случайно первый набор в Казанское суворовское училище составил более 600 мальчиков от 7 до 12 лет. Их сформировали в шесть рот по возрасту. Автор этих строк был зачислен в третью роту. Помощниками командиров взводов и старшинами стали сержанты сверхсрочники. Первой роте предстояло учиться пять лет, шестой — десять.

Офицеры-воспитатели имели высшее или незаконченное высшее образование. Они прибыли с фронтов в полевых формах с личным оружием. А это одно уже внушало воспитанникам уважение. Особенно полюбили мальчишки офицеров Маркова, Гучника, Гаврилова, Рябенкова, Фортакова. А общепризнанным кумиром стал Сулима - бывший разведчик с множеством орденов и медалей.

Офицерами были и учителя. Отбор в училище организовали очень тщательный, и в итоге все преподаватели оказались знатоками своего дела. Поэтому на математических, физических, химических и других олимпиадах казанские суворовцы без труда брали призовые места.

А ведь совсем недавно педагоги с оружием в руках защищали советскую землю. Так, преподаватель русского языка и литературы В. Петров на фронте командовал пулеметным взводом, географ - старший лейтенант В. Игнатьев - был отважным командиром пехоты, а математик Федотов на фронте был танкистом и сквозь смотровую щель умел находить объекты и уничтожать их. Вот и потом на его контрольных списать было невозможно. Он ставил двойки, но переживал их не менее, чем мы. Методом воспитания он сделал справедливость и мужество. Возглавлял учебный процесс подполковник И. Пирожинский, которого и поныне тепло вспоминают ветераны училища.

Хорошо было поставлено в КСВУ и трудовое воспитание. Ребята сами заготавливали на зиму топливо, овощи, по очереди убирали учебные классы и жилые помещения, помогали и городу.

Особое внимание уделялось в училище физической подготовке и культурному самовоспитанию. Так, в нашем отделении были отличные гимнасты, и мы лихо выполняли сложные пирамиды, в каких-то отделениях был сильный хор, а в третьих — струнный оркестр. Мы выступали в доме офицеров и в театрах Казани.

В День Победы в училище стоял великий шум. Старшина Сулима, принесший радостную весть спящим воспитанникам, со слезами на глазах кричал: «Сынки мои! Победа! Кончилась война!» А потом торжественным маршем суворовцы шли по улицам Казани, площади Свободы, восхищая ликующую толпу.

Ренат с мамой

В тяжелые годы войны мне, 12-летнему мальчишке, годы учебы в КСВУ были самыми памятными, светлыми, радостными. Как говорится, - такое не забывается. Они дали закалку на дальнейшую жизнь.

Затем я учился в Казанской средней школе № 4. В 1951 году поступил в Казанский государственный университет на геологический факультет.

После его окончания пошел работать на Казанский завод математических машин (потом он стал называться ЭВМ) наладчиком радиоаппаратуры. Моим коллективом стала первая на заводе бригада коммунистического труда, возглавляемая Царьковым В.П.

Из 30-ти членов нашей бригады 22 человека, в том числе и я, стали учиться без отрыва от производства в Казанском авиационном институте.

Впоследствии Царьков В.П. стал главным инженером завода, Александр Железцов стал профессором, Роберт Садыков — начальником Казанского аэропорта, Александр Богданов — главным инженером одного из предприятий г. Казани, Борщевский А.И. — в настоящее время главный конструктор космических средств. Многие стали начальниками отделов, лабораторий, награждены правительственными наградами.

Меня назначили начальником отдела научно-технической

информации, рационализации и изобретательства, где я проработал до выхода на пенсию в 1992 года.

В этом, 2014 году, педагоги Казанского суворовского училища проводили юношей в самостоятельный жизненный путь в 66-й раз. На нынешний год здесь подготовлено более 14,5 тысяч выпускников, из них 512 получили золотые и серебряные медали. Многие в дальнейшем продолжали образование в военных вузах. Среди них - академики В. Антипенко, Л. Кандыбович, В. Киспелев, А. Насыров, В. Панов, Н. Еремин, 39 генералов, один Герой Советского Союза (А. Солуянов, получивший награду за Афганистан) и восемь Героев России. Несколько выпускников пали смертью храбрых в Афганистане и Чечне.

Сегодня Казанское суворовское военное училище - одно из лучших в стране. В нем бережно сохраняются старые традиции. В различных уголках страны живут и трудятся выпускники. Каждый из них сохранил жизненные установки и принципы, идущие из юных «кадетских» лет. Дух товарищества, самопожертвования во имя благородной цели и сейчас помогает им преодолевать жизненные испытания.

В начале войны мне было восемь лет, и я пошел в школу.

В нашей семье сохранилось несколько десятков писем брата моей мамы - летчика Гусмана Бикбулатова, которые он написал, когда учился в военном летном училище и когда был летчиком-штурмовиком в годы войны, о которой он рассказывал в этих письмах. Каждое его письмо домой - маленький кусочек истории Великой Отечественной.....

Сентябрь 1942 года:

«Дорогие мамочка, сестра Мунира и братик Ренат. Сегодня или завтра вылетаю на фронт. Уничтожим фашистскую гадину, чтобы не было ее больше на земле. Увидимся непременно после победного конца войны.

Стройте светлую, радостную жизнь... Ваш Гусман».

Перед самой войной Гусмана приняли в Чкаловское летное училище. На вокзале провожали всей большой семьей. Мама плакала. «Что ты, мама? Можно подумать, вы меня на войну провожаете», - пошутил будущий летчик. Но глядел невесело, хотя сбывалась его мечта.

Больше родные не увиделись.

Небом Гусман грезил с малых лет. Мальчишкой записался в Аэроклуб.

Однажды Гусман не на шутку напугал маму. Вечером прямо над домом сделал несколько мертвых петель Нестерова. Запрокинув голову, Шафикамал следила за крошечным самолетиком и не знала: то-ли гордиться сыном, то-ли плакать.

Январь 1943 года:

«Дорогая сестра Мунира! Меня опять повысили в должности. Сейчас я заместитель командира эскадрильи, хотя в этой должности должен быть лейтенант или еще выше по званию. Недавно наградили орденом Красной Звезды. Думается, что это аванс за последующие хорошие вылеты.

В полку меня уважают, во всем чувствуется сердечная атмосфера. Это меня вдохновляет. Чувствую, что научился любить жизнь, радоваться ей, не печалиться по мелочам и воспринимать все как есть. Это непросто досталось».

Гусман Бикбулатов оказался на шаг от смерти за год до последнего боя. Далее следуют строки из фронтовой газеты, которую он нам выслал. «Зенитным снарядом сорвало руль самолета. Еще разрывы. Разбита приборная стойка, повреждены винт и шасси, и рука кровит и немеет. Машина не слушается. Но уходить из строя нельзя. Одинокий самолет - мишень врага. Его спасли товарищи. «Вели до аэродрома крыло в крыло».

1 октября 1943 года:

«Здравствуй, Ренатик!

«...Вот Ренатик, давай соревноваться. Условия такие:

- 1. Слушайся маму во всем,*
- 2. Занимайся физкультурой,*
- 3. Учись только на «отлично».*

А я буду бить фашистов еще злее, чтобы скорее отпраздновать победу, чтобы таким, как ты, спокойнее рослось....».

Дважды Герой Советского Союза Анатолий Недбайло вспоминал: (книга «В Гвардейской семье»).

В звено к Бикбулатову он попал зеленым юнцом, только что из училища. В первый же вылет звеньевой взял его ведомым. Но в бою Недбайло по неопытности потерял ведущего. Да еще сбился с курса и чуть не сжег машину. После боя юный учитель

жестко отчитал такого же юного ученика. Недбайло расстроился - позор на всю эскадрилью. Однако ругался Бикбулатов только с глазу на глаз. На линейке комэска даже похвалил новобранца.

А однажды, став уже признанным летчиком, Бикбулатов устроил бой со своим же товарищем. Истребитель и штурмовик заспорили, кто круче. Спор разрешили воздушной дуэлью. Легкий «ястребок» три раза набрасывался на неповоротливого с виду «Ильюшина». И все три раза штурмовик уходил из-под обстрела. А с земли за боем, затаив дыхание, следили новоиспеченные, только что из училища, летчики.

20 сентября 1943 года:

«Дорогая мамочка и родные!

Не сердитесь на меня, что долго не писал. Последние воздушные бои были для меня исключительно напряженными. Делаю в день по два-три боевых вылета. Идут ожесточенные бои. Давно не был в такой переделке. Здесь уже не приходится говорить о сне и отдыхе. Сама жизнь десятки раз висела на волоске.

Я горжусь тем, что являюсь частичкой той огромной силы, которая ведет нашу страну к победе. Когда я вернусь домой, мне не стыдно будет смотреть людям в глаза».

В этих словах весь характер Гусмана.

Анатолий Недбайло: «В боях за Донбасс командир эскадрильи поставил нестандартную задачу: штурмовики должны были обеспечить дымовую завесу над рекой, чтобы наши войска могли форсировать водную преграду. Сами на себя тяжелые «Илы» навесили неуклюжие баки с химией. Летели втроем без прикрытия. Звеньевой - Бикбулатов. Нещадно лупили зенитки - в этом районе их скопилось, как назло, много. 36 секунд - промежуток, за который летчикам предстояло поочередно рассеять свои порции дыма - показались вечностью».

За эту операцию Бикбулатова наградили орденом Красного Знамени.

Дважды, как он писал в письмах, его представляли на присвоение Героя Советского Союза. Спустя много лет его однополчане сказали, что его считали крымским татаринном и поэтому был отказ....

7 октября 1943 года:

«Дорогая мамочка и родные!

Шлю Вам горячий фронтовой привет. Недавно погиб мой друг Александр Заплавский. За него я уже начал мстить: сбил немецкий

бомбардировщик своим «Илюшей», и сейчас нет для меня жизни без Победы, и не жаль отдать жизнь за нее. Кстати, скоро мне стукнет 21 год. Сам я жив и невредим. Обо мне не беспокойтесь».

Это последнее письмо. До 21-го дня рождения Гусман Бикбулатов не дожил десять дней.

О последнем воздушном бое Гусмана Бикбулатова в книге «Крылатая юность» пишет его однополчанин А.А. Иванов.

«16 октября вблизи села Ульяновка Приазовского района Запорожской области разгорелся ожесточенный неравный бой. Во время возвращения с боевого задания на одиночный Ил-2 набросились несколько истребителей. Фашисты знали, что штурмовик - не истребитель: и скорость поменьше, и маневренность не та.

Гусман Бикбулатов

Но они знали и другое, что от пушечного залпа «Илюши» немецкие самолеты буквально разваливались в воздухе. С опаской, но настырно повторялись атаки. Проскочивший вперед один из «Мессеров» наплыл в перекрестке прицела и тут же вырвался к земле от залпа Бикбулатова. Второй был сбит стрелком-радистом Василием Дубовым. Однако фашисты продолжали наседали на штурмовик. Силы были неравные. Пробиты баки, изорваны плоскости и фюзеляж «Ила». К счастью, действуют рули, и с той же силой тянет мотор. После очередной атаки замолк пулемет Дубова. Гусман понимал, что вырваться из этой свинцовой бури ему не удастся. «Ил» развалился на куски.

Давно кончилась война. Живые вернулись домой. А наш Гусман погиб в неравном бою. Он в то время был уже гвардии лейтенантом, заместителем командира эскадрильи, был награжден медалью «За оборону Сталинграда», орденами «Красная Звезда», двумя орденами «Красное Знамя» и орденом «Отечественной войны 1 степени».

9 мая 1975 года его сестры Марьям, Мунира и я — его племянник Ренат были на месте гибели Гусмана, где благодарные жители совхоза Розовка открыли мемориальный памятник ему

и его боевому другу, стрелку-радисту гвардии сержанту Дубову Василию Яковлевичу. Памятник получился величественный, устремлен вверх в небо.

Сотни жителей Розовки, его фронтовые друзья, родственники пришли на открытие мемориального памятника. Много цветов принесли они к подножию.

Памятник будет напоминать о суровых днях войны, в которой одержала победу его Родина ценой жизни многих тысяч таких же героев.

Но Гусман не умер, он шагнул в бессмертие, как тысячи других героев. Живет он второй жизнью в сердцах его родных и родственников, в открытом ему и его боевому другу Василию Дубову памятнике, в написанной о нем повести «В гвардейской семье» дважды героя Советского Союза Анатолия Недбайло, в книге «Крылатая юность» А.А. Иванова, живет на улице, названной в его память, в музее боевой славы, посвященном его подвигу в совхозе Розовка Запорожской области Украины.

Борщевский Август Иосифович

Родился 21 мая 1934 г. в г.Ржищев Киевской области.

На Казанском заводе ЭВМ работал 1957-1990 г.г.

Инженер-наладчик.

Почетный ветеран завода ЭВМ.

С 1994г. по настоящее время главный инженер ОАО НПО «Радиоэлектроника», главный конструктор, имеет два патента, три медали, значок «Почетный радист РФ».

Высокий авторитет нашей мамы

Родился я 21 мая 1934г. в г.Ржищев Киевской обл. Мама — Борщевская Ева Абрамовна (в девичестве Пархомовская) — работала учительницей русского языка и литературы, папа — Борщевский Иосиф Абрамович — был редактором районной газеты «Червонный прапор» — «Красное знамя». Ржищев расположен на берегу Днепра вниз по течению от Киева. Примерно 60 — 80 км. Весьма живописное место. Я ходил в детский сад. Его директором была Елена Николаевна — мать будущего Героя Советского Союза Олега Кошевого — руководителя молодежной группы Краснодонского подполья. А моя мама была классным руководителем класса, в котором учился Олег Кошевой.

9 февраля 1938г. родился брат. В Ржищеве мы прожили до 1941г. 22 июня папа с мамой были в Киеве, когда немецкие летчики бомбили Киев, но они не попали под эту бомбежку, также не попала и сестра мамы — Ревекка, которая постоянно жила в Киеве. По радио выступил Молотов и объявил: «Германия напала на Советский Союз». Речь он закончил словами: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!» (Потом стали считать, что эти слова принадлежат И.В.Сталину. Но у него и так было достаточно емких фраз в его приказах и выступлениях). А нам, детям, про это сказала наша домработница Даша.

Папа с мамой срочно вернулись назад.

В первые дни войны взрослые думали, что война кончится быстро. Даже отец мне говорил, что вот наши летчики разбомбили нефтепромыслы в Румынии, и теперь все будет хорошо.

Но, к сожалению, действительность была другой. Как известно по различным причинам на первом этапе Красная Армия терпела жестокие поражения. И вскоре встал вопрос об эвакуации семей партийных и советских работников в глубь страны. В это число попали и мы. Нас посадили на машины. Брали с собой только самое необходимое. И все думали, что уезжаем на несколько месяцев, но

получилось, что уехали навсегда. На машинах нас довезли до Полтавы. Это заняло немного времени. Там чуть не потерялся брат Толя. В какой-то момент он самостоятельно двинулся в путь неизвестно куда. Но мама вовремя это заметила и успела его остановить. Нас посадили в товарные вагоны и повезли по Союзу. По пути часто останавливались и по команде — "Из вагонов!" — все бежали от поезда. А по команде — "В вагоны!" все повторялось наоборот. Как было организовано питание, не помню, но сильного голода тоже не помню.

Однажды наш поезд застрял на мосту через Волгу в районе Саратова во время очередного налета бомбардировщиков. Дело было ночью, а я умудрился уснуть. Мама меня постоянно будила. Помню также в Астрахани мы сидели на набережной Волги, и днем был налет бомбардировщиков. Видны были разрывы

С мамой и папой, 1936г.

Семья Борщевских

Алик и Толя

зенитных снарядов. Одну маленькую девочку ранило осколком снаряда в лицо. В конце концов мы добрались ближе к осени 1941г. в п. Оранжерейное Икряновского района Сталинградской обл. Там нас разместили, как помнится, много семей в одном помещении. Там же я пошел в первый класс. Первую мою учительницу звали — Евгения Васильевна. Мама работала в школе, а Толя ходил в садик. Там же зимой мы заболели ветрянкой и болели по очереди, что неудивительно, т.к. спали мы с ним на одной кровати. Мама, чтобы как-то нас поддержать, купила

или вернее поменяла сохранившиеся драгоценности на пуд картошки. В поселке был рыбокомбинат, который продолжал работать и во время войны. Там впервые попробовали рыбные сухари (никогда и нигде я их больше не встречал) и еще было много рыбьего жира. На нем готовили пищу, в частности картошку. И ничего — ели. А вот миногу я так и не смог есть (напоминала змею), хотя это считается деликатесом. Отопление было печное, топили камышом (чаканом). Там же мы впервые попробовали и пили калмыцкий зеленый чай. Он отличался от всех чаев тем, что его пили с солью. И он хорошо утолял жажду.

В Оранжерейном мы прожили до осени 1942г. И по мере того, как война дошла до Сталинграда, нас решили эвакуировать во второй раз. Некоторое время мы жили в Сталинграде, по-моему, на стадионе. А затем нас опять посадили в товарные вагоны и повезли теперь в Марийскую АССР. И опять та же картина. Ехали примерно месяц. На этот раз нам повезло: наш эшелон не

разбомбили, хотя по пути попадались разбитые вагоны и паровозы. Никаких известий мы не получали. Но об упорных боях в Сталинграде слухи до нас каким-то образом доходили. Так мы доехали до столицы Марийской АССР г. Йошкар-Ола, где прожили некоторое время.

Это время ушло на распределение и трудоустройство взрослых людей. Маме предложили работу учительницы в райцентре Морки. Для того чтобы попасть в Морки, надо было доехать по ж.д. до ст. Шелангер, а оттуда (до Морков было еще 60км) неизвестно как. И естественно, по тем временам никакого транспорта не было, кроме лошадей. Т.е. при случае должны были отвезти нас туда. А пока мы жили прямо в помещении станции. Это была комната метров 40кв.м. И мы жили там несколько дней, конечно, не мы одни. Чем питались, не помню. Но было не очень голодно. Там же случайно мама "наткнулась" на зав. РОНО Сотнурского района Паршину Марию Александровну, которая ей предложила работать учительницей в лесучастке Тюмша, расположенном в семи километрах от ст. Шелангер. Мама, естественно, согласилась, и через два дня за нами приехал возчик и стал спрашивать: «Где здесь учительница с двумя детьми?». Он повез нас на санях в Тюмшу. Дорога шла по лесу. Было очень красиво. Все деревья в снегу. Сильный был мороз. А одеты мы далеко не по-зимнему. В Тюмше нас разместили в квартире Сорокиных. Это была семья с 4 детьми. Один из сыновей впоследствии жил в Казани, и мы с ним до самой его смерти поддерживали добрые отношения. Отец у них был на фронте и, как многие, погиб. Они занимали половину большого бревенчатого дома. Нам выделили комнату.

Причем никаких претензий со стороны Сорокиных не было. А напротив — через дорогу — располагалась школа, в которой мне предстояло учиться, а маме работать.

Поселок был построен для лесозаготовителей. Назывался лесоучастком, а одно время назывался леспромхозом. Постоянным начальником был Лукоянов, которого по каким — то причинам и в армию не брали. Поселок состоял из бревенчатых домов. Они были срублены на совесть. После того как лесоучасток закрыли, часть домов перевезли в разные места, включая Казань. Располагался поселок на двух берегах речки Тюмши, которая на картах называется Тюмшинкой. Речка была шириной не более 10м и достаточно мелкая, но своенравная во время разливов. Мо-

сты через нее (а их было несколько в поселке) регулярно надо было ремонтировать, потому что весной их часто сносило. И тогда перебраться на другой берег было сложно. А по жизни надо было быть на разных берегах. Дно у речки было песчаное и течение быстрое, а вода была настолько чистая, что водилась даже речная форель (правда, достаточно мелкая), а также налимы, небольшие щуки, бычки и пр. Мы ее ловили с помощью самодельных острог. Но это скорее для забавы. В нескольких километрах в лесу было озеро, в котором водились большие щуки, и дедушка Сорокин с помощью самодельных «морд» их почти все вылавливал. А еще в одном озере водились караси, которых мы ловили с помощью самодельных сачков. Вода из речки использовалась для питья, и ее даже можно было пить без кипячения. И никто не травился. Но в речке не купались из-за того, что вода всегда была холодная. Речка впадала в р. Ишут. Это было в нескольких километрах от Тюмши. Купаться летом ходили на эту реку, которую называли Ишуткой. Она расположена в трех километрах от Тюмши по дороге в Шелангер. Она шире Тюмши. и течение не такое быстрое. И еще вниз по течению находилась плотина, которую периодически закрывали для организации сплава бревен, заготавливаемых сверху по течению. У моста, где мы купались, было довольно глубоко, можно было даже прыгать с моста. Там же все мои ровесники учились плавать, в том числе и я.

И хотя мне не пришлось заниматься в специальных секциях, то всё, чему научился на Ишутке, позволило потом выступать в соревнованиях и даже выполнить норматив 3 разряда по плаванию, а во время службы на флоте играть в водное поло за команду с истинно военным названием «Взрыв» и также получить 3 разряд.

Дорога, по которой мы ходили купаться, была по нынешним представлениям проселочной, хотя она соединяла ст. Шелангер с райцентром Морки, и протяженность ее была 60км. Особенность этой дороги в том, что часть ее называлась” торцовкой”. Это был участок, в котором установлены плотно пригнанные друг к другу короткие бревна (30 — 50см), примерно одинакового диаметра(20 — 30см), поставленные на «попа». Поселок был предназначен для проживания в нем лесозаготовителей. А поскольку по тем временам лес заготавливали вручную, то рассчитывали, что люди там проживут достаточно долго. Там было все, что не-

обходимо для нормальной жизни по тем временам.

Была, конечно, контора, где располагалось руководство, столовая, хлебопекарня, клуб, мед. пункт с фельдшером, почтовое отделение, школа, детский сад, куда потом ходил Толя, пожарная часть с каланчой, на которой «отбивалось»- время каждый час, и впоследствии электростанция (представляла собой снятую с колес автомашину, которую завести было достаточно трудно, аккумуляторов не было, и заводили эту машину ручкой, т.н. «кривой стартер»), радиоузел с разводкой трансляции по всему поселку. Была также баня с женскими и мужскими днями. Она стояла на берегу реки. Там любили жить ужи, которых первые посетители выгоняли водой. Располагались эти «учреждения» на обеих сторонах речки, поэтому возникали проблемы с переправой, когда сносили мосты.

Летом были большие проблемы с комарами, мошкаррой, слепнями. Защитой служили только ветки, которыми отгоняли всю эту нечисть. Меня, видимо, там так накусаки, что сейчас, бывая в марийских лесах и даче, ко мне комары относятся более «снисходительно», чем к остальным. Поскольку в то время лес вывозили на лошадях, то был и конный двор. Лошади там были сначала наши, а потом, во время войны, стали поступать тяжеловесы и почему-то маленькие лошадики, которых звали монголками, которым в лесу работать было непросто. Позже был организован гараж, в котором находились машины типа ГАЗ, знаменитая полуторка и еще газогенераторные машины, которые имели по два бункера. В одном из них сжигали т.н. чурки, в основном березовые. А в другой поступал газ, который впоследствии приводил в движение двигатель. Машины были неэкономичными, кроме того, с собой надо было возить определенное количество чурок вместо полезного груза. Для изготовления чурок работала полуавтоматическая линия, на входе которой поступало березовое бревно диаметром примерно 20 – 30см. А на выходе получались чурки высотой 10см, что тоже весьма удивительно по тем временам. Это означает, что разработана она была в 30-х годах! В конце войны до гаража дошли американские автомашины типа «студебеккер» и «шевроле», которые хорошо себя показали на вывозе леса. На некоторых моделях машин использовались шины с каучуковым наполнением. С изношенных шин мы вырезали куски каучука и делали из них мячи для игры

в лапту. Причем запросто можно было сделать мяч любого диаметра. О подобных шинах я читал после войны, что они были сделаны в 50-х годах. Говоря об американской помощи, можно сказать, что несмотря на то, что наша Тюмша была далека от «цивилизации», до нас доходили продукты, которые поставлялись по Ленд — Лизу, в частности яичный порошок, сало т.н. лярд и другие, а также доходили и вещи. Они поставлялись в рамках благотворительных поставок. Помню, мама ходила в американском шерстяном платье. И можно предположить, что если все это доходило до Тюмши, то, во-первых, был достаточно жесткий контроль за расходом этих вещей, и, во-вторых, поставки были довольно большие. И не допускалось разбазаривание и разворовывание этой помощи.

В те времена была организована работа по восстановлению вырубленного леса. В питомнике выращивались маленькие сосенки, а школьники их высаживали. Посаженные тогда сосенки выросли сейчас до уровня леса, и, видимо, скоро опять можно будет заготавливать там древесину. В разное время в Тюмше работали небольшие предприятия — был т.н. клепочный завод и завод по добыче дегтя. Деготь добывался из березовых пеньков, которые добывали методом взрыва. Поэтому и у нас, ребят, каким-то образом постоянно были взрыватели — бикфордов шнур и сам амоннал. Но, слава богу, никаких серьезных происшествий с этими взрывчатыми материалами не было. Хотя нам попадались противотанковые патроны, трассеры от ракет и пр. А однажды на ст. Шелангер взорвался состав из нескольких вагонов с боеприпасами, которые разлетелись по округе. До нас они не долетели, а вот в самом Шелангере у одного из парней от неосторожного обращения с этими боеприпасами оторвало руку. А мы просто бросали в костер эти боеприпасы и наблюдали, что будет дальше. Мастерили также самопалы и другие взрывные устройства. Причем почему-то у меня был больше опыт в этом деле. И однажды, несмотря на этот опыт, все-таки в руках у меня взорвался патрон от винтовки с порохом. Но кроме сильного ушиба и слегка опаленных глаз ничего не было.

В клубе постоянно показывали кино. Был бильярдный стол. И это по тем временам! Кроме взрослых давали играть детям и все, разумеется, бесплатно. Кино показывали частями по 10мин. поскольку киноаппарат был один. И между каждой

частью был небольшой перерыв. Киноплёнка была шириной 35 мм. и горючей. Ее можно было туго скатать, вложить в железный корпус, сделать в нем маленькое отверстие и поджечь. Вся эта конструкция начинала летать, т.е. получался как бы реактивный двигатель. А впоследствии был выпущен киноаппарат т.н. узкоплёночный (ширина плёнки была 12.7мм), который показывал кино в два захода. Фильмы были в основном на военную тему. Например, из запомнившихся «Два бойца», «Сын Таджикистана», т.н. «Боевые киносборники» по номерам с 1 по 12, «Похождение храброго солдата Швейка». В них клеймили фашистов. Также «Щорс», «Котовский», а после войны стали показывать трофейные фильмы «Индийская гробница», «Сестра его дворцового» и др.

Школа была семилетняя, по тем временам называлась неполно — средняя школа. Располагалась она в достаточно большом доме, состоящем из нескольких срубов. Когда я начал там учиться во втором классе, то в одном помещении сидели 2-й и 4-й классы, во втором — 1-й и 3-й классы. Это было связано с отсутствием учителей. Учитель сначала занимался с одним классом, а потом со вторым. И ничего вроде получалось. А впоследствии учеба была организована в две смены, так как постепенно количество жителей увеличивалось. Учителей сначала было мало. Но потом они стали появляться — такие же эвакуированные, как мы, и даже присылали по распределению из пединститута. Соответствующее образование у них едва ли было, за исключением эвакуированных учителей. Но, например, математику преподавала Зоя Петровна достаточно квалифицированно и строго. А немецкий язык преподавала ее сестра Елизавета Петровна. Русский язык и литературу преподавала мама и особенных похвал на уроках нам (мне и моему другу детства) не делала. Мы были на общих основаниях. А вообще от того, что мама была сначала учительницей, затем завучем и директором, были сложности в нашей детской жизни. Надо было себя вести так, чтобы не отличаться от всех и не давать повода говорить, что сын директора ведет себя не так. Как звали всех, уже не помнится. Физику, например, преподавал Головин и т.д. Учебники были старые довоенные, и они переходили «от поколения» к «поколению». Один учебник приходился на несколько человек. Но все равно они были в нормальном состоянии. В учебниках по

истории были замазаны портреты Якира, Тухачевского, Блюхера и др. «врагов народа». Задавали на дом много стихов, даже и на немецком языке. До сих пор многие из них помню. Тетрадей не хватало, приходилось писать на обрывках газет. Чернила тоже были суррогатными. Перья где-то добывали. Делали самодельные приспособления в виде пружинок, чтобы можно было набрать больше чернил. До авторучек было далеко.

В школе проводились различные вечера с самодеятельностью. Были в моде так называемые пирамиды. Это скорее гимнастические фигуры с большим количеством участников. В школе было также организовано питание, хоть и примитивное по нынешним временам. Кормили овсяным киселем и давали немного хлеба, сколько, не помню, но в дополнение к тому минимальному количеству продуктов, которые получали по карточкам, это помогало. А карточки подразделялись на рабочие и иждивенческие. И по каждому виду определялось количество получаемых продуктов. Отменили их только после войны. О вкусном и сладком можно было только мечтать. Конфет и сахара мы не видели, позже появился сахарин. Жили впроголодь и мечтали о том времени, когда можно было бы досыта поесть черного хлеба.

Учиться мне было не очень трудно. Это, видимо, было связано с тем, что читать я научился еще до школы и, может быть, требования были не очень строгие. Начиная с 4-го класса и до окончания школы, я получал похвальные грамоты. Кстати, так же учился и мой друг Гера Чудинов. Это помогло впоследствии поступить мне в Казанский электротехникум связи, а Гере — в 9-ю специальную школу ВВС, которая была в Казани и готовила ребят для поступления в авиационные училища. Поступили мы туда без экзаменов и, хотя на первых порах было тяжело, потом стало попроще. Около школы был пристрой, где жили учителя. Со временем мы тоже перебрались в одну из этих квартир.

В Тюмше у нас было две маленьких комнаты и небольшая кухня. Стояла русская печка с голландкой. Печки были неэкономичными, благо кругом был лес и дров хватало. Их привозили из леса. А, начиная с класса 6-го, пилить и колоть дрова была обязанность моя и моих товарищей. Поэтому часто пилили и кололи дрова по очереди. А иногда приходилось пилить одному двуручной пилой. Не очень удобно, но что поделаешь. Дрова привозили в школу, а уж там была наша задача их распилить.

Так что об экономии дров никто не думал. Но тогда были проблемы со спичками, и поэтому старались истопить печь ближе к вечеру, чтобы утром там остались горящие угли. И если не было таких углей у себя, то шли к соседям. Это называлось идти «за огнем». А потом стали появляться т.н. «катюши». Это было приспособление для получения огня: с помощью кремниевого камня и напильника брали кусок и высекали искры, которые поджигали сухую вату. Иногда ее смачивали керосином или бензином. Утром зимой в безветренную погоду дым шел из каждого дома вертикально вверх — картина была красивая. В морозы приходилось топить два раза в день. Впоследствии квартиры, где мы жили около школы, отдали под классы, и мы стали жить в доме недалеко от школы вместе с соседями Глуховыми. Этот дом стоял, как раз напротив дома Сорокиных. А между этими домами была площадка, на которой мы часто играли в лапту. Мебель была самая простая. Вещи держали в сундуке, который потом еще был в «Красном», т.е. при переездах он сохранился. В школе был большой коридор, где проводились общие мероприятия. Во дворе школы — спортплощадка, волейбольная площадка, турник, брусья, качели в виде лестницы и шест (лестница была закреплена на перекладине). Перед началом занятий на этой площадке проводились занятия типа зарядки. Причем зимой тоже. Вообще физкультуре придавалось большое значение. А однажды где-то в классе шестом был организован лыжный поход Тюмша — Кужеры. А это было в 30 км от Тюмши. Родители разрешали ребятам ехать после того, как отпустили меня. Правда, с нами был учитель физкультуры — бывший офицер, Михаил Федорович, каким-то образом попавший в Тюмшу. Население было смешанным по национальному признаку. Народ приехал из разных мест — русские, татары, марийцы. Но все жили достаточно дружно и не было проблем на национальной основе, особенно среди детей.

А в конце войны у нас появились так называемые спецпереселенцы. Уезжать из Тюмши даже на короткое время они не имели права без разрешения спецкомендатуры. В основном это был простой народ. Только один из них, как выяснилось, был шофером на «душегубке». Так говорили. А для них долгое время были различные ограничения. Так, например, один из наших приятелей Аркадий Фитерер кончил с золотой медалью среднюю школу, а в Казанский университет на мех. мат его не приняли,

а приняли только на географак. Это были немцы из бывшей республики «Немцы Поволжья» и других мест, а также крымские татары. Дети школьного возраста начали учиться в школе, и среди них тоже особых проблем на национальной основе не было.

Взрослые люди работали в лесу, кто кем: были шофера и другие. Поскольку мы, дети «крутились» около них, то автоматически запоминали различные немецкие слова. И вообще они вписались в жизнь поселка. Тогда впервые мы слышали музыку аккордеона. А поскольку в клубе регулярно проводились танцы, то даже было выражение «танцы под Жору». Это означало, что музыку для танцев будет играть на аккордеоне Жора. Музыка еще была патефонная с пластинками. Но они были не у всех. Например, у Чудиновых был патефон, и я даже помню название некоторых пластинок и тексты песен, которые были записаны на них. Впоследствии появились радиолы. Кроме того, по радио часто передавали песни, которые пел весь народ. В отличие от современных были там нормальные слова и мелодии. Многие песни я помню до сих пор. Были популярны концерты по заявкам.

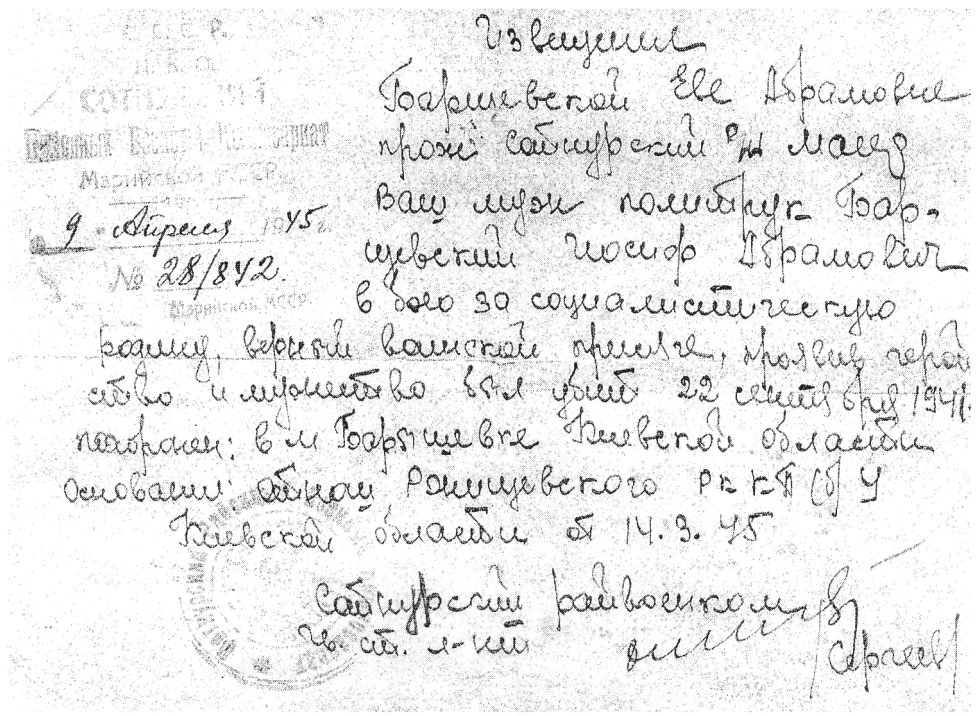
Мама пыталась меня научить немецкому языку у одной бывшей старой учительницы. Но я просто по своей серости ничего из этих уроков не взял: мне было неудобно перед друзьями, что я специально хожу на уроки.

Почти у всех жителей поселка были огороды, где растили только картошку. Лишь один дядя Володя Кучаев пытался растить огурцы и помидоры. Но больших успехов он не добился. Земля была песчаная. У некоторых были коровы и овцы, а у многих козы. Был специальный пастух, в обязанности которого входило пасти всю эту живность. Были проблемы с заготовкой сена, особенно для коров. Им надо было не меньше 100 пудов сухого сена. А это почти стог. Хозяевам коров выделялись специальные места в лесу на более или менее "чистых" местах, где можно было косить необходимое количество травы. Козам надо было 10 пудов сена. Но тоже надо было его в лесу найти. А еще им заготавливали липовые веники. Этим занимались в основном дети, что тоже было непросто. Надо было наломать веники, принести их на себе (на расстояние два км), повесить на сеновале или где еще, чтобы они высохли. На сеновале у лучшего друга детства Геры Чудинова мы летом любили спать. Спалось там крепко.

Кроме огородов сажали картошку за три километра от поселка т.н. "Коллективное". Там было большое поле, на котором каждой семье выделялся участок. Наиболее трудной для нас была зима 1942г. Теплых вещей у нас почти не было, а морозы трещали суровые. В школу приходилось не ходить, а бегать в летних ботинках.

Со временем жизнь налаживалась. Несмотря на то, что у мамы не было опыта заниматься сельхозделами, пришлось осваивать эту науку — сажать картошку, заводить коз, заготавливать корм для них и т.п. Козы у нас были почти все время. Мама купила первую, продав обручальное кольцо. Иногда их было две. Звали их по-разному: Серка, Манька. Молока они давали достаточно на нашу семью. Из молока мама делала простоквашу и творог. Это было большое подспорье для тех времен. Когда рождались козлята, то первое время они жили в комнате вместе с нами. А когда они подрастали, их забивали к большому нашему огорчению. Мы с Толей плакали. Летом козы и коровы паслись в лесу. Стадо рано утром выгонялось из поселка. Провожала коз утром мама, а встречать стадо была наша обязанность. Иногда это приходилось делать долго. Зависело от характера козы. Одна, например, никак не хотела приходить сразу домой, надо было бегать за ней по так называемой посадке (мелкий лес, посаженный людьми вместо вырубленного, сразу же за поселком). А одна никак не хотела ходить в стадо, и всегда возвращалась в поселок. Ходила потом по поселку и питалась чем попало, в том числе домашними цветами, которые были выставлены в окнах у жителей. И еще она любила жевать вывешенную для просушки различную одежду. Маму спасала от неприятностей её должность директора школы. Какое-никакое начальство. Внимание к козам было понятно всем. Как-то однажды мамы не было дома, а Толя пришел на урок (он к тому времени еще не учился, не мог все буквы выговаривать) открыл дверь и сказал «Арик, коза обьягнулась». И всем стало понятно, что в этой ситуации не до уроков, а надо идти и заниматься козой. Что и пришлось делать. В одну зиму волков было много. Один из них забрался в хлев и зарезал козу. В те военные годы волки, видимо, мигрировали в наши леса, поэтому и было их временами много. Мужики их ловили капканами и в поселок привозили. Был случай, когда волк подошел днем прямо к школе. Но случаев, чтобы от них пострадали люди, не помню.

Со временем я подружился со своими сверстниками. У всех у нас отцы были на фронте. Почти никто из них не вернулся. Периодически в поселок приходили так называемые похоронки — извещения о гибели родного человека. В такой семье был траур, и все в поселке старались поддержать эту семью.

О нашем отце ничего не было известно всю войну. Когда мама стала наводить справки, пришло сообщение, что он погиб 22 сентября 1941г. в Барышевке Киевской обл. А до этого он считался пропавшим без вести. Мы не получали никаких денег. Только позже нам стали платить небольшое пособие. Причем, как за рядового, хотя у него было звание ст. политрук запаса, что соответствовало званию капитан. Но никаких документов, в каком звании он воевал и погиб, не было. В начале войны неразберихи хватало всегда и везде, поэтому нет ничего удивительного, что документов не было. По некоторым сведениям он остался в тылу врага в партизанском отряде. А когда мы были на родине в Ржищеве в 1972 году, то одна женщина (бывшая мамина ученица Ольга Федоровна) сказала, что видела папу в числе пленных, которых впоследствии расстреляли. Но опять же точных сведений нет.

На весь поселок с войны вернулись единицы, в том числе и отец моего лучшего друга детства Геры Чудинова. Отец у него был простым возчиком, ушел рядовым, а вернулся капитаном (одно время был даже комендантом города Бреслау). А когда вернулся, то ему пришлось пойти работать возчиком в лес. И, видимо, это послужило причиной для пьянства.

Из наших родственников в войну погиб мамин брат Гриша с семьей. По каким-то причинам он остался на оккупированной территории и вместе с семьей был расстрелян. Один брат Израиль прошел всю войну, включая блокаду Ленинграда. Был на фронте в войсках, которые защищали Ленинград. Закончил войну ст. сержантом с наградами. Другой мамин брат Яша прошел тоже всю войну. Причем, когда организовалось Войско Польское, то его послали служить туда (откуда-то он знал польский язык). Ему даже переделали имя, отчество и национальность. И с некоторых пор он стал не Яковом Абрамовичем, а Петром Михайловичем и поляком. Дослужился до полковника Войска Польского и был командиром артиллерийской бригады. Участвовал в боях за Берлин. Имел много наград советских и польских, включая редкий орден Кутузова. После войны ему присвоили звание полковника Советской Армии, и он еще закончил МГУ. Был весьма представительным, любил ходить в форме. Несколько раз его приглашали на Московский новогодний огонек. Он воевал в тех местах на Смоленщине, где стали жить впоследствии мама с братом Толей. Несколько раз он приезжал в те места, где воевал. А польские знакомые или сослуживцы так до его смерти думали, что он поляк. В этом помогало еще то, что моя двоюродная сестра Нюся, его племянница, которая была на правах дочки, тоже знала польский язык. Дядя Яков жил один в Москве, сначала на Садовом кольце, а потом на проспекте Мира. Бывая в командировках в Москве, я частенько к

Родной брат мамы Яков

нему заходил, и мы звонили в Смоленск. Во время войны мама случайно, будучи в Йошкар—Оле, встретила свою племянницу Мину на улице. Она была военврачом — капитаном и служила недалеко от нас в Сурке. Там в то время было много воинских частей. Она к нам в Тюмшу приезжала.

С ребятами жили достаточно дружно и больших драк, которые, как правило, бывают, не было. Причем дружили ребята разных национальностей. Среди друзей был татарин Самат Абдрахманов, мариец Иван Киртаев, русский Гера Чудинов. И что интересно: не помню, чтобы у кого-то были какие-то прозвища. С одним из них Гумаром Низамудтиновым мы впоследствии работали на Казанском заводе ЭВМ. Причем он был передовым рабочим, кавалером орденов Трудовой славы 3 и 2 степеней. И только преждевременная смерть не позволила ему стать кавалером ордена Трудовой славы всех степеней. С нами всегда ходил и играл мой брат Толя. Несмотря на разницу в возрасте мы были с ним дружны. Вместе проводили все свободное время после школы, играли, ходили на лыжах, катались на коньках по замерзшей реке Тюмша. Причем зимой там была весьма живописная картина: речка разливалась, выходила из берегов и замерзала, а кругом был сосновый лес в снегу. Катались на коньках, которые где-то добывали. Крепились они к валенкам самодельными креплениями. Но ничего, обходились. Но потом стали привозить коньки типа "гаги", на которых кататься было лучше. В конце войны нам привезли лыжи, в основном непарные, на которых мы катались. Катались в основном с гор, так называемых Катай гор. Был первый, второй, третий Катай. Самый крутой была гора третий Катай. Лыжни для спуска прокладывались между деревьев и надо было кататься достаточно аккуратно, чтобы не врезаться в дерево. Больших столкновений не было. И лыжи, как правило, не ломали. Хотя однажды мы ехали с горы, и на меня свалилась «вся команда». В результате получил растяжение и долгое время ходил прихрамывая, а потом все прошло. Классе в седьмом мы с Герой Чудиновым любили после занятий в школе ходить на лыжах в ближний лес. Это было в конце зимы, когда день становился достаточно длинным.

Летом играли в различные игры. Поскольку шла война, то мы играли в войну. Уходили в лес «за гараж», мастерили деревянные автоматы и пр. Делились на две команды. Надо было

выследить «противника». Когда провозглашали команду «трах», то считалось, что данный кадр «убит». И так до полной победы. Играли в городки, ножики. Было две разновидности этой игры. Когда рисовался круг и делился пополам, надо было воткнуть нож и «отрезать» себе соответственно кусок. И так до победы. А вторая игра состояла в том, что надо было из разных положений воткнуть нож в землю. Проигравший должен был вытянуть зубами забитый в землю колышек. В городки играли по своим правилам, несколько отличным от общепринятых (мы их тогда и не знали). Бит было сколько угодно и главное надо было выбить фигуры.

Была еще игра «шармазла». У всех играющих были клюшки. Игроки становились по кругу. Около каждого была вырыта лунка, в которую надо было ведущему загнать шар. В прятки тоже играли достаточно часто, как правило около школы. Водящий должен был найти всех спрятавшихся. Причем были такие правила: когда один из спрятавшихся мог выручить найденных, тогда водящему приходилось начинать все сначала. Была игра в «швай». У каждого играющего была металлическая палка (трость), которой он должен был попасть в кольцо. При этом кольцо должно было вылететь. Побеждал тот, у которого кольцо улетало дальше. Играли и в карты — подкидного дурака, но не на деньги. Одно время была в моде игра на деньги — это когда на кон ставились монеты и надо было их битой разбить, а потом каждую монетку перевернуть с помощью биты на «орла». Была игра в «орлянку». Надо было метать монетку и угадывать, на что она упала — на «орел» или «решку»? Но больших проигрышей не было. Так же, как и выигрышей. А вот в футбол почему-то почти не играли. То ли не было подходящего поля, то ли не было мячей. Играли также в третьего лишнего и пр. Как ни странно, мы в своих играх опередили такие знаменитые теперь «угадай мелодию» и т.п. Только мы загадывали какие-нибудь фразы из фильма, а другие должны были отгадать. Популярной была игра в шахматы, но проводить турниры не догадывались. Одно время была мода ходить на ходулях. Зимой была забава прыгать в снег с крыши школы. Каким-то образом однажды к нам привезли книги, которые мы все читали. До сих помню некоторые названия из тех прочитанных книг.

На берегу речки росло растение, не помню, как оно называ-

лось. Оно было достаточно большим, его верхушки мы ели. Оно походило на бамбук. Из больших и достаточно толстых оснований делали водяные насосы, с помощью которых в жаркую погоду обливались. А из более тонких делали «духовые ружья», т.е. с помощью воздуха из легких стреляли ягодой крушиной, рябиной и т.п. Если попадало, то было достаточно больно. Делали еще луки из можжевельника. А стрелы делали тоже самодельные с наконечниками из жести. И ничего, стрелы летали достаточно далеко. Но подстрелить из лука никого не удавалось. Стреляли по самодельным мишеням. Из настоящего ружья начал стрелять где-то в классе шестом. У отца Г.Чудинова было ружье, и он давал нам ходить с ним в лес. Сил было мало его удержать, и оно больно било в плечо. Никакой живности подстрелить из ружья не удавалось. Хотя в лесу были тетерева, глухари, зайцы. Но для этого нужно было специально ходить на охоту, для чего мы были еще маленькие.

Время было военное, и со второго класса мы начали курить. Поскольку в то время кроме табакасамо сада ничего не было, то мы баловались сухими березовыми листьями и пр. А впоследствии курили настоящий табак, который сажал дедушка Сорочкин. Он у него был необычайно крепким. Чтобы нас не ругали родители, уходили в посадку и брали с собой закуску, чтобы не пахло. Но это не всегда удавалось. В посадке, для того чтобы собираться и играть в различные игры, курить без посторонних глаз, в тайне от всех построили землянку и назвали ее странным именем «Гвалт». Название состояло из первых букв имен участников этой затеи — Гера, Володя, Алик, Лева, Толя. Тайна этой землянки прожила не очень долго, хотя мы ее замаскировали дерном. В конце войны стали продавать папиросы и сигареты, которые нам привозили из Казани. У меня период курения продолжался до 4 курса техникума.

В каждом доме была радиоточка, и работала она ежедневно с 6.00 до 24.00. Кроме того у конторы, где работало руководство, был установлен мощный динамик, т.н. колокол. (Надо заметить, что с началом войны у населения были реквизированы все радиоприемники). И работал он тоже все время. Транслировалась, естественно, только одна программа — московская, как сейчас сказали бы первая программа. Но радиоточки работали только тогда, когда работала электростанция. Правда,

потом стали транслироваться передачи из Йошкар-Олы. Все последние важные известия предварялись позывными радио — это были сначала мелодии Интернационала, а потом мелодия песни "Широка страна моя родная". Все важные известия читал, как правило, Левитан. Получалось у него это очень хорошо. Не зря Гитлер его объявил врагом рейха №1. Так же, как легендарного подводника капитана 3 ранга Маринеску и др., которые нанесли большой урон рейху. Левитана мне удалось услышать «живьем» после войны в Казани. Выступал он в актовом зале финансового института. Рассказы его были очень интересны, особенно о тех временах. Передачи сначала назывались "В последний час", а потом "От Советского информбюро". Мы внимательно слушали все передачи. Если в начале войны они были неприятными, то впоследствии более радостные. Мы следили за ходом войны и знали всех командующих фронтами. Все ведь только и ждали, когда кончится война.

Жизнь в тылу проходила под девизом «Все для фронта, все для победы!» Все работали, не считаясь со временем. И это распространялось на нас. Считалось, что хорошей учебой мы также помогаем фронту. По мере возможности мы старались. Не помню, чтобы были у нас в школе второгодники. И вообще из выпускников школы только у одного не сложилась жизнь. Собирали теплые вещи для бойцов. И навсегда запомнились строки:

*«Победа! Как мы долго ждали и мечтали о тебе!
Но в дни печали твердо знали, добудем её в борьбе!»*

Автора этих строк, к сожалению, не знаю.

А когда война закончилась, то по странному стечению обстоятельств мамы дома не было, уехала в район по своим директорским делам. Все пошли к конторе, где было руководство, и были несказанно рады, что, наконец, закончилась эта проклятая война. А вообще, когда мама уезжала по своим делам в район и иногда в Йошкар-Олу, она оставляла нас одних. Тогда мне приходилось готовить еду, а однажды даже делал блины. В очередной раз она вернулась ночью, и никак не могла попасть домой, вернее достучаться до нас, не смогла разбудить: так мы крепко спали. Но потом все-таки как-то попала домой.

Начиная с весны питались «подножным» кормом. Сначала

Толя, мама, Алик

это был березовый сок и старая брусника. Потом шла земляника, малина, черника, смородина, черемуха, щавель. В лесу росла также костяника, толокнянка, брусника, клюква и другие ягоды, которые не имели промышленного значения. Причем при «промышленном» сборе ягод считалось дурным тоном их есть и собирать перед собирающими, т.е. «переходить» дорогу. Главная задача принести больше домой. Но, несмотря на это, однажды я все-таки объелся малиной, и было мне весьма плохо. Много было грибов и орехов. Причем собирали белые, подберезовики, маслята, грузди, волнушки, опята. Свинушки, сыроежки и прочие, как правило, не брали. Но чтобы грибы и ягоды кому-то сдавать или продавать, такого не было. За ягодами и грибами ходили со взрослыми, но часто и одни. Не помню случая, чтобы кто-нибудь заблудился. Иногда мы, уже классе в 6-м, специально забирались подальше, но заблудиться не удавалось. Это, видимо, связано с тем, что вокруг лежащие леса мы знали хорошо. Хотя никаких карт не было. Была у всех нас «лесная одежда». Это, как правило, старая одежда и обувь. Сапог не было. Летом ходили в лаптях. Причем в Тюмше их плести не умели и приносили их из деревни Помаштуры, которая находилась в

трех километрах от Тюмши. Лапти были марийские, по форме они отличались от русских. Были очень легкие и удобные и стоили недорого. Носили их только в лес с портянками, причем, поскольку они были сделаны из липового лыка, то сначала они пропускали воду, а когда намокали, то воду уже не пропускали и можно было ходить по болоту и небольшим лужам. Во время войны в лаптях ходили и зимой, но их в основном носили марийцы. А так по поселку летом ходили босиком и ничего. Просто на подошвах образовывался слой типа мозоли, и он позволял без боли ходить по тюмшинским дорогам, которые были, в основном, песчаные. Еще в конце войны появились брезентовые ботинки с деревянными подошвами. По-моему этот опыт переняли у немцев. Они выдавали такие ботинки в концлагерях.

Летом еще уходили вверх по течению Ишутки, строили там плоты (как правило) из трех бревен и по течению спускались до моста. На это уходил целый день. Плыли по живописным местам, было весело. Собиралась компания из 3 — 4 человек. Брали с собой скобы, молоток и, конечно, еду. Мы с братом считаем Тюмшу своей второй родиной. Благодарны всем тем, кто нас пригласил и оказал помощь в трудное время. Нам по-своему повезло, что мы попали во время эвакуации именно сюда.

Я прожил в Тюмше до 1948г. Когда окончил школу, поступил в Казанский элетротехникум связи. Сейчас на месте поселка вырос лес. Трудно себе представить, что там жили люди. Но дороги сохранились, и я каждый год с семьей стараюсь бывать в родных местах.

В феврале 2013года Август Иосифович Борщевский ездил в Смоленск к своему младшему брату Анатолию, чтобы поздравить его с 75-летием. Поделился с ним своими воспоминаниями об их родителях, о детстве, которые они провели в эвакуации и т.д. Он оставил Анатолию текст этих воспоминаний. Через некоторое время Август Иосифович получает ответ, который мы прилагаем.

Любезнейший брат мой!

С удовольствием прочел твой «мемуар». Очень интересно. Память у тебя, к счастью, отличная. Многие вещи, о которых ты рассказываешь, я или совсем не помню, или пом-

ню смутно. Довоенное время в моей голове не сохранилось. Не помню Ржищев, не помню отца, начало нашей эвакуации. Всего два эпизода, как мне кажется, запомнил: бегство из вагонов туда и обратно, когда мать держала меня крепко за руку; как взял кусок соли на глазах часового (это было то ли в Оранжевом, то ли в Астрахани).

По поводу истории с появлением нашей семьи в Тюмше я знаю другую версию, рассказанную мне неоднократно мамой. Действительно, направление на работу было дано в Моркинский район, но мы надолго застряли в Шелангере, так как до Морков не было оказии. В это время на станции появилась зав. роно Сотнурского района Мария Александровна Паршина (то ли ехала в Йошкар-Олу, то ли возвращалась), разговори-лась с мамой и предложила ей поехать учительницей в лесо-участок, который был ближе Морков, и пообещала прислать транспорт. Мама согласилась, так как дело шло к зиме, а мы были не пристроены. И действительно на следующий день приехал на лошади дядя Федя Рязанов (он был без одного глаза, и на фронт его не взяли), зашёл на станцию и громко спросил: «Где здесь учительница с двумя детьми?» А дальше было все, как написано у тебя. Я тоже помню этот путь и сказочный лес, который меня поразило.

Сундук, о котором ты вспоминал, сохранился до наших дней и стоит у нас в гараже, простоят еще столько же. А делал его на заказ маме дядя Володя Кучаев, о котором ты уже вспоминал. Он был хороший столяр.

Среди жителей Тюмши во время войны и особенно после неё были не только люди разных национальностей (русские, казанские и крымские татары, чуваша, мордва, евреи, немцы и другие), но и люди со сложной судьбой, которым нельзя было жить в больших городах. Крымские татары и немцы (советские граждане, до войны жившие на Украине) относились к «спецпереселенцам», то есть были ограничены во многих правах, в том числе в праве передвижения. Они были под постоянным надзором НКВД, ребят не призывали в армию, не разрешали учиться вне пределов поселка и т.д. Со мной вместе окончил семь классов Рольф Штоббе и очень хотел учиться в лесном техникуме в Йошкар-Оле. Так мама специально поехала туда и после долгих хлопот все-таки добилась

своего: Рольфу разрешили там учиться. А год был 1952. И только в 1955 году статус спецпереселенцев был отменен, и всем дали «вольную».

Расскажу еще два эпизода из жизни нашей мамы в Тюшме. В Суслонгере во время войны дислоцировался запасной полк, откуда после обучения отправляли на фронт солдат. Про этот полк до сих пор рассказывают ужасные вещи, но это к делу не относится. Однажды, придя по делам в контору, мать застала там несколько офицеров из этого полка. Н.И.Лукоянов представил маму, она с ними познакомилась, и они во время разговора попросили её помочь с писчей бумагой, так как от её недостатка сильно мучаются. Мать отказалась, поскольку тетради были в то время буквально на вес золота. Тогда вмешался Николай Иванович и тоже стал уговаривать мать помочь им. Взамен они тоже обещали помочь и спросили, в чем она нуждается (не она лично, а школа). Мама сказала, что во всём, особенно в одежде, верхней и нижней, в обуви. В конце концов договорились, что мать даст им десяток тетрадей, а они помогут одеждой. И через несколько дней привезли целый грузовик с солдатскими шинелями б/у, нижним бельём (рубашками и кальсонами), только обуви не было. Это было целое богатство, которое по-братски было поделено между учениками. Всем что-то досталось, в том числе и нам. Сшили нам с тобой штаны из шинели. У меня сохранилась фотография, где мы с тобой в этих штанах сидим рядом с мамой. Когда мама мне это рассказывала, я её спросил, не боялась ли она осуществлять эту операцию. Она отвечала, что, конечно, боялась, но так как об этом знал весь посёлок и она лично в делёжке этого богатства не участвовала, то надеялась, что пронесёт. И действительно пронесло!

Кстати, наша двоюродная сестра, Нина Борисовна Бергельсон, служила не в Суслонгере, а в Сурке офицером медслужбы.

1948 год. На 9 февраля были назначены выборы в Верховный совет СССР (первые после войны). На стенах наших домов, в бараках, клубе, конторе, школе висели листовки с биографией депутата и его фото. Поселковые ребята (я их фамилий не помню, так как они были старше на 5-6 лет), твои друзья, гуляя ночью по поселку, оторвали кусок такой

листочки на закрутку сигарки. Табак был, а бумаги нет. Кто-то сообщил в НКВД, оттуда приехали и повязали их, предъявили обвинение по знаменитой 58-й статье. В посёлке был шок, матери их в истерике — отцов-то у большинства не было, остались на войне. Долго шло следствие, ребята сидели под арестом, где и сколько времени, не помню. Потом был суд. Привезли их в Тюмшу под усиленным конвоем: солдаты с автоматами и с собаками. Мне эта картина запомнилась навсегда, и лица этих ребят, уже отрешенные. Как я сейчас понимаю, запугали их страшно, и они во всем признались — что было, и что не было. Суд шёл два дня, клуб был заполнен до отказа, даже мы, пацаны, проскальзывали туда, правда, нас гнали оттуда. Это то, что я помню. О дальнейшем рассказывала мама.

Всё шло по накатанной дорожке: прокурор предъявил обвинение, назвал статьи, потребовал тюремного заключения на разные сроки. Матери зашлись в плаче, народ, в основном это были женщины, глухо роптал, но сказать что-либо все боялись. Мама проходила в этом процессе как свидетель, хотя в её адрес тоже прозвучали обвинения, что школа плохо воспитывала этих ребят (все они были её ученики). Свои показания она начала с того, что знает их хорошо, что это нормальные ребята, не хулиганистые и не вороватые, что их деяния — это просто озорство, что никакой политической подоплеки тут и близко нет, что их отцы отдали жизнь на фронте и т.д. Это ли повлияло или что другое, но свершилось чудо — ребят освободили прямо в зале, огласив перед этим приговор об условном наказании. Судимость они заимели. Как это отразилось на их дальнейшей судьбе, не знаю. После этого случая авторитет мамы среди жителей нашего лесозащитного участка стал абсолютным. И опять я спросил её, не было ли ей страшно выступать так на суде, зная и понимая, что происходит. Она подтвердила, что ей было ужасно страшно, но она подумала о нас, что и мы могли оказаться в этой компании, особенно ты, так как это были твои сверстники, и, преодолев страх, сказала, что думала.

И еще из рассказов матери. Об истории появления у нас козы. По приезду в Тюмшу у мамы остались драгоценности: обручальное золотое кольцо и золотые часы, подаренные от-

цом. Так вот эти часы были проданы, и на эти деньги была куплена коза с остатком корма. Когда я спросил, кто мог в 1943 году в Тюмше купить их, ответ был: «Продавищица магазина». Фамилии я не помню, может быть, ты знаешь.

О «коллективном». Это пахотное поле было арендовано у местного колхоза на взаимовыгодной основе: рабочие участка выращивали там картофель, а колхоз получал лес и дрова.

По поводу вернувшихся с войны. Пришел с фронта с наградами Павел Евграфович Бакуркин, дядя Халиулла, отец моего одноклассника Вити Попова — Степан, дядя Зинкин, кузнец Саша Горнофеев, сестра тети Шуры Сорокиной Аня Илятова и другие.

Дядя Яша кончил войну в Берлине, командуя гаубичным полком Первой армии Войска Польского. За эти бои получил полководческий Орден Кутузова.

Всё остальное о Тюмше написано очень толково и точно. Я по малости лет не все помню, что было до 1948 года, а потом, где-то с 1950 года — очень хорошо, так как жил я в Тюмше после твоего отъезда еще долгие годы. А мама прожила в Марийской республике до лета 1961 года, когда ты помог ей перебраться ко мне в Смоленскую область. И если бы Сталин приступил в 1953 году к депортации евреев в тайгу, то мы практически были бы уже на месте!

По сути, этот посёлок, которого уже давно нет на карте, стал второй родиной, воспитал в нас умение бороться с трудностями, привил трудовые навыки (пилить и колоть дрова, заготавливать корма, выращивать картофель, ухаживать за скотиной и т.д.), научил нас ладить с людьми, дружить и не ябедничать. Я, по сравнению с тобой, был в детстве шkodливый мальчишкой, постоянно попадал в какие-то истории, приносил маме неприятности, рвал одежду, обувь. Она всегда приводила тебя в пример, и я с ней соглашался и внешне, и внутренне, тем более что тобой всегда гордился и горжусь сейчас.

Пусть живет и процветает Республика Марий Эл!

Твой брат (наречённый тобой) Толя.

Брылина Флюра Абдулхаевна

*Родилась 5 марта 1939 г. в г.Казани.
Работала на заводе с 1958г. по 1995г.
Почетный ветеран завода.*

Мир не без добрых людей

Я, Брылина (Максумова) Флюра Абдулхаевна, родилась 5 марта 1939 года в городе Казани в рабочей семье. Папа, мама, сестра 1932 года рождения и я жили в деревянном доме по ул. Татарстан в квартире площадью 10 кв.м без всяких условий. Папу я своего не помню. Мой папа - Максумов Абдулхай Максумович 1904

12 декабря 1932 г.
Сначала свекл Г. Максумов, рев. Махму-
тов А. М. со своей женой Битяевой
Вафиновной в Великий-первомайский
день 12 декабря пришел в избиратель-
ный урядок исполнить свой высший
гражданский долг. на поро-
гочке опускаясь запоздалые
поздравления в избирательную уряд.

817

Трудовая книжка

Фамилия Максумов

Имя Абдуллин

Отчество Максумович

Год рождения 1904.

Образование: начальное, среднее, высшее (подчеркнуть)

Профессия Сторож

Подпись владельца Трудовой книжки

Максумов

Дата заполнения Трудовой книжки

„ 22 / 1 1941 г.

СВЕДЕНИЯ			О РАБОТЕ		
Год	Дата		Сведения о приеме на работу и увольнении	работы, перемещения по (с указанием причины)	На основании чего внесены записи (документ, его дата и номер)
	Месяц	Число			
1941	авг	26	Уволен из матери ввиду РККА	системно комисси- ухода в ряды	из-за не- явки
			Из отп. кадр. кнжк	К. Башкиров	

Копия

Извещение.

Вам мур сержант Максумов Абдуллин
уровнеи ТАССР Вуздский р-н
находясь на фронте Отечественной войны
пропал без вести сентября 1941
Настоящее извещение является
документом для возбуждения ходатайства о пенсии

Сталинский Районный
Военный Комиссариат
г.р. Казани
Ибрагимов А.С.С.С.
г.р. Казани
23 ноября 1947
г. Казань

Сталинский Районный
Совет Советского Союза г.р. Майор

Фрид. Николаева г.р. Казани
Капитан

Хребтов

Мухоморова

года рождения работал на Казанском меховом комбинате контролером ОТК фабрики №3 и был уволен ввиду ухода в ряды РККА 26 августа 1941 года. В первые же месяцы войны он пропал без вести. И только 23 ноября 1947 года из Сталинского районного Военного Комиссариата ТАССР пришло извещение о том, что сержант Максумов А.М. пропал без вести в октябре 1941 года. Данное извещение явилось документом для возбуждения ходатайства о пенсии. Нам с сестрой была назначена общая пенсия в размере 20 рублей.

Моя мама — Максумова (Сафина) Бибиасма Вафовна 1908 года рождения работала на швейной фабрике, где шили меховые изделия для солдат. Она брала меня с собой на работу, и мне приходилось спать и играть под ее рабочим столом. Жили мы очень бедно, всегда хотелось есть. Голод - это самое страшное испытание. Нам приходилось есть картофельные очистки и лепешки, сделанные из гнилой картошки. Мама практически ничего не ела, отдавала все нам с сестрой Лялей. В 1948 году маму парализовало. Теперь нам вдвоем с сестрой приходилось справляться со всеми жизненными трудностями — пилить и колоть дрова, таскать воду с колонки, топить печь, стирать, готовить, ухаживать за мамой. В том же году в возрасте 40 лет мама умерла. Так мы и остались с сестрой сиротами, мне 9 лет, а

ей 16 лет. Нашим опекуном стала сестра папы Газетдинова Марьям Максумовна 1906 г.р., которая жила этажом ниже.

День Победы я не помню. Видимо, дома не было радости, так как папа и два брата мамы Сафин Газиз Вафович 1911 г.р. и Сафин Абдулхай Вафович 1922 г.р. не вернулись с фронта. Все они занесены в книгу «Памяти».

Моя сестра Ляля после окончания школы поступила в Казанский педагогический институт и, окончив его, была направлена в район для отработки. Выйдя замуж за офицера в 1960 году, она уехала на Камчатку по месту службы мужа. После демобилизации они переехали в г.Ташкент. В 2013 году она овдовела, имеет сына, дочь и четверо внуков.

В первый год после окончания школы №90 г. Казани я не поступила в Казанский химико-технологический институт и поэтому пришлось пойти учиться в техническое училище №12 в сентябре 1957 года.

У меня было тяжелое детство, обожженное войной: в 2 года гибель отца на фронте, в 9 лет смерть матери, нищенские условия существования двух сестер-сирот. Но, к счастью, мир не без добрых людей. Во-первых, это семья моего одноклассника Микашкина Николая Александровича, работника нашего завода, ветерана труда. Его отец Микашкин Александр Михайлович —

почетный ветеран завода, участник Великой Отечественной войны мать Николая - тетя Таисия, бабушка Анна и дедушка Петр всегда старались чем-нибудь мне помочь. Эта семья стала для меня роднее родных, особенно бабушка Анна. Все самые трудные годы моего детства и юности были согреты ее теплом и заботой. Коля Микашкин и я учились в одном классе. Узнав, что я сирота, она стала помогать и поддерживать меня во всем.

Вспоминается такой эпизод: когда я готовилась к экзаменам в 10-м классе, бабушка Анна принесла мне корзину яиц и говорит: «Коля без конца кушает, готовясь к экзаменам, а тебе ведь некогда готовить. Вот я принесла тебе, чтобы покушать». Потом подарила мне деньги на покупку патефона в день рождения, чтобы мне не было скучно, и говорит: «А то Коля целый день музыке слушает». У них в то время был приемник «Урал». Однажды, учась в училище №12, куда мы с Колей поступили, я получила двойку. Коля сказал бабушке, что из-за двойки я в этом месяце не получу стипендию. В один из ближайших дней, когда я от них уходила, бабушка Анна, провожая меня до остановки трамвая, дала мне деньги и говорит: «Это твоя стипендия». Добрых дел, какие они сделали для меня не перечислить.

Однажды у нас в доме был пожар, соседка поставила на керосинку кастрюлю и прилегла, и вспыхнули у всех дрова. Бабушка Анна, узнав об этом, пришла ко мне, собрала все вещи, которые можно было стирать и увезла к себе домой. Она целую неделю отстирывала мое прокопченное белье своими руками.

Бабушка Анна строго следила за тем, в каких условиях я живу. В очередной раз, придя ко мне, она заметила, что у нас на чердаке нет двери и в коридоре темно (лампочек тогда в коридорах не было). Бабушка переживала, что на чердаке может кто-то прятаться и меня напугать, когда я поздно вечером возвращалась с учебы из университета, так как училась на вечернем отделении. На следующий день по просьбе бабушки Анны и дверь была сделана, и проведен свет — все

С доброй бабушкой Анной

Дед Петр с семьей Микашкиных

это сделал дедушка Петя.

Тетя Тася — мама Коли снабжала меня одеждой, кормила вкусно, когда я к ним приходила.

Еще хочу вспомнить свою классную учительницу, Паневкину Анну Ивановну. Когда мне исполнилось 18 лет, мне перестали платить пенсию. Анна Ивановна добилась в райсобесе, чтобы мне выплачивали пенсию до окончания школы.

Всем им большое спасибо и низкий поклон.

Окончив училище в 1958 году, была направлена на работу на Казанский завод математических машин в цех №7 на должность монтажницы 5-го разряда. Начальником цеха был Поздняк О.П.

В 1961 году поступила в Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина на вечернее отделение и окончила его в 1967 году с квалификацией химик-физическая химия. В 1965 году была переведена в ОГТ на должность инженера-технолога и проработала ведущим технологом по гальваническому производству, где и проработала 30 лет. В 1975 году получили благоустроенную 2-комнатную квартиру. Воспитали с мужем двух дочерей, обеим дали высшее образование, имеем двух внуков. В 1973 году была награждена знаком «Победитель социалистического соревнования». В 1982 году мне было присвоено звание «Лучший по профессии». В 1983 году была награждена медалью «Ветеран труда», присвоено звание «Почетный ветеран завода». Общий трудовой стаж составил на заводе 37 лет. В 1995 году уволилась с завода в связи с уходом на пенсию.

Васильев Аркадий Владимирович

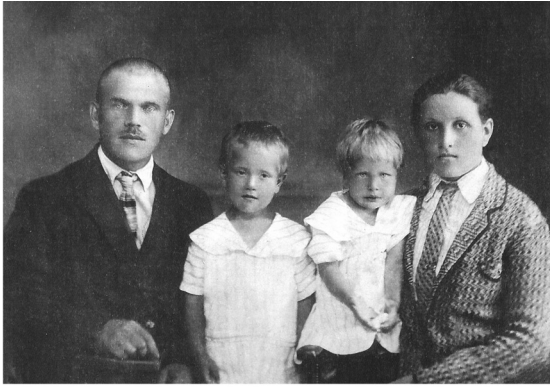
*Родился 28 октября 1936 г.
в селе Михайловка Амурской области.
На заводе ЭВМ с 1962 -1990гг.
Ветеран завода ЭВМ, ветеран труда.*

Цена Победы

Родился я 28 октября 1930г. в Амурской области в селе Михайловка. Отец мой Васильев Владимир Васильевич был директором средней школы и преподавал математику. Мать Васильева Ангелина Константиновна преподавала русский и литературу. В ноябре 1937г. (самый разгар политических репрессий) отец был арестован. Я помню митинг 7 ноября, выступления с трибуны, выступал и отец. Играл военный оркестр и сразу после праздников — обыск в доме и арест. Отец со всеми распрощался, подошел ко мне, погладил по голове, поцеловал. На лице его была какая-то беспомощная натянутая улыбка. Я эту улыбку помню до сих пор. Отца все очень любили, он был хороший семьянин, любил нас всех. Его посадили в машину и увезли. Больше о нем мы ничего не слышали. Надежда на то, что отец вернется, у нас была даже после того, как приехал в село районный прокурор (помню даже фамилию - Шаблевский), который сообщил матери, что отец рас-

Мама и её родственники

Родители с детьми

училище и получив звание прапорщика, уехал на фронт. Шла первая мировая война. Но воевать по существу не пришлось, фронт рушился, солдаты воевать не хотели, дезертирство, болезни. Отец заболел тифом, лечился в госпитале и для окончательного выздоровления его отпустили на родину в село Верхний Услон. С приходом Красной Армии в Казань он прошел мандатную комиссию и был направлен для прохождения службы в качестве командира в г. Владивосток.

После нескольких лет службы в армии уволился и был направлен на работу в систему народного просвещения (Наркомпрос).

Положение нашей семьи после ареста и гибели в 1937 году отца стало катастрофически трудным. Был потерян кормилец, а ведь нас осталось пять человек детей. Старшей сестре было около 13 лет, младшей 11 лет, мне исполнилось 7 лет и двум младше меня братьям - 4 и 1 год. Но палачей из НКВД это обстоятельство не волновало. Главное - нужно очистить страну от «скрытых и затаившихся врагов».

Тяжело было переживать все это, особенно матери, ей было тогда 30 лет. В школе некоторые учителя отвернулись от нее: боялись последствий. Сама она ждала ареста.

Время было такое страшное. Я видел на стене коридора школы карикатуру, где мощная поднятая рука с надписью НКВД держала за шиворот, как маленького котенка, моего отца. Тоскливо было смотреть на это «произведение искусства». Ярлык «дети врага народа» был нам прикреплен. Дома плач сестер - затерзали их оскорблениями сверстники. Дочь «врага народа» или сын «царского офицера» - эти слова были хуже ругательства.

Оставаться жить дальше в Михайловке было невозможно.

Андрей Григорьевич Лобкин — директор школы из села, благороднейший человек (он знал нашего отца), однажды подогнал две подводы к нашему дому, чтобы мы погрузили самое необходимое, и перевез нас в село Райчиха. Там нам дали новый дом, просторный, но холодный. Для нас это был подарок судьбы. Мать получила работу учительницы, но ее зарплата была ничтожно мала по сравнению с потреблением семьи. Началась борьба за выживание. Старшей сестре Елене пришлось бросить учебу в школе и поступить на работу, на почту. Около дома был большой земляной участок, его вспахивали и засаживали картофелем. Это позволяло нам на 5-6 месяцев иметь свой картофель.

Носить приходилось что попало - и новое, и обноски. Родные из Казани присылали иногда посылки со старым бельем и одеждой, вообще все то, что там уже не годилось, нам было впроку. Мать решила переехать в Казань, где она жила раньше и где у нас была вся родня, в том числе жив был ее отец, который нам очень помогал. После долгих переписок, оформления, вызовов нам было разрешено выехать из Амурской области и переехать в Казань. Уже шла война, исчезли «бамлаговцы». БАМ перестали строить. БАМЛАГ — это часть ГУЛАГА и тысячи заключенных, как муравьи, работали на строительстве шоссейной дороги. Я видел, как они тачками возили землю и гравий, лопатами ее перебрасывали, трамбовали огромными трамбовками. А вечером их строили в ряды и под конвоем вели в бараки. Некоторых товарищи вели под руки. Тяжело было смотреть на этих бедных людей, измученных каторжным трудом, ведь среди них не было воров или бандитов, а в основном им инкриминировались ложные обвинения — политические. Мы, ребята, старались им помочь, подбрасывали им свертки с пищей или табаком.

В 1938 году я пошел учиться в первый класс. Школа была десятилетка с просторными и светлыми классами, большим школьным двором, где были различные спортивные снаряды, полоса для бега, турники и прочее. Программа в школе была обычная, как для всех школ. Учились только в одну смену. Тетради, учебники, школьные принадлежности - все было. Учился я на первых порах прилежно, даже входил в число ударников. В классе третьем начали изучать военное дело, устройство и пользование противогоздом, устройство винтовки, строевая подготовка

у нас была на высоте, лучше, чем у «гитлерюгендцев». Наш военрук всю школу построил по принципу военной части. Класс — взвод, разделенный на отделения и роты. До батальона мы, конечно, не тянули.

Военные игры проводились все время: кто-то нападал, кто-то защищался, поэтому мы сами изготовили много макетов винтовок, автоматов и пулеметов с трещотками, деревянные сабли.

Широко проводилась компания по сдаче норм ГТО. И мы, мальчишки, усиленно тренировались: ведь нормы комплекса ГТО были для нас тяжелыми, но желание получить красивый на цепочках значок затмевало эти трудности. Нормы ГТО мы сдали, об этом нам торжественно объявили на линейке. Значки и удостоверения нам так и не дали, хотя обещали.

Учителя в школе были хорошие и трудно выделить кого-нибудь из них. Половина учителей были мужчины, по-видимому, профессия учитель в то время была все-таки престижной, но зарплатой эти люди не были избалованы. И когда учитель писал что-либо на доске, то можно было видеть на задней части его брюк и рукавов пиджака заплаточки. Конечно, это была не мода, а признак материального недостатка.

В общем, школа была хорошей, учителя самоотверженно трудились, а мы старались, учились, не пропускали занятий. Были среди нас и трудные ребята, но школа их, в конечном счете, исправляла.

Когда началась война, мне шел 11-й год, и я вместе с матерью, двумя сестрами и двумя братьями жил на Дальнем Востоке в Амурской области в селе Райчиха. Помню, как все мы слушали по радио выступление Председателя Совнаркома В.М.Молотова, в котором он сообщил о том, что германская военщина напала на нашу Родину. В то, что война долго продлится, мы не верили и думали, что агрессор получит мощный отпор в ближайшее время. Многие мужчины села были мобилизованы сразу же в армию. Первоначальные сводки Совинформбюро были тревожны, и нас далеко не радовали, ведь враг в октябре 1941 года подошел к Москве. На экране кинотеатров показывали фильмы, как столица готовилась к обороне, как люди рыли рвы, окопы, ставили проволочные заграждения, устанавливали противотанковые ежи, делали доты и дзоты. На улицах патрули проверяли документы. На крышах домов постоянно дежурили жиль-

цы домов, обученные для ликвидации зажигательных бомб. Мы верили, что врагу взять Москву не удастся. С большой радостью узнали о разгроме немецких захватчиков под Москвой. Положение на фронтах начало стабилизироваться, но мы все понимали, что война продлится долго, однако впереди нас ждет только победа.

Между тем с фронта начали приходить печальные известия о гибели наших сельчан. Под Смоленском геройской смертью погиб Власов Виктор Тихонович – учитель физики, погиб и Павел Михайлович Фролов – военрук. И печальные весточки посетили еще много домов жителей села.

В 1943г. наша семья переехала в г. Казань. Мы жили на улице Низенькой - это около конечной остановки трамвая №2. Наши хлебные карточки были прикреплены к хлебному магазину по улице Волкова. Очень часто из-за сбоя продаж хлеба возникали огромные очереди. Бывало, стояли в очередях по 5-7 часов, писали химическим карандашом на ладони номер очереди и еще какой-то номер бригады. Отлучиться из очереди было нельзя, потому что бывали пересчеты, и очередь могла пропасть. Норма отпуска хлеба была на иждивенца – 400гр., на служащего – 500гр. и на рабочего от 700гр. до 1кг – в зависимости от тяжести работы. Хлеб в продаже был только ржаной, да его не хватало, жили впроголодь, порой вообще нечего было есть. На продукты тоже были введены карточки. Моя мать работала учительницей, и наши карточки были прикреплены к специальному магазину, который находился на улице Кирова около колхозного рынка. Мне также много пришлось простаивать в очередях, чтобы отovarить карточки.

В это время по предприятиям начали выделять землю под посадку картофеля. Этот участок нужно было самим вскопать лопатами, посадить картофель, обработать и, конечно, выкопать урожай. Это позволяло иметь несколько мешков картошки и спастись от голода. Учился я плохо, готовить домашние зада-

ния просто не было времени, да и хотелось отдохнуть, побыть с ребятами. Я с большим трудом переходил из класса в класс. Так я закончил 7-й класс с одними тройками. Некоторые мои сверстники ходили «вертеть сидора» и в результате попали в детскую колонию. Меня к счастью эта участь миновала.

Учились в школе в три смены. Хотя Казань была далеко от линии фронта, но в городе действовали жесткие правила. Бывали часто тревоги: то ли они были учебные, то ли боевые, неизвестно, но пальба зенитных пушек и пулеметов была сильная. Все это бывало в основном поздно вечером, но иногда и днем. А если ночью просвечивался свет в окне квартиры, можно было получить булжник в окно от председателя уличного комитета тети Груши. Ходили слухи, а их было много и разных, что отдельные немецкие самолеты пытались разбомбить мост через Волгу и авиазаводы города. С самолетов немецкие разведчики производили аэрофотосъемку.

Все предприятия и в частности военные заводы работали с 12-часовой сменой. У меня сосед был молодой парень 22-х лет, так он просился на фронт, а работал он на заводе №16, и его не отпускали. Была наложена бронь. Так он в неделю появлялся дома один раз. Он рассказывал, что после тяжелой и изнурительной работы ехать домой у многих рабочих уже не было сил, поэтому спали, где попало: в котельной, в служебных помещениях, залезали в люки теплотрасс. Из транспорта был только трамвай №9. (Жаль сменили номер, для меня он девяткой так и остался).

Тыл напряженно работал и весь трудовой народ от мала до велика, в полной мере обеспечивал потребности фронта. Все силы тружеников тыла были направлены на победу. «Все для фронта, все для Победы!» - таков был лозунг. И вот долгожданная пришла! Гитлеровская Германия капитулировала. 9 мая был объявлен праздничным днем. Сразу был отменен 12-часовой рабочий день. Людской радости не было предела. Люди, знакомые и незнакомые, обнимались, целовались и плакали от радости. Вечером был салют в честь Дня Победы. Страна приступила к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

С фронта возвращались домой уцелевшие фронтовики, из госпиталей — раненые и калеки. Усталые от тяжелых военных лет люди с радостью приступали к мирному труду. Материально

жить было трудно, прилавки магазинов пустовали, но мы понимали, что еще немного терпения и жизнь улучшится. Главное — нет войны. В семье у нас произошли позитивные изменения. Старшая сестра окончила учительский институт и начала преподавать историю в школе. Младшая сестра работала на заводе и одновременно училась в техникуме. Я поступил в ремесленное училище №4, которое специализировалось на подготовке энергетиков. Младшие два брата учились в школе.

В 1947г. я закончил учебу в РУ и получил направление для работы на завод №16 в качестве электромонтера. После ознакомления с электрохозяйством цеха стал работать самостоятельно дежурным электриком. Работая на заводе, закончил 10 классов вечерней школы. В этом же 1947 году была отменена карточная система на продуктовые и промышленные товары. Одновременно проведена денежная реформа. В свободной продаже появился черный хлеб (белого не было) и в изобилии сахарный песок. В городе появился первый троллейбусный маршрут, улучшилась культурно-массовая обстановка. Жители города после всех тягот военных лет оживились и массами шли в парк имени Горького, где в воскресные дни проводились народные гулянья. Возобновился на майдане сабантуй, никогда не пустовала открытая эстрада, на которой выступали известные в Татарстане артисты и лучшие коллективы художественной самодеятельности Казани и районов республики. Бойко шла торговля мороженым, газировкой и сладостями. А на танцплощадке - дым столбом: шли танцы, играл духовой оркестр. Народ шел в парк города, отдыхал, получал свежий заряд бодрости.

Не пустовали и театры города, особенно кинотеатры, где «широким экраном» один за другим шли красивые индийские, американские и особенно так называемые «трофейные» фильмы. Залы кинотеатров не могли вместить всех желающих посмотреть тот или иной фильм. Кинотеатры работали в авральном режиме по 14-16 часов в сутки. Качественно жизнь улучшилась во всех направлениях.

Осенью 1950 года меня призвали служить в армию. После 17-суточного путешествия из Казани в теплушках мы прибыли во Владивосток. В этой поездке нас сопровождали моряки, поэтому мы твердо были убеждены, что служить нам придется в Военно-морском флоте. Но вскоре нас ждало разочарование: нам

была уготована другая служба. Вместо брюк и тельняшек нам выдали солдатскую форму. И из флотского экипажа нас направили в воинскую часть, где мы две недели занимались строевой подготовкой и изучением устава. Однажды нас собрал командир и объявил, что мы все будем работать на военном заводе, который располагался рядом с нашей частью, по своим специальностям. И после собеседования с начальником электроцеха я получил назначение на должность дежурного электрика на подстанцию. Видно, что главной задачей нашей службы была работа, и каждый из нас должен был отработать свои восемь часов на производстве в три смены. Поэтому военной подготовке уделялось мало времени, значительную часть свободного времени занимали политзанятия. На производстве мы подчинялись гражданским начальникам, а на территории части - командиру.

Дальше пошли долгие дни будничной работы и службы с однообразной размеренной жизнью. В часть приходило новое пополнение, и мы становились старослужащими. И вот уже я прослужил три года, а демобилизации нет, но она скоро должна быть. И однажды я, лежа на втором этаже деревянных нар, начал вспоминать весь свой служебный путь. Я уже не жалел, что не попал во флот, и судьба не так уж плохо распорядилась моей жизнью. Я работал по специальности среди гражданского персонала. Наша часть находилась в городской черте Владивостока, и мы постоянно могли пользоваться благами цивилизованного мира. В смысле бытовых условий в части, то здесь можно было бы желать лучшего. Время было такое, и мы - дети войны - понимали, что экономика страны еще слаба, международная обстановка была напряженной. В Корею шла война.

После октябрьских праздников нас посадили в эшелон из телячьих вагонов. Грянул марш «Прощание славянки». Поезд тронулся, и мы поехали домой.

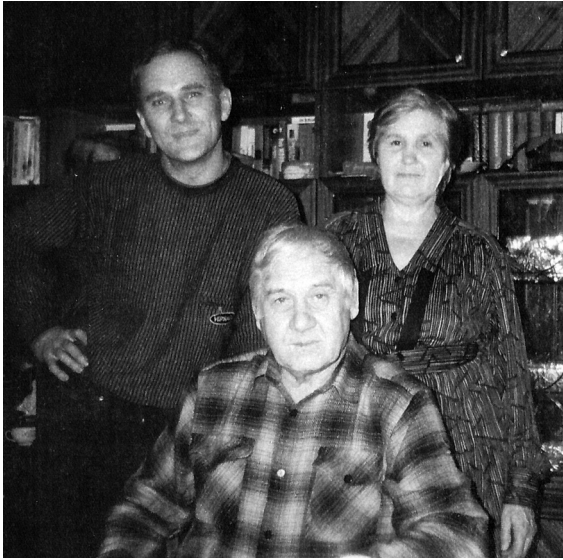
В конце ноября 1953 года я приехал в Казань. Время было довольно позднее, и я пошел пешком от вокзала до своей родной улицы Ремесленной. Город за три года моего отсутствия не изменился. У дверей дома залаяла собачонка Белка. Когда я назвал ее по кличке, она сразу узнала мой голос и, поджав хвостик, пошла навстречу. Дома меня ждали мать и два младших брата. Мать почти не изменилась, ей было 46 лет, и выглядела очень хорошо. За многолетнюю работу в школе она получила ор-

ден Трудового Красного Знамени. Кроме того, она имела орден «Материнская слава» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

Итак, я вернулся со службы домой. Начались хлопоты: получать военный билет, паспорт, прописываться. Вот подошла пора устраиваться на работу. Работал электриком в тресте №40. В 1956г. женился, переехал в г. Челябинск. В 1962г. мы вернулись в Казань, где я поступил работать на завод ЭВМ в цех №8 в качестве регулировщика радиоаппаратуры. Налаживали мы тогда накопители на магнитной ленте НМЛ-У440, входящий в комплект Урал-4 как устройство внешней памяти. Затем я осваивал наладку устройства ВУ-700, ввод информации в ЭВМ и, наконец, печатающее устройство АЦПУ-128-2м/3м. Стоит заметить, что в эти годы в Советском Союзе была широко развернута работа по внедрению ЭВМ в народное хозяйство. Поэтому пришлось часто ездить и летать в далекие и долгие командировки, чтобы участвовать в сдаче изделий завода в составе комплекса ЭВМ.

В 1971 году я перешел на работу в качестве мастера в цех

№8 на участок наладки изделия АЦПУ-128-2м/3м. Впоследствии участок будет значительно расширен и функционально полностью осуществлять сборку, монтаж и наладку изделия АЦПУ-128-2м/3м. Коллектив участка формировался в течение многих лет и представлял собой сплоченный и дружный коллектив, способный решать трудные задачи производства. Из-за неравно-

мерной подачи узлов и деталей, особенно в конце месяца, иногда складывалась напряженная обстановка по выполнению плана. Поэтому приходилось работать сверхурочно и выходить работать в субботние или даже воскресные дни, жертвуя семейным благополучием.

Кроме производственных задач участок принимал участие в помощи сельскому хозяйству. Мы выезжали на сборку картофеля, зеленого корма для скота и сбора фруктово-ягодных культур. Всем участком дежурили в ДНД и в большинстве своем принимали участие в праздничных демонстрациях. И недаром мы часто занимали классные места по итогам соцсоревнования в цехе и по заводу. В 1984 году в декабре месяце мы изготовили последние АЦПУ-128-2м/3м. и дальше их выпуск прекратился, пришлось людей рассредоточить по всему цеху. Впрочем, некоторые работники покинули завод. Пришлось покинуть завод и мне в связи с уходом на пенсию. Шли перестроечные времена. Открылись границы, и заграничные товары широкой рекой хлынули к нам в Союз. Продукция нашего завода оказалась неконкурентной на внешнем рынке, и завод начал распадаться на мелкие частные предприятия.

Граник Рафаил Абрамович

Родился 25 марта 1935 г. в г. Лубны Полтавской области Украинской ССР.

На Казанском заводе ЭВМ трудился 1959 – 1996 г.г.

Почетный ветеран завода ЭВМ.

Я выжил в войну, теперь род наш продолжат мои внуки

До войны наша семья из четырех человек — отец, мать, старшая сестра и я - проживали на Украине в городе Лубны Полтавской области. Когда началась война, отец перед уходом на фронт успел посадить нас в эшелон, уходивший на Урал. Это было в начале июля 1941 года.

По пути следования наш эшелон обстреливали немецкие самолеты. Эшелон остановился. Мама схватила за руки меня и мою сестру, и мы побежали в какой-то лесок, залезли в окоп. Когда самолеты отбомбились, мы вернулись к нашему эшелону. Смутно помню обгоревшие вагоны, погибших военных, сопровождавших наш эшелон, и гражданских людей.

Поврежденные вагоны отсоединили от состава, и мы двинулись дальше. Нас больше не бомбили, и мы благопо-

Слева Рафаил на руках мамы,
справа - папа с дочкой

Эвакуированные в Троицк, 1941 г.

лучно добрались до города Троицка Челябинской области. Но там мы прожили недолго и вскоре переехали в город Орск Чкаловской области, где обосновалась семья родной сестры моей мамы. Ее мужа вместе с заводом эвакуировали в город Орск и он как квалифицированный токарь получил бронь.

Но в 1942 году по чьей-то халатности токарный станок, на котором работал муж моей тети — дядя Наум, оказался под напряжением, и его убило электрическим током. Моя тетя Рива осталась с двумя детьми (Раей, моей ровесницей, и только что родившимся Борей). Обе наши семьи сначала жили в землянке, где по ночам бегали крысы, а весной, в половодье, заливало водой.

Маме удалось устроиться завхозом в детский сад, который я посещал, и вскоре нам выделили комнату в бараке, где поселились обе наши семьи: двое взрослых и четверо детей. Печь в бараке топили углем, и я как-то сильно угорел. Мне долго мыли голову в тазу, еле отошел.

В детском саду я подружился с мальчиком, у которого мать работала поваром в нашем садике. Ей пришло сообщение, что ее муж находится в госпитале недалеко от нашего города. Она к нему поехала, но он был настолько искалечен, что она от него отказалась.

Справа мама, перед ней Рафаил, Орск, 1942 г.

В нашем городе находился госпиталь для раненых. Мы для них готовили танцы, стихи, песни и выступали в палатах. Помню, что я заболел свинкой, но даже с перевязанной щекой вместе с другими детьми шел зимой в госпиталь, чтобы выступить с подготовленными номерами.

В 1943 году мы получили извещение, что мой отец пропал без вести, так что до сих пор о его судьбе мне ничего не известно.

Родной брат отца, дядя Федя, ушел на фронт, не успев эвакуировать свою семью. И его жена с двумя детьми погибли. Они были расстреляны вместе с другими еврейскими семьями. Сам дядя Федя был ранен, но благополучно вернулся к мирной жизни после окончания войны.

Родной брат матери, дядя Аркадий, также ушел на фронт, не успев эвакуировать свою семью. Жена с ребенком погибли на эвакуированной немцами территории. Сам дядя Аркадий получил на войне сильную контузию головы, был признан инвалидом и мучился сильными головными болями до своей кончины уже в мирное время.

В эвакуации мы пробыли до лета 1945 года, а затем вернулись на Украину, где и поселились в городе Львове. Произошло

воссоединение трех семей: нашей, семьи родной маминой сестры и родного маминого брата.

Во Львове я закончил десятилетку, затем политехнический институт и по направлению приехал в Казань в 1959 году на Казанский завод математических машин.

2 сентября 1959г. переступил порог 1 корпуса завода и после беседы с главным инженером Барышниковым Е.В. был направлен в отдел механизации и автоматизации (ОМиА) при ОГТ на должность инженера, а с 01.10.1960 г. по пред-

ложению главного технолога завода Волобоева В.Х. был переведен в сборочный цех № 7 на должность начальника техбюро.

Почувствовав недостаток знаний в области сборочно-монтажных работ при производстве радиоизделий, в 1963 г. поступил на третий курс вечернего отделения радиофакультета КАИ, который закончил в 1966 г. 10 декабря 1967 г. был назначен на должность зам. начальника по подготовке производства, а 1.07.1968 г. — начальником сборочного цеха № 7.

Работая в цехе № 7, обеспечивал как технологическое сопровождение изготовления изделий номенклатуры цеха, так и организовывал их производство в заданные сроки и в заданных объемах.

В связи с необходимостью обеспечить постоянно растущий спрос на изделия вычислительной техники, выпускаемые заводом, директор завода Иванов В.Н. принял решение о реоргани-

зации службы главного технолога. Было создано три направления работы ОГТ по видам производства: сборочно-монтажное и наладочное; механическое и химическое производства.

Мне было предложено возглавить сборочно-монтажное и наладочное производство, и с 3 декабря 1969 г. я был переведен в ОГТ на должность зам. главного технолога.

Главная задача, которая была поставлена директором завода Ивановым В.Н. перед нами, - резко увеличить эффективность производства и за счет совершенствования техники и технологии снизить трудоемкость и повысить производительность труда при изготовлении выпускаемых заводом изделий, и за выполнение этой задачи он жестко спрашивал с зам.главного технолога по направлениям работ.

Особое значение имело выполнение поставленной директором завода задачи в сборно-монтажном и наладочном производстве, где было сосредоточено до 65% от общей трудоемкости изготовления изделий.

Работал в должности зам.главного технолога, и.о. главного технолога и ВРИО главного технолога. Было многое сделано для внедрения новых технологических процессов, нового технического оборудования, средств механизации и автоматизации технологических процессов, совершенствования технологии и организации производства, сокращения технологического цикла изготовления вычислительной техники.

За время работы в отделе главного технолога неоднократно поощрялся за добросовестное и творческое отношение к работе:

- «За доблестный труд в ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»;

- «Победитель соц. соревнования» за 1973, 1974, 1975, 1978 и 1979 г.г., а также знаком «Ударник 9, 10 и 11 пятилеток»;

- за активную работу по рационализации и изобретательству при выпуске средств вычислительной техники награжден нагрудным знаком ВОИР в 1977 г.;

- за многолетний добросовестный труд на заводе присвоено звание «Ветеран завода» в 1985 г., «Почетный Ветеран завода» в 1989 г., и награжден медалью «Ветеран труда» в 1986 г.;

- за достигнутые успехи в работе решением Министерства и ЦК профсоюзов радиопромышленности награжден нагрудным знаком «Отличник соц. соревнования радиопромышленности» в

Моё 75-летие в кругу родственников

1981 г., а в 1982 г. присвоено звание «Лучший по Министерству радиопромышленности»;

- за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР неоднократно награждался бронзовыми медалями ВДНХ в 1970, 1978, 1980, 1984 и 1987 г.г., а также серебряной медалью ВДНХ в 1986 г.;

- за обеспечение технологического сопровождения новых изделий вычислительной техники награжден медалью «За трудовую доблесть» в 1981 г.

Без отрыва от производства закончил радиофак КАИ в 1966 году. Почетный ветеран завода ЭВМ. Общий стаж 37 лет.

Моя семья:

жена - Граник Татьяна Владимировна 1945 г.р. Работала на заводе ЭВМ в 1963-1965 г.г.;

дочь – Граник Алла Рафаиловна 1967 г.р.;

сын – Граник Игорь Рафаилович 1974 г.р.;

У нас семь внуков и два правнука.

Елисеева Татьяна Анатольевна

*Родилась 17 февраля 1933 г. в г. Казани.
Работала на заводе ЭВМ с 1960 г. по 1969 г.
с 1969 г. по 1992 гг. – преподаватель
Казанского техникума связи, зав. отделом ГЭС
этого же учебного заведения.
Ветеран труда.*

Победа! Как долго мы ждали тебя!

Стоял июнь 1941 г. Было прекрасное летнее утро. Вся семья наша была дома. Мама домывала пол, а папа на нее сердился, потому что они куда-то собирались уходить.

Вдруг из нашей радиовещательной тарелки раздался жесткий голос о том, что сейчас будет передано правительственное сообщение. Вслед за ним заговорил В.М.Молотов, сообщив, что немцы вероломно напали на нашу страну. Все мы были ошеломлены.

Так началась Великая Отечественная война. Мне было 8 лет, только что я с отличием окончила первый класс. В семье у нас было трое детей: я, моя старшая сестра Ирина и младшая Наташа, которой только что исполнилось 2 года. Нам стало очень страшно, хотя в 1939 году, когда была война с белофиннами, такого ужаса она не наводила.

Мои родители

Я с сестрой Ириной 1935 г.

Мама, Ирина и я

Ровно через месяц мы уже провожали на войну отца. Ему было 34 года. В семье из взрослых осталась мама, ему ровесница, и бабушка (отцова мать), которой было 67 лет. У отца было звание бойца Красной Армии. И его сразу же направили на офицерские курсы. Через 2 месяца половина призывников, занимавшихся на курсах, была отправлена на фронт, и некоторые из них не вернулись, а тех, кто получил (в том числе и мой отец) офицерское звание, отправили в другую часть. С отъездом отца на фронт мы постоянно ждали от него писем, а каждый день всей семьей до 23 часов ночи ждали последних по радио известий и только потом ложились спать.

Кроме отца из наших родных ушел на фронт муж маминой младшей сестры. А перед финской кампанией был призван в Красную Армию младший брат мамы Игорь, который, пройдя всю эту войну, продолжил службу в армии и прошел всю Великую Отечественную войну до конца.

Теперь все тяготы войны упали на мою маму с бабушкой. В сентябре 1941 года я заболела коклюшем, а бабушка в походах за продуктами оставляла меня с маленькой сестренкой дома, где на включенной керосинке варилась еда. И так с началом войны я сразу стала взрослым человеком.

Все горожане были обязаны оконные проемы закрывать на ночь черными занавесками, а вскоре электричество было полно-

стью отключено. Город погрузился во тьму.

С началом нового учебного года всех учеников нашей прекрасной новой школы №81 г. Казани перевели в маленькую деревянную школу, в которой в зависимости от возраста мы учились в 3 смены, а нашу четырехэтажную школу превратили в госпиталь. Уже в 1942 году мы с девочками из своего класса стали навещать в нем раненых бойцов. Читали им стихи и пели песни. Раненые бойцы старались нас приласкать, гладили по голове. Чем-то мы им напоминали их детей.

С началом войны стало голодно и холодно. Нам повезло, что отец в 1940 году получил на работе участок в Козьей Слободе под картошку, которая кормила нас всю войну. С наступлением весны бабушка до поздней осени ежедневно где-то набирала мешок крапивы и варила из нее болтушку.

Чтобы как-то нас малолетних школьников поддержать физически, нам каждую большую перемену из буфета приносили в класс поднос с кусочками хлеба и каждому выдавали по одной чайной ложке сахарного песка, а иногда шоколадных отходов, которые мы называли «мышинными какашками». В школе зимой было очень холодно. В классе у нас появились эвакуированные дети.

Письма, которые приходили от отца, были очень скудные. Он никогда ничего не писал про войну. Но вдруг они прекратились, и мы очень беспокоились за отца. Их не было месяца два. И вдруг он приехал в отпуск на 3 дня. Оказалось, что их часть попала в окружение и, когда они вырвались из него, то часть бойцов, в том числе и отец наш, попали в госпиталь. После излечения ему и дали этот отпуск.

Шел 1942 год. Немцы уже заняли много нашей территории. И вдруг в Казанском небе летом появился немецкий разведывательный самолет. Мы за ним наблюдали со двора. В него стреляли из зениток. Снаряды до него не долетали. Он был на большой высоте и повернул обратно.

В школе мы с 4-го класса солили на зиму капусту, из которой затем варили щи и кормили нас. На зиму мы пилили дрова, я сама уж научилась их рубить обычным взрослым колуном. И еще осенью 1943 года мы всем классом с классным руководителем ездили за село Караваево в колхозном поле убирать брюкву.

Справа папа

После разгрома фашистов под Сталинградом, когда наша армия погнала их с нашей земли, отец стал писать регулярно. За участие в боях его наградили медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды. Он прислал нам фотографии, где был в офицерской форме с погонами старшего лейтенанта.

Еще в 3-м классе нас всех приняли в пионеры, и мы с гордостью носили красные галстуки. Но плохо было с бумагой, не было тетрадей и учебников. И я, как и многие другие, с 4-го класса ходила на колхозный базар, где собирались ученики разных школ и где можно было продать учебники за предыдущий класс и купить другие для следующего года обучения.

Наступил 1944 год, когда наша армия перешла границы сопредельных государств, захваченных немцами. Жить стало лучше. Наконец, включили электричество в квартирах. Появились некоторые продукты из Америки: тушенка и яичный порошок. А мы с удовольствием слушали радио, рассказывающее об очередных победах на фронте.

Отец тоже воевал уже на немецкой земле. Их армия вошла на территорию Восточной Пруссии, участвовала в штурме Кенигсберга, и отца наградили медалью «За взятие Кенигсберга».

Наконец, настал долгожданный День Победы. 8-го мая

1945 года мы всю ночь не спали и ожидали этого великого сообщения. Где-то в 2 часа ночи по радио раздалась долгожданная весть о нашей Великой Победе.

Утром, наскоро выпив стакан чая, я вместе со всеми девочками нашего двора отправилась в парк имени Петрова, где собрались, казалось, все жители нашего района. Играли духовые оркестры. С импровизированных трибун раздавались песни, было много плясок. На футбольном поле проходил матч. Я ушла домой только вечером. Этот день стал для нас Великим Праздником, который мы отмечаем постоянно. Отец вернулся домой не в 1945 году, а в феврале 1946 года, так как их часть летом 1945 года из Германии была переброшена в Монголию, где они участвовали в войне с японцами. К сожалению, война подорвала здоровье, и отец прожил лишь 64 года (мир праху его).

После войны он работал на партийной и хозяйственной работе. С 1964 года работал на заводе ЭВМ в должности зам. главного бухгалтера до своей кончины в 1971 году.

Я тоже пришла в 1960 году на этот завод по окончании КАИ в качестве молодого специалиста — радиоинженера по ЭВМ. К 1964 году я получила квалификацию ведущего инженера

Фронтные снимки отца

Ермилова Раиса Петровна

*Родилась 31 июля 1937г. в г. Чкалове.
На заводе ЭВМ с 1970 по 1992гг.
Ветеран труда.*

Безмерно горе людское

Мне не было четырех лет, когда в дом пришло слово «война», которое для меня пока ничего не означало. Лишь через год-полтора это слово стало для нас бедой: папу забрали на фронт. Папа — Липатов Петр Гаврилович — служил в МВД, и у него была бронь, поэтому его призвали в действующую армию позже.

Теперь и в нашу семью поселилось горе. Оно было так велико, потому что мы узнали, что такое голод. Это чувство осталось в памяти навсегда.

Дома никаких продуктов. Мама на работе. Только слезы на короткое время отводили от беды. Нас было три сестры, я — самая маленькая. Мы жили в городе Чкалове (ныне Оренбург). Мама работала уборщицей в обкоме партии вместе с соседками — тетей Аришей Нешайновой и тетей Настей Булгаковой.

Однажды мама вернулась с работы и сказала: «Меня уволили». Мамины слезы повергли нас в шок. «Почему? Кто и за что мог выгнать нашу самую добрую, самую трудолюбивую и честнейшую маму с работы?». Оказалось, что в кабинете, где она убиралась, исчезла суконная скатерть: значит виновата мама. Она пыталась убедить начальника, что не брала никогда и чужой иголки. Как могла бы она вынести большую толстую скатерть из обкома, где кругом охрана? Тетя Ариша и тетя Настя защищали маму, зная, какой кристальной честности человеком она была. Но начальник пригрозил и им увольнением, если еще

Семья Липатовых с сестрой отца Татьяной (сверху в центре) раз сунутся защищать «воровку». Позже выяснилось, что вором был милиционер из охраны, но перед мамой никто, конечно, не извинился.

Мы много страдали все вместе, но от этого легче не становилось. Какие же добрые люди были вокруг! Кто-то старался подсунуть нам кусочек хлеба, кто-то приносил кашу, хотя и у них не было ничего лишнего. А дядя Федя (он был самый старший из соседей, как мне казалось, непризывного возраста) работал в пищеторге директором столовой. Он взял маму посудомойкой. Но эта работа нас не спасала. Все равно кушать было нечего.

Старшая моя сестра Вера была школьницей. После уроков по дороге домой она заходила в магазин, к которому мы были прикреплены, и получала хлеб. Однажды она вернулась домой без хлеба и карточек: «Мама, продавщица забрала наши карточки и не дала мне ни хлеба, ни карточки не вернула». Это была беда, мы обречены.

На плач Веры собрались все соседи нашей коммуналки. Мама собрала нас троих, к нам присоединились еще две соседки со своими детьми, и мы отправились в магазин. Но ни горький детский плач, ни слова женщин не пробудили совесть продавщицы. Мы вернулись ни с чем. Нас ожидала голодная смерть. Тогда мама приняла решение уехать к своему отцу, нашему дедушке, в деревню, в Мордовию.

Рая (слева) с подружками

не будет конца. Наконец, маме удалось достать билеты. Но надо еще суметь зайти в вагон — разъяренная толпа затмила двери, а мы замыкаем эту толпу. Откуда у нас, голодных, силы? Вот-вот тронется поезд, а мы не можем приблизиться к заветной двери. И тут какой-то военный схватил нас двоих, самых маленьких, и пробился в вагон. Мы кричали: «Мама, мама!». Вдруг мама с Верой останутся, а мы уедем? Куда? Но тот же солдат помог им забраться в поезд, и он тронулся.

Мы всю жизнь вспоминаем того солдата, ни имени, ни фамилии которого никогда не узнали. Спасибо ему и дай бог жизни за его доброе сердце и сильные руки!

Наконец, добрались до конечной станции. Метель. Ничего не видно. Ночь, а до дедушки еще 10 км. Дождались утра. Какой-то мужик согласился довезти нас в санях, запряженных худой кобылкой, до самого дома. Так мы оказались в дедушкиной хате, где было тепло и не так голодно.

Молоко от буренки сдавали каждое утро: «Все для фронта!». Сдавали его «снятым». Это значит, что сутки молоко оставалось дома, затем с него снимали сметану, из которой взбивали масло, и тоже сдавали. Значит, нам оставалась пахта. Мы делились ею с только что родившимся теленком. Бабушка старалась хоть чуть-чуть забелить поило теленку. Летом появлялись

овощи: огурцы, помидоры, затем свекла, тыквы, подсолнухи. Кажется, мы стали забывать страшные дни 43-го года. Но не надолго.

«Победа!» докатилась до нас не сразу: весть о ней передавалась из уст в уста, ведь радио в деревне не было. Папа вернулся в конце 45-го года четырежды раненый, с медалями: «За отвагу», «За взятие Берлина». Через месяц мы стали собираться в путь: ведь в Чкалове осталась наша квартира и все вещи. Но квартира была занята другими людьми, и родители, имея на руках ордер, не посмели предъявить его той семье тоже с детьми.

Нашим скитаниям не суждено было кончиться. Папа устроился на работу по своей профессии — кузнец. Кстати и на фронте он был в кавалерийском полку и этим гордился. Через полгода ему, как специалисту с золотыми руками, дали «жилье» - курилку в конюшне. Здесь было много дыма и больших крыс, которые ночью залезали в нашу постель, и нам опять было страшно. Так прошла зима. Шел уже 1946 год.

Самая жестокая на земле и в истории человечества война кончилась, но для мирного народа она продолжалась, но только теперь это была борьба за выживание. Послевоенная засуха, ни капли дождя в оренбургских степях. И снова голод, карточки, битва за хлеб в очередях. Теперь Веру в магазин не посылали: опасно, могли раздавить в очередях. Мы записывались в те очереди с вечера, караулили переклички (если кто не оказывался вовремя, того выбрасывали из очереди). Когда очередь начинала подходить ближе к прилавку, мы вызывали с работы папу. Когда он вылезал из той очереди с драгоценным хлебом, с него рекой лил пот, а сам он был выжат, наверное, тяжелее, чем на фронтовой битве.

Казалось, такой жизнью жить невозможно, но ведь жили. В 1947 году карточки отменили. Что тут началось... Битвы за хлеб ожесточились настолько, что люди из очереди выходили уже и избитыми. Казалось, что без карточек хлеба всем не хватит. Через месяцы битвы стали сокращаться. Люди поверили, что хлеб теперь будет.

Моя средняя сестра Маша не выдержала всех испытаний и настояла, чтобы родители отпустили ее к бабушке со знакомыми попутчиками. Но к тому времени у нас в семье родилась еще одна девочка — Галя, а в 1949 году — радость для папы — сын Володя.

В Зауральной роще, 1945 г.

Годы шли, но ужасы от нехватки продуктов продолжались. В 1955 году я поступила в Казанский университет. Общежитие давали только тем, у кого отцы погибли на фронте. Я жила на частной квартире и оплачивала ее из своей стипендии. Родителям нечем было мне помочь, зарплата мамы была ниже моей стипендии, папа получал чуть больше, а в семье было двое малышей.

После окончания университета меня направили учительствовать в глухую деревню на границе с марийскими лесами. Природа изумительная, но ни дорог, ни света, ни радио, полный упадок сельского хозяйства. Впервые я получила приличную зарплату, но купить на нее здесь было нечего. И снова нет хлеба, не говоря о других продуктах. Хлеб привозили один раз в неделю и выдавали одну буханку в одни руки. Отработала три года.

Наступили лихие 90-е. Это наш пенсионный возраст. Нас — детей войны — всегда преследовала нужда. Лишь в «брежневские» времена мы вздохнули, хоть и приходилось каждый день выстаивать огромные очереди за продуктами. Зато иногда приходилось бывать в Москве, откуда мы привозили мясо, яйца, сыр, конфеты, бородинский хлеб. Это были праздничные дни. А теперь нас жестоко обворовывают ЖКХ, аптекари, устанавливая дико высокие цены на фальшивые лекарства. Продукты в магазинах есть, но какие?

Нам везут заморские продукты по баснословным ценам. Есть их не только не хочется, но употреблять опасно для жизни.

Мы — дети войны, выдержавшие те суровые времена, поднимавшие целину, заработали массу болезней. Сейчас большие проблемы с медицинским обслуживанием. А если человек умер, то захоронить его не каждому по карману. Такого не было никогда.

Пусть современные чиновники выйдут из награбленных дворцов и на минутку войдут в шкуру пенсионеров, оказавших-

ся в нищей старости. Пусть почувствуют, кто и как завоевывал победу тем, кто у власти.

Нам, рожденным в Советском Союзе, довелось хлебнуть все горести жизни, которую исковеркала война, и нам поздно было перестраиваться в 90-е годы. Миллионы наших дедушек и бабушек, хлебнувших «радость» разрушительных революций и войн, наши родители, вынесшие на своих плечах тяжесть войны, восстановившие страну, мы — их дети — все оказались в старости в цепких руках нужды. И снова в страхе за будущее своих детей и внуков, у которых весьма смутное будущее. Остановитесь, власть имущие, перестаньте грабить страну и народ, которые вас взлелеяли, предоставили вам блага, которыми вы бесстыдно распоряжаетесь, как своими.

Среди родственников, оказавшихся лицом к лицу с врагом в той страшной войне, были многие:

1. Мой отец и его брат Яков Гаврилович
2. Пять братьев моей мамы (все Пурцакины) — Иван Павлович, Сергей Павлович, Емельян Павлович, Федор Павлович, Дмитрий Павлович. Из семи человек вернулись двое, остальные пропали без вести.

После окончания Казанского университета, отработав три года по назначению в сельской школе в деревне Гарь Дубьязского района Татарии, я вернулась в Казань, но уже с мужем и сыном. Продолжала педагогическую деятельность в школе-интернате №11, затем в специальной музыкальной школе при консерватории. С 1970 г. по 1992 г. работала на заводе ЭВМ в СКБ в группе редактирования документации программного обеспечения ЭВМ. Отсюда ушла на пенсию.

Всю жизнь участвовала в художественной самодеятельности, пела в хоровой капелле КГУ более 50 лет.

Награждена медалями:

- 1.«Лауреат фестиваля ТАССР», 1964г.;
- 2.«Лауреат Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества», 1983-1985гг.;
- 3.«За достижения в культуре РТ», 2005г.;
- 4.«Ветеран труда», 1985г.;

Выпустила книги: «Ave, капелла!», 2005г., «Доктор Султан», 2009г., «Непримиримый романтик», 2013г., «Дирижер—просветитель», 2014г. и др. издательства «Отечество» и «Логос».

Ермолаева Тамара Алексеевна

Родилась 9 мая 1937 года в г. Казани.

На заводе ЭВМ с 1960 - 1990гг.

Инженер – наладчик.

Почетный ветеран завода ЭВМ.

К этому никогда не привыкнуть

Я (урожденная Никонова) родилась в г. Казани в 1937 году 9 мая.

Родители: мать – Шадрина Валентина Константиновна, 1912 года рождения, работала бухгалтером. Отец – Никонов Алексей Александрович, 1910 года рождения, по специальности – инженер-строитель.

День, когда началась война, мне – четырехлетней девочке, почему-то помнится очень смутно. Но потом что-то стало фиксироваться в памяти. Например, запомнился день, когда нас, всех детей нашего двора, срочно отправили в бомбоубежище (которое было переоборудовано из подвала нашего дома), т.к. боялись, что долетевшие до Поволжья немецкие самолеты будут бомбить Казань. Но наша авиация не допустила прорыва немцев в Поволжье. Еще осталось в памяти, как в летнее время всех детей нашего двора (видимо, и всего города) собирали в школах, чтобы каждому ребенку выдать по куску черного хлеба.

Папу забрали на фронт с 3-го курса строительного института, который он закончил после войны, когда жизнь начала у всех налаживаться.

Мама работала. Часто их посылали в колхозы на уборку картофеля. В одну из таких поездок, видимо, от нагрузки, от тряски в грузовике, у нее получился заворот кишок, и ее еле спасли от смерти. Мне было страшно.

Тамара с родителями

В детсад я не ходила. У нас была замечательная бабушка, которая смотрела (и учила добру и жизни) за мной и еще двумя двоюродными сестрами. Эти две сестры были мне, как родные. Всю жизнь до их кончины мы общались и помогали друг другу.

В 1943 году моего отца отозвали из армии и отправили на восстановление разрушенных мостов в освобожденных от немецких захватчиков районах. Всей семьей мы поехали в город Запорожье. Ехали в товарном вагоне. В нем была какая-то печурка, где готовили еду, и наш скарб. По пути встречали эшелоны с солдатами. На одной из станций подбежал какой-то военный, взял меня на руки, обнял и сунул конфетку. Видимо, ребенок, то есть я, напомнил ему о его детях.

В Запорожье отец работал на восстановлении моста. Жили мы в поселке — пригороде. Там я впервые узнала, что такое бомбежка. Помню, мама меня накрыла своим телом. Но наша доблестная армия и авиация не дали немцам еще раз занять город.

В 1945 году я пошла в школу (война только-только закончилась).

В школе не было ни парт, ни столов, сидели на каких-то скамейках, писали на листочках, на обрывках бумаги. Но, тем не менее, взрослые старались скрасить тяжелое детство, связанное с тяготами войны и страшным неурожаем из-за засухи. Нам каждый день давали какие-то завтраки в школе, проводились

мероприятия для детей. Хотя время было тяжелое, хлеб по карточкам, для детей устраивали елки. Так было красиво: и сказки нам рассказывали в сказочно оборудованной комнате. И концерт, и игры — чего только ни было в этот праздник. В Новый год была елка с дедом Морозом, Снегурочкой, снежинками и даже с небольшими подарками. Спасибо всем учителям и всем тем, кто сам ходил полуголодным, что так заботились о детях. Ведь у многих детей уже не было отцов: они погибли в боях.

В ноябре 1945 года в нашей семье родились близнецы. К сожалению, одного не смогли спасти, а другой, Владимир, вырос, кончил университет по специальности математик (закончил мехмат).

Очень хорошо помню День Победы 9 мая. Все люди ликовали, обнимались, смеялись и плакали, и радовались, что отстояли свою Родину от чужеземцев. У нас дома в этот день было много гостей, все улыбались и ликовали. Благодаря нашим бойцам, многие из которых отдали свою жизнь за нашу свободу и счастье, благодаря людям, которые работали в тылу, мы победили в той страшной воне.

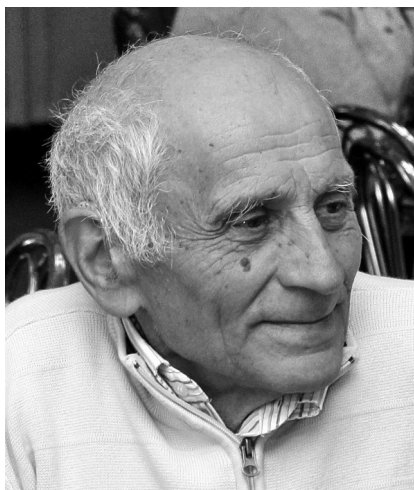
В 1946 году мы вернулись в Казань. Я поступила в школу № 11, которую окончила в 1955 году. В школьные годы поступила в пионеры и комсомол — так ждали этих дней, была членом учкома, членом совета дружины. Часто проводились конкурсы всякие. Занимались гимнастикой довольно успешно. У нас был замечательный учитель физкультуры, который проводил соревнования по легкой атлетике, гимнастике, волейболу и баскетболу. Для нас учитель был кумиром.

В 1955 году я окончила школу и поступила в Казанский университет на физмат на отделение «физика». Когда в 1960 году я оканчивала учебу, наш факультет разделили на 2: физфак и мехмат.

По направлению я попала на завод ЭВМ (так он тогда назывался — КЗ ЭВМ). Практически работала на всех машинах: М-20, М-220, Р-45, Р-33, Р-46. Последние пять лет перед выходом на заслуженный отдых работала на 2-й промплощадке на обслуживании машин Р-45 и Р-46.

То, что я попала в наладку, считаю большим счастьем: у нас был отличный коллектив, там я вышла замуж. Мой муж — Ермолаев Ю.А., тоже всю жизнь проработал на заводе ЭВМ сначала в наладке, а потом в СКБ.

В мае 1992 года я ушла, как говорят, на заслуженный отдых, на пенсию.

Израфилов Ирдас Сабирович

Родился 15 апреля 1936 года, г. Казань.

Почетный ветеран завода ЭВМ.

На заводе ЭВМ с 1960 - 1994гг.

Инженер-механик, начальник отдела.

Награжден медалью «За трудовое отличие».

Мы ждали возвращения отца всю жизнь

Мне было 5 лет, когда началась война. Как объявили войну, я не помню. Но помню, как ночью постучали в дверь. Мне стало как-то тревожно. Все насторожились. Из военкомата принесли повестку отцу. По рассказам мамы я знаю, что отец на третий день войны пошел в военкомат Сталинского района г. Казани и подал заявление добровольно. Когда отец получил повестку, он ушел в военкомат и больше не вернулся. Мама нарядила нас — троих братьев - и мы пошли на сборный пункт, который находился на улице Нариманова, прощаться с папой. Он был уже в форме красноармейца. Это была наша последняя встреча. От него пришло одно письмо, под новый год. Он писал, что они бьют фашистов. Больше писем не было.

До войны отец работал на «Спартаке». Шил обувь на экспорт. Жили мы при папе очень хорошо. После его ухода на фронт мама пошла работать в госпиталь. Начала санитаркой, а потом, окончив курсы медсестер, стала работать медсестрой.

Слева родители перед уходом отца на фронт

Мама в госпитале, 1942 г.

Я и мои братья - танцоры

Началась очень тяжелая жизнь. Мама была все время на работе, и мы должны были сами управляться. Старшему брату было восемь лет, мне пять лет, а младшему брату не было даже четырех. Мы таскали воду, топили печку, кололи дрова, стояли в очередях и т.д.

Помню, как вокруг госпиталя (5-я горбольница) рыли окопы, жгли костры. Позже маму перевели в госпиталь, находящийся в клубе меховщиков, поближе к дому. Она могла прибежать в короткое свободное время домой и узнать, что мы делаем.

В детском саду мы вышивали кисеты, и их отправляли на фронт. Со старшим братом Эдиком выступали перед ранеными в госпитале. Были мы в черкесских костюмах и танцевали лез-

гинку. Без казусов не обходилось. И этот танец всегда сопровождался хохотом. Даже сохранилась фотография.

Помню, как везли раненых на автобусах по улице Тукая. Из автобусов слышались их стоны. Люди говорили, что где-то идут большие бои. Это было в 1943 году.

После ухода отца на фронт, месяца через три, пришло извещение о том, что отец пропал без вести. Мама почему-то не верила, что он погиб, ждала его всю жизнь.

Конец войны помню хорошо.

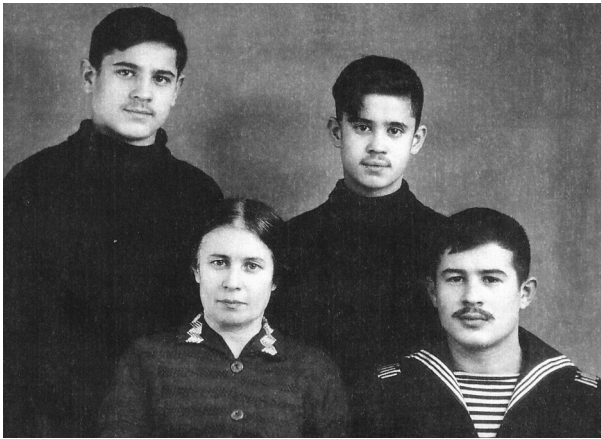
В День Победы Хажар апа (это тетя мамы) получила письмо от старшего сына Ильяса. Письмо было написано 2 мая. Мы получили его 9 мая 1945 года. Писал он, что идут тяжелые бои, что скоро, наверное, кончится война. Потом он сообщил, что их перебросили в Чехословакию. Из Праги пришло письмо, что скоро он будет дома. Но потом письма прекратились. Их, оказывается, перебросили на Дальний Восток воевать с Японией. Оттуда писем не было. И вернулся он только глубокой осенью.

Начал Ильяс абый войну в Финляндии. Рассказывал, как они с врагом перекидывались гранатами. Враг бросал гранаты в окопы наших, наши успевали перехватить и перекинуть им. Своих гранат у наших не было. Воевал он с 1939 года по октябрь 1945 года.

Прошел всю войну без ранений. Лишь один раз его при взрыве засыпало землей, поранился глаз. У него было полно наград.

Дядя Ильяс

Мама с сыновьями

Умерла. А ведь она отдыхала почти рядом в санатории «Волга» на Селигере.

Женщины и дети собирали останки солдат и хоронили. В этой братской могиле лежат солдаты, которые воевали по разным деревням. Их всех свозили и хоронили в поселке Шуваево. А те, что воевали на Селигере (вмерзли в лед), весной уплыли вместе со льдом. Они уж точно «пропавшие без вести».

Учительница местной школы, что встретила нас, рассказала, что до сих пор в лесах встречаются останки погибших солдат.

Каждый раз, когда я прохожу мимо места сборного пункта, у меня перед глазами стоит папа, и я бегу к нему.

Мама моя — Израфилова Диляфруз Абдрахмановна — подняла нас, троих сыновей, выучила, поставила на ноги. Все мы окончили художественную школу и учились в 20-й средней мужской школе г.Казани.

Старший брат Эдуард окончил 7 классов, затем художественное училище. Служил во флоте. После армии пошел работать и параллельно учился в строительном институте. После его окончания работал на различных объектах и в строительном отделе ОК КПСС, вплоть до ухода на пенсию. Скончался от тяжелой болезни в возрасте 78 лет.

Младший брат Фердинанд после окончания школы отслужил в армии, поступил в строительный институт, но не окончил его: заболел. После операции ему дали инвалидность, и он уже не работал. Скончался Фердинанд в 2001 году.

Я, Ирдад, окончив 2-ю школу, поступил в Казанский сельскохозяйственный институт в 1954 году и поехал работать на

село. Но ни зарплаты, ни жилья — ничего не было.

Через полгода председатель колхоза отпустил меня, и я вернулся в Казань.

4 января 1960 года пришел на завод ЭВМ, где проработал до пенсии. У меня замечательная жена — Хава Галимовна. Проработала на нашем заводе более 25 лет. Ветеран труда и завода.

Наши дети (их у нас 5) — все получили высшее образование, живы, здоровы, работают. Воспитывают своих детей — моих внуков. Их у меня уже девять человек. Правнуков пока нет.

Наша мама скончалась в 1995 году. Каково было ей растить нас, мальчиков, без отца — известно только ей и Богу.

Я никогда не забуду, как она говорила: «Я начала отдыхать, когда начал работать Ирдас».

Каримова Лейля Фатыховна

*Родилась 11 ноября 1937г.
На заводе ЭВМ с 1962 по 1989 гг.
Ветеран завода.
Награждена орденом «Знак Почета»,
медалью «1000-летие Казани».*

Моя рана не заживет...

Память. Как сохранить то, что время неумолимо стирает из нашей жизни?

Каждый раз, когда заходит разговор об этом, я с огромной благодарностью вспоминаю нашу маму, которая сохранила все, что написано было рукой папы: от крошечных записок на обрывках бумаги в годы репрессий до всех писем, написанных в годы войны. А после его гибели мама записывала в маленькие блокнотики, самодельные тетрадки свои воспоминания, разные эпизоды из их жизни, высказывания отца. А когда ей было особенно плохо, она аккуратно переписывала папины и свои письма. Так она как бы снова погружалась в общение с ним. Когда я была школьницей, мама и мне поручала переписку этих писем. Если бы не эти документы, я бы очень многого не знала.

Дело в том, что для нашей семьи черные дни начались еще задолго до начала войны — с 1937 года. Я родилась в Казани 11 ноября 1937 года. В этот же день моей сестре Аде исполнилось два года. Наша мама — Ишукова Кадрия Гайнетдиновна (1909-1968) — детский писатель, переводчик. Мой отец — Фатых Валеевич Каримов. Известный уже в то время молодой (28 лет) поэт, журналист, член Союза писателей СССР с 1934 года, зав. сектором детской юношеской редакции Татгосиздата был уволен с работы. Ему были предъявлены самые нелепые, надуманно

искаженные обвинения, основанные на доносах и так называемых «экспертизах» его произведений.

Арестован он был 3 января 1938 года. Мы тогда жили на ул. Чернышевского, дом 21 — напротив Казанского главпочтамта. Теперь это улица Кремлевская, там есть мемориальная доска. Четыре года отец провел в тюрьмах и лагерях НКВД. Так что все лишения и унижения мы познали с самого раннего детства.

Но ни наша мама, ни сам отец не смогли смириться с таким положением и вместе с друзьями писателями добились пересмотра дела, по которому он был осужден на 10 лет по статье 58 п.п. 2-10-11. Новый суд признает его полную невиновность (редчайший случай в те годы), и 3 декабря 1941 года он возвращается домой. Мы жили тогда уже на улице Миславского, дом 8/1, куда нас переселили после ареста отца.

В этот день я первый раз увидела своего папу. Мне четыре года. Я не помню его лица, но знаю, что он вернулся худым, простуженным, изможденным человеком, который прошел все ужасы ГУЛАГОВСКОЙ жизни.

Сегодня Родина в огне,
Ей тяжело дышится в дыму,
Страна моя, доверься мне,
Бойцу и сыну твоему...

(Фатых Карим,
перевод с татарского)

Декабрь 1941 года. Дикий холод, голод, немцы уже под Москвой, и наш отец со словами «Родина в огне, мое место на фронте» восстанавливается во всех своих правах, получает паспорт и военный билет и, не ссылаясь на свое физическое состояние, 30 декабря 1941 года уходит в военкомат. В тот день он не вернулся.

1 января 1942 года мама пошла его искать (военкомат находился на улице Свердлова, теперь это улица Петербургская), но не нашла и очень огорченная вернулась домой.

Она рассказывала, сколько там было народа — молодые юноши и девушки, люди среднего и пожилого возраста — вся улица перед зданием военкомата была запружена людьми. Они пришли туда, кто по призыву, а кто сам рвался на фронт, особенно мальчишки 14-15 лет.

А через 2-3 дня папа вдруг сам забежал домой на 20-30 минут попрощаться. Эшелон отправлялся на фронт. Папа был уже в военной зимней форме. Но перед этим, где-то в середине декабря, несмотря на свою занятость, он водил нас с Адой в цирк, который находился почти напротив нашего дома — на улице Дзержинского. Я помню, как в военные годы в затемненной Казани вечерами толпы людей шли в цирк. Он был одним из центров культурной жизни города наряду с театрами и кино. Сюда были эвакуированы самые знаменитые советские артисты, в том числе — группа дрессировщиков во главе с Владимиром Дуровым.

В цирке мы сидели, вцепившись в папины руки. Наверное, боялись, что он снова может исчезнуть, и я на всю жизнь запомнила ощущение — его горячие руки в моих ладошках.

Еще до возвращения папы из заключения маме удалось устроиться на работу в детский садик № 41 воспитательницей. Тогда это было очень трудно: с семьей «врага народа» люди боялись общаться. Потом в садик определили Аду, а меня, двухлетнюю, запирали дома одну. Затем взяли и меня в младшую группу. Так детский сад стал спасением нашей жизни.

А когда началась война и почти все мужчины ушли на фронт, вся тяжесть жизни легла на женские плечи. Работа на заводах и в колхозах, копание окопов и рвов, заготовка дров, разведение огородов и многое-многое другое. Взрослым помогали мы, маленькие дети. Я помню, как мы с мамой пилили

мерзлые дрова (а достать их было тоже огромной проблемой), на санках везли их домой, с большим трудом растапливали в печке. Тогда все дома отапливались печками. На углях готовили кое-какую еду, воду таскали из колонок в ведрах. Эти колонки находились далеко от нашего дома. Горячими углями кипятили воду в самоваре, углями же нагревали большой тяжелый утюг, чтобы погладить белье.

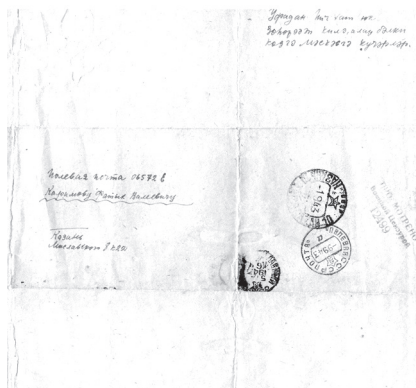
В первые годы войны наш быт был очень примитивен. Вечные очереди за керосином (летом готовили на примусах), за хлебом по карточкам, за мылом и т.д. Чтобы помыться в бане, приходилось по три-четыре часа стоять в очереди. Потом, уже обессиленные, в кромешной тьме возвращались со своими узелками домой.

Так как постоянно хотелось есть, мы — дети — жевали вар, бегали за железнодорожный вокзал в луга, где рос дикий лук и разные травы. Зимой собирали семена липы — орешки с «крылышками». Вкусным угощением был жмых.

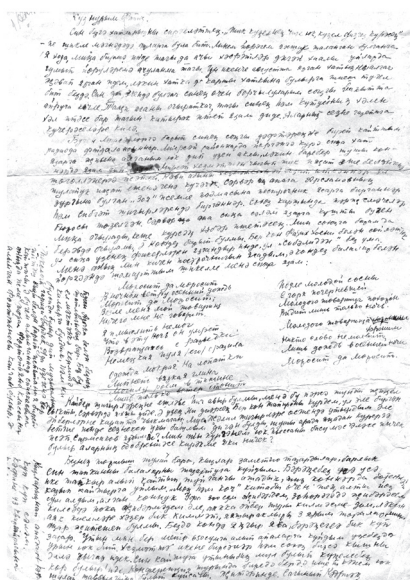
В детском саду воспитатели делали все, чтобы скрасить наше детство: устраивали праздники, очень много читали, иногда водили в ТЮЗ на детские спектакли, учили вышивать и обвязывать платочки из разных лоскутков, почти из ничего делать елочные игрушки. Из обрывков бумаги сшивали альбомчики для рисования, искали и приносили глину для лепки. Мы с удовольствием грызли капустные кочерыжки, турнепс, пили «суфле» из разведенного молока и всем «ненавистный» рыбий жир.

Казань была крупным тыловым городом нашей страны. Эвакуированных людей из самых разных оккупированных территорий расселяли в любые более-менее пригодные (и даже непригодные) для жилья помещения. В больших зданиях размещались госпитали для раненых. Их было очень много, и поэтому были забиты все палаты, коридоры и проходы. Помню, как мы — детсадовцы — а потом и ученики начальных классов выступали перед ранеными бойцами. Читали стихи, плясали и пели, дарили им сшитые детскими руками кисеты, платочки, свои рисунки. А бойцы и смеялись, глядя на нас, и плакали.

С самого начала войны был провозглашен призыв: «Все для фронта, все для Победы!». И люди отдавали все, что у них было. Подписывались на займы (государственный заем), собирали средства на строительство танков и самолетов. Наши воспита-

тели тоже не отставали от других. В одном из писем мамы на фронт она писала, что ее группа шестилеток стала инициатором сбора средств на постройку эскадрильи самолетов «Пионер». Родители через детей передавали деньги, кто сколько может. А мама отдавала свой месячный заработок, «лишь бы скорее истребить этих проклятых фашистов».

После того как папа уехал на фронт, от него не было никаких вестей, кроме письма с дороги. И вот в апреле 1942 года пришло извещение о том, что он после крупного сражения 14 апреля пропал без вести и что мама может оформлять документы на получение пенсии. Мы даже не понимали и не хотели верить в случившееся, так как папа, уходя, сказал: «Мы разобьем фашистов, и я вернусь с победой домой!».

И чудо случилось. 1 мая 1942 года очень рано утром раздался стук в дверь. У нас была одна кровать, на которой мы спали втроем. Мы в испуге вскочили - «Кто там мог быть?». Мама открыла дверь, а там ПАПА! В длинной шинели, с палкой в руках, худой, обросший. Мы бросились к нему, буквально повисли на нем. Какое счастье, ПАПА вернулся! Оказывается, его, тяжело раненого, все-таки вытащили с поля боя, он попал в полевой госпиталь, а затем долечиваться отправили в один из казанских госпиталей. Этот госпиталь находился в соцгороде. Мы с мамой туда ездили, иногда ходили пешком (это от Кремля), так как трамваи были редки и всегда переполнены. Тогда у мамы не было даже приличного платья. Выручали соседки — сестры Шигаевы, тетя Роза и Кафия давали свою одежду.

После лечения папа снова уехал на фронт. Его отличительной, уникальной чертой было то, что он, находясь в самых экс-

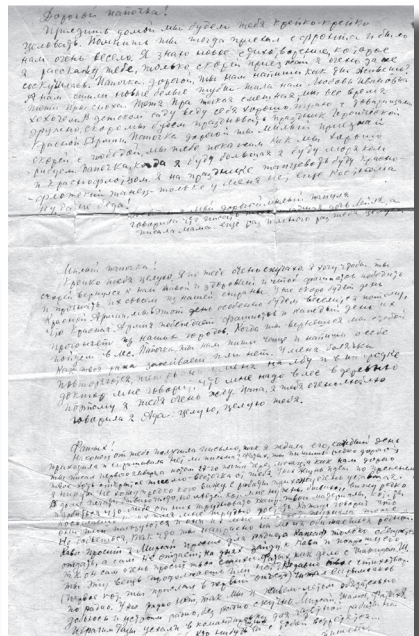
тремальных ситуациях, изыскивал возможность писать зреющие в нем стихи, поэмы, баллады, письма домой и друзьям — писателям.

Писал на прикладе автомата, на сапоге, на подвернувшейся доске — в перерывах между боями, ночью при свете луны или коптилки. Его интересовало все: есть ли у нас дрова, выросла ли в огороде картошка, как мы себя ведем, чему научились, как готовимся к школе.

С мамой по переписке в каждом письме шел разговор о творчестве. Его стихи печатались во многих газетах, татарских журналах, звучали на радио, композиторы писали на них музыку.

В те годы поэзия была главным, к чему люди тянулись и на фронте, и в тылу. Они ждали стихи, зачитывались ими. Из фронтовых газет, боевых листков стихи вырезали, переписывали, передавали друг другу, заучивали наизусть. А какие песни рождались во время войны! Многие из них народ любит и поет до сих пор.

Адресованное лично мне папино письмо и стихотворение, видимо, произвело на меня огромное впечатление. Мама рассказывала, что я его никому не давала в руки. Ложась спать, прятала его под подушку: «Папочка, миленький мой, хороший мой, прислал МНЕ! письмо». И в ответ диктовала маме свой текст, что «на празднике в честь Красной Армии танцевала краснофлотский танец и лезгинку, а когда вырасту, я буду моряком. Папочка, приезжай ско-

рей, мы тебя очень ждем». Почему моряком, я до сих пор не знаю. Мы посылали на фронт свои рисунки и корявыми буквами писали пожелания.

Да, письма во время войны имели огромное значение. Как мы их ждали в тылу! А как их ждали на фронте!!! Каждое письмо было событием — значит жив, значит есть надежда ждать новых вестей. Вечером при горящей лучине или при свете керосиновой лампы, при затененных окнах по сто раз перечитывали каждое новое письмо и писали ответ.

Я часто с ужасом и болью вспоминаю рассказ моей подруги Шуры Мокеевой (монтажница Александра Алексеевна Мокеева — ветеран завода, награждена двумя орденами Трудовой славы II и III степеней) о том, как ее мама берегла письма своего мужа — отца Шуры. Он погиб в самом начале войны. И она, когда вспоминала о нем, доставала эти письма и, читая их, очень плакала. И вот младший брат Шуры однажды украдкой взял эти письма и сжег, чтобы мама больше НЕ ПЛАКАЛА. Маленький мальчик очень жалел свою маму и, конечно, не понимал, что уничтожил самое дорогое, что бережно хранила его мать.

Снова и снова я благодарю своих родителей за то, что они, находясь в разлуке долгие годы (почти восемь лет), так много писали и сохранили все письма. Мамины письма были на фронте, отец держал их в руках, читал, сберег, и они вернулись. А как мама берегла его письма! Именно из них я теперь очень много знаю о них обоих, о нашей жизни и даже о себе самой. Главное в них — отец безоговорочно верил в победу. Еще в 1942 году, попав на фронт, он писал, что «фашизм не имеет права жить»

«Славен День Победы и свободы,
Прозвучит салют в краю родном,
Суд идет! — воскликнут все народы,
И фашисты встанут пред судом...»
(перевод с татарского)

А его задача как поэта, находящегося в самом пекле войны, найти время (и бумагу, которая была дефицитом), чтобы написать обо всем увиденном и пережитом, о героизме наших воинов, фронтовой дружбе, преданности Родине.

В 1943 году отец снова был ранен. Лечился в полевом госпитале. Затем опять на фронт, на передовую. В конце 1943 года еще одно ранение. После лечения ему удалось приехать в Казань на очень короткий срок. Мне запомнился один эпизод: папа был так занят своими литературными делами, встречами со своими друзьями — писателями (многие из них были фронтовыми корреспондентами), что вечером в последний день своего пребывания прибежал домой и говорит маме: «Скорее собирайся, вместе с девочками пойдем в фотографию». Когда мы пришли туда, оказалось, что фотоателье уже закрылось, мы опоздали. Так у нас на память не осталось даже фотографии вместе с отцом. В своих воспоминаниях мама затем писала, что из-за этого у нее сердце болит и разрывается. Теперь и у меня тоже.

Через какое-то время после его отъезда мама сфотографировалась с нами. Это было в 1944 году. Это письмо мама послала папе на фронт. Получив письмо с этой фотографией, папа с ней уже не расставался.

Фронтовой путь нашего папы начался от Москвы, затем менялись воинские части, номера полевых почт. Он прошел с боями через Украину и Белоруссию. При форсировании Днепра он чуть не погиб. Спасли фронтовые друзья.

Во второй половине 1944 года командование направило отца на краткосрочные курсы Ленинградского военно-инже-

нерного училища, которое находилось в городе Костроме. Как писал папа, учение было настолько трудным и напряженным, что на сон и отдых почти не оставалось времени. «Мы занимались по 36 часов в сутки» - так образно он обрисовал обстановку. В декабре 1944 года он заканчивает курсы с отличием, получает звание младшего лейтенанта со специальностью «сапер-подводник» и назначение — в район Восточно-прусской наступательной операции, в этот кровавый страшный котел войны:

«Я буду сокрушать врага
И как поэт, и как солдат,
Коль сам погибну — живы будут дети...»

До сих пор нет точной цифры (возможно, ее и не может быть) погибших воинов в Восточной Пруссии — это сотни и сотни тысяч.

А мы с Адой с сентября 1944 года уже учились в 1 классе 39 средней женской школы г. Казани. Она находилась на улице Банковской между улицей Баумана и Булаком. Мне не было семи лет, но я пошла вслед за своей старшей сестрой, так как мы все делали вместе.

У нас не было портфелей, не было тетрадей, их шили из узких полос бумаги, отрезанных от каких-то бланков. У всех отцы были на фронте или уже погибли, а матери трудились с утра до вечера.

Все жили бедно, голодно, но у нас были замечательные учителя. Я до сих пор помню всех по имени, отчеству. Они заложили в нас прочные знания, которые очень пригодились в дальнейшей жизни.

Однажды маму позвали в Союз писателей. Оказывается, от американских писателей пришла помощь детям воевавших и погибших на фронте татарских писателей. И нам по ордеру выдали по паре туфель, платья и оленьи шубки. Наша детская радость была неопишима. Эти шубки (непромокаемые) мы носили почти до 10 класса.

Письма от отца уже из Восточной Пруссии приходили, и в каждом слове: «Я пока еще жив». А мы жили только им. Его столько лет нет с нами, но каждый день разговор только о нем: что бы он сказал, что бы сделал. Мысленно он всегда был с

нами. В одном из последних писем папа писал: «Бьем врага в его логове. Зверь этот до такой степени коварный, что, удирая от нас, все превращает в пепел, и, не успев забрать каравай хлеба, оставляет его заминированным. Но мы мощным наступлением идем вперед и вперед. Пишу эти строки во время шквала огня, в момент минутного ожидания. Недалек тот час, когда мы поднимем наше знамя - Знамя Победы!».

Отец погиб в открытом затяжном бою под Кройцбургом (около 35-40 км. от Кенигсберга). Этот бой длился почти сутки с 18 по 19 февраля 1945 года. А до этого он участвовал во взятии городов Инстебург, Фридланд, Алленбург. Сохранились благодарности Верховного Главнокомандующего за отличные боевые действия при овладении этими городами – важными, мощными укрепленными районами обороны немцев на путях к Кенигсбергу. «Удостоверения» - командиру саперного взвода лейтенанту Каримову Фатыху Валеевичу в том, что он Приказом по 144 стрелковой Виленской Краснознаменной ордена Суворова дивизии 5-й Армии 3-го Белорусского фронта от 6 февраля 1945 года награжден орденом Красная Звезда и от 12 марта 1945 года – орденом Отечественной войны 1-й степени.

Недавно я получила наградные листы (их через Интернет нашел директор музея истории Отечественной войны в Казанском Кремле М.В. Черепанов). В них подробно указывается, за какие действия присуждены эти награды.

О гибели отца мы долго ничего не знали. Но вдруг в марте 1945 года возвращаются два маминых письма с припиской «Адресат выбыл», а потом приходит посылка. Открываем - а там шинель, сапоги, записные книжки и сшитые из бумаги маленькие узкие блокноты, аккуратно перевязанные письма, часы, немецко-русский словарь, портрет Пушкина - его папа носил в кармане гимнастерки вместе с нашей фотографией. Мама сразу все поняла. А я кричала и плакала: «Не может быть! Ведь папа обещал вернуться, он в каждом письме писал, что мы еще будем жить вместе, что он должен написать еще много новых произведений, которые сложились в его голове, они уже готовы, только нет ни времени, ни бумаги...». Нам нужен был ПАПА!

Я очень долго не могла понять и смириться с его гибелью. Увидев на улице человека в военной форме, догоняла и смотрела - не папа ли это идет?

НКО СССР
БАУМАНСКИЙ
РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
г. Казани
Татарской АССР

по части третий
д. Мирный 1945 г.
№ 1016.
Казань, Пестеревская 1738
Тел. АТС-77-86, 70-71.

№ 6 3 С. издается 1945 г.
№ 1016
ИЗВЕЩЕНИЕ

Жане Ишковой казиря Галимуллин
Ваш мать (или взвод) или мещинант
Жаримов братов Ваших
уроженец г. Казани

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был погиб
14 декабря 1945 г.
похоронен восточная д. Пустельга Кемельского
д. Казань Кладбище на северо-западе
д. Обходная д. Пустельга

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (Приказ НКО СССР № 1016)

Бауманский Райвоенком
г. Казань
Начальник 3-й части

Извещение о его гибели пришло намного позже, и только в мае 1945 года в газетах был опубликован некролог, и тогда же пришло письмо от майора Лагуна — зам. командира по политчасти в/ч ПП08644 с подробным описанием боя и гибели нашего отца и его однополчан.

Вероятно, поэтому я ничего не помню о Дне Победы. В нашей семье было такое несчастье, казалось, что все рухнуло. Я помню только опухшее от слез, почерневшее от тоски и непоправимого горя лицо матери.

Гибель нашего любимого папы перед самой победой нанесла и нам глубокую рану и боль. Впоследствии эта боль усилилась осознанием того, сколько людей погибло, сожжено, замучено в этой страшной войне. Это невозможно забыть и пережить.

Я хорошо помню дом-интернат для инвалидов войны, который находился на углу улиц Карла Маркса и Красина (теперь Япеева), недалеко от нашего дома.

В этом интернате содержались безрукие, безногие, искалеченные в боях люди. На улицах Казани очень много встречалось тех, кто мог как-то ходить на костылях или клюшках. Особенно страшно было видеть безногих людей, передвигающихся на самодельных тележках. Они отталкивались от земли деревянными колodками в руках.

Многие из них отказывались вернуться домой такими калеками, а многим, вероятно, некуда было вернуться. В те далекие годы эти инвалиды часто просили милостыню, забирались на своих тележках в трамвай, в пригородные поезда, сочиняли и пели песни про судьбу-злодейку. И погибали уже в мирное время.

Мы, маленькие школьницы, иногда навещали лежачих больных в этом интернате (некоторые были просто обрубками человеческих тел), но так это было страшно и жутко, что мы убегали в слезах. Потом туда уже никого не пускали.

Школу мы с сестрой закончили в 1954 году. Поступили учиться в Казанский госуниверситет. Ада его закончила, а я ушла с 3 курса и стала работать на производстве, сначала на заводе п/я 423, затем с 1962-1989 — на заводе ЭВМ. В настоящее время - пенсионерка, ветеран завода, ветеран труда. Имею награды — орден «Знак Почета», медаль «Ветеран труда», медаль «1000-летие Казани».

В последние годы я занимаюсь архивами отца и мамы. Это самое дорогое, что у меня есть. Собираю все публикации, издаваемые книги, документы. Регулярно езжу в город Багратионовск Калининградской области (бывший Пройсиш-Эйлау Восточной Пруссии), где на воинском мемориале находится захоронение нашего отца и его боевых товарищей. Могила была найдена через 11 лет после окончания войны — в 1956 году благодаря маленьким алюминиевым дощечкам: на одной из них оставшиеся в живых бойцы высекли надпись:

На второй дощечке имена сержантов и рядовых, погибших в этом же бою. Обе эти реликвии хранятся в военно-историческом отделе Калининградского историко-художественного музея.

Так как творчество Фатиха Карима изучают в школах и филологических факультетах вузов, меня часто приглашают в лицеи, колледжи, гимназии разных районов и городов. У меня

тесные связи с Казанскими музеями, а также с музеями и общественностью Калининграда, Багратионовска, Уфы, Белебея, Нижнекамска, Дмитрова, Аитова и др.

Я считаю своим долгом рассказывать о сложных судьбах наших отцов и матерей, об их мужестве, самоотверженности, героизме и непоколебимой вере в победу. Живущие после этой войны поколения должны знать, какую цену заплатил наш народ в борьбе с фашизмом, кому мы все обязаны за свою жизнь.

Не страдай о смертном часе,
Сердце родиной тревожь,
Если быть ей сопричастным,
Знай, что долго проживешь.

Ф. Карим (перевел с татарского Р. Сарчин)

Касимова Дина Арифовна

*Родилась 15 сентября 1933 года в г. Елабуга.
На заводе ЭВМ трудилась с 1968г. по 1988г.
Ветеран труда.*

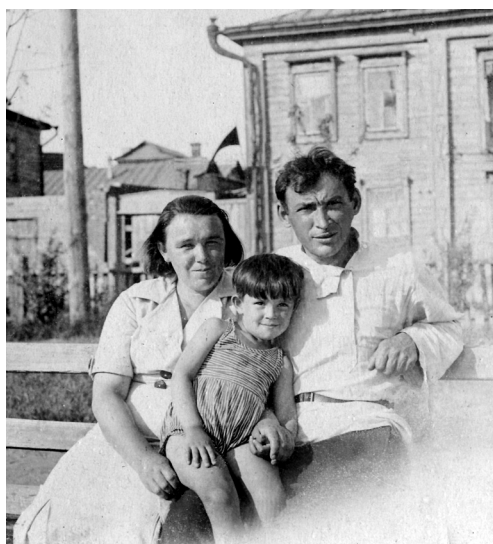
В летнее солнечное утро пришла большая беда

Я хорошо помню первый день войны. Это было в г. Елабуге, где я проживала счастливым ребенком своих родителей – Шахмаметьева Арифа Айзатулловича и Сончилеевой Хадичи Юсуповны, преподавателей Елабужского учительского института.

Солнечное утро. Я играю во дворе нашего дома в ожидании прогулки с папой, что бывало всегда в выходной день, когда вдруг оказалось, что мы никуда не пойдем: вышли озабоченные родители, и я услышала слово «ВОЙНА».

Запомнился день, конечно, не пониманием, что такое война, а огромным огорчением от потери счастливых минут общения с отцом.

Понимание, что война – это плохо и страшно, пришло в августе, когда мы с мамой провожали отца, призванного в армию, до Казани на паро-

ходе. Тогда по Каме и Волге между Елабугой и Казанью было много маленьких пристаней со старинными названиями: «Ван-довка», «Смыловка», «Соколки», «Берсут», «Красный ключ» (до революции — «Святой ключ»).

Плыть от Елабуги до Казани было ровно сутки - тихо шлепали своими колесами пароходики «Вера Засулич» и «Вера Фигнер», принадлежавшие до революции, может быть, компании «Самолет», может быть «Меркурий» или какой-нибудь другой.

Каждое довоенное лето родители (естественно, вместе со мной) проводили отпуск в пароходных, как бы теперь сказали, круизах. И это тоже было моим ожиданием праздника жизни всю зиму.

Но август 1941 года на пароходе оставил впечатления навсегда. Пароход приставал к этим маленьким пристаням, и с верхней палубы я видела, как большие группы мужчин с котомками за спиной погружались на пароход. Это были крестьяне окрестных деревень — мужья, отцы, сыновья крестьянок, провожавших своих кормильцев на войну. Мало кто из них вернулся. Это было пушечное мясо первых, наверное, самых страшных дней войны. И вот, когда пароход отчаливал, над рекой раздавался вой этих женщин, и он был слышен долго, дольше, чем была видна сама пристань. Эти сцены проводов и этот звук я вижу и слышу всю жизнь.

Потом были годы войны. В город прибывали эвакуированные жители Белоруссии, Украины, Ленинграда. Елабуга приняла беженцев вдвое больше своей численности.

У нас поселилось три ленинградских еврейских семьи. Условие, чтобы это были евреи, поставила прабабушка. Мусульманка, она боялась, что все другие заведут в доме свинину, не подозревая, что не только свинины, но и хлеба-то не будет вдоволь. Хотя все это я узнала уже много позднее, т.к. никакого религиозного воспитания в доме не было, как не было и никаких разговоров о национальности людей.

Родители разговаривали между собой и со мной на прекрасном литературном русском. На татарском я говорила с прабабушкой, спасибо ей, иначе я бы не знала родного языка.

В сентябре 1942 года я пошла в первый класс. У нас в классе были дети разных народов — белорусы, украинцы, евреи, армяне и мы - местные жители. Понимаешь это только теперь,

вспоминая фамилии и рассматривая фотографии. Тогда мы все были советские.

Настали долгие дни военного быта. Порой было по-настоящему голодно. Нас у мамы было четверо иждивенцев: я, двоюродный братишка, мамина неработающая сестра и старенькая мамина бабушка. Помню, как темными зимними утренними сумерками мама складывала в саночки пожитки от довоенной «роскоши» городского жителя и шла со своими товарками по деревням, чтобы обменять эти вещи на какие-то продукты. Мы, дети, летом подкармливались травой (в буквальном смысле). Бегали на заливные луга за речкой Тоймой, собирали дикий лук, щавель, ходили в лес за земляникой, грибами одни, стайкой ребятшек. Вот и помнятся чудесное разнотравье лугов и шум сосен прекрасных шишкинских лесов.

Еще помню, что летом не полагалось обуви. С первых теплых дней и до школы бегали босиком. Вначале было больно и зябко, потом привыкали и никогда не болели простудами или расстройством от съеденной травы.

Другое впечатление — это бесконечное стояние в очередях за хлебом по карточкам. Начиналась эта обязанность с каникул и до осени. Рано утром надо было занять очередь, которая во многом состояла из ребятни и бабушек (взрослые-то все на работе). Что-то около 9-ти утра взрослые просили нас, детей, сбегать к пекарне и узнать, замесили ли тесто. Мы бежали, смотрели и докладывали — да, тесто месят (а месили их женщины отнюдь не верхними конечностями). Потом уже ждали до вечера, когда это тесто превратится в хлеб, и его можно будет, тихонечко ошпывая, принести домой.

Хуже же было, если приходилось сообщать, что сегодня муки нет, и хлеба не будет.

Конечно, как и положено детству, были и счастливые, радостные моменты жизни. Незабываема первая учительница Ольга Ивановна Тугарева. Школа была родным домом, несмотря на то, что зимой бывало холодно, сидели в классе не раздеваясь, писали в варежках на полях старых газет. Тепло было от того, что нас любили, жалели, наверное. После большой перемены учительница вносила тарелку, на которой лежали кусочки хлеба, некоторые с крошечными довесками, и каждый подходил и брал свою порцию. Как, откуда брался этот довесок к тому хлебу, ко-

торый нам полагался по детской карточке 300 грамм (рабочая — 400 г., иждивенческая — 250 г.), не знаю, хотелось бы узнать сейчас, но уже не у кого.

Бывали у нас и веселые школьные праздники. В классе стояло пианино. Наша Ольга Ивановна была музыкально образованна (выпускница Елабужского епархиального училища). Мы разучивали песни, готовились к елке, наши мамы мастерили все те же костюмы снежинок и зайчиков, что и мы своим детям и внукам через 30-40 лет. А еще нас воспитывали патриотами. Каждый день нам говорили: «Учитесь хорошо, старайтесь, и будет Победа, а наша страна лучшая и непобедимая». И, видимо, это действовало. В четвертом классе два наших мальчика убежали на фронт, как они написали в записке, спасти Ленинград. Один из них был ленинградец. В Елабугу в годы войны были эвакуированы два физико-математических факультета — Ленинградского и Воронежского университетов. Одного из этих ребят отловили в Горьком и вернули домой. Второй добрался до Архангельской области, приютили его в крестьянской семье и вернули родителям, научным сотрудникам ЛГУ, уже в мае 1945 года. Гуляев Май и Гена Тарасов — вот мальчики, которые в 11 лет хотели спасти Ленинград. Май пошел по стопам родителей и стал ученым — физиком.

Все елабужане — и коренные, и прибывшие занимались огородами и домашней скотиной, чтобы прокормиться. В основном держали коз. За Камой были прекрасные заливные луга, и всем владельцам животины давали делянки травы для покосов. Была коза и у нас. А вспоминаю о ней я вот почему. Козу надо было выгонять рано утром в стадо. Это была моя обязанность. И вот однажды стоим мы с мамой и ждем, когда пройдет стадо, а рядом стоит старенький (на взгляд ребенка) дядя, держит двух коз, здороваётся с мамой. Мама потом тихонько говорит: «Запомни, это очень большой ученый, академик В.И. Смирнов». Вспомнилось это через много лет, когда я уже была студенткой на физмате. Поискала материалы по Елабуге времен войны, где нашла подтверждение того, что академик Смирнов был в Елабуге, жил в соседнем доме. Так же недалеко от нас был (есть и сейчас) дом, где кончила свою жизнь М.И. Цветаева. Кроме академика В.И. Смирнова, там жили академик физик Фок В.А., астрофизик Амбарцумян В.А., профессор физик Ансельм В.И.

Фамилии родителей моих одноклассников я встречала потом в научно-технической литературе по физике, биологии. Тем, кто в эти годы учился и работал в Елабужском институте, повезло на общение с этими великими учеными. Все они находились в одном здании когда-то Епархиального училища, и елабужские студенты, точнее студентки, имели возможность слушать лекции настоящих ученых.

Было много горя вокруг, которое мы, дети, уже понимали. Приходили похоронки в семьи одноклассников, соседей, маминых друзей. Пришло и нам известие, что отец пропал без вести. Это было начало 1942 года. В харьковском котле его часть попала в окружение. Несколько человек из них укрыли в украинской деревне, потом кто-то выдал их полиции. Затем плен, освобождение, участие в войне до Победы, возвращение домой. Как бывшего военнопленного, его долго не брали на работу, и только директор педагогического училища Елизов К.Ф., не могу не вспомнить имя этого мужественного человека, взял его преподавателем физики и математики так же, как и некоторых уцелевших в лагерях, репрессированных в 1937 году преподавателей. Правда, в 1949 году их снова забирали и высылали, но отец, наверное, к счастью, скончался от ран и болезней в июле 1949 года, иначе его постигла бы участь коллеги, которого забрали умирающего от туберкулеза и сослали в Сибирь.

Еще одно воспоминание военных лет. В Елабуге были лагеря военнопленных немцев и японцев. Немецкий лагерь был недалеко от школы на территории комплекса купцов Стахеевых. Этот комплекс с умом и вкусом построенных домов всегда хорошо использовался: была там и школа милиции, в данное время - Кадетское училище. А тогда мы видели через забор ненавистных нам фрицев. Это были отнюдь не изможденные, а вполне здоровые и, наверное, достаточно молодые люди, как говорят экскурсоводы и краеведы Елабуги, части армии Паулюса. После Победы до возвращения они свободно ходили по городу, покупали много книг в нашем единственном тогда книжном магазине. Один из них, вернувшись в Германию, написал книгу «Исцеление Елабугой».

Японцев мы видели только под конвоем, когда их проводили через город. Это была какая-то серо-зеленая безликая и очень мрачная масса людей. Их лагерь находился на окраине,

на территории бывшего женского монастыря. В наше время японское правительство по договоренности с советским руководством вывезло прах всех умерших соотечественников за годы плена в Елабуге. Немецкое кладбище находится под присмотром местных властей по соглашению с немецкой стороной.

Еще один член нашей довоенной семьи, мамина младшая сестра Сончилеева Софья Юсуповна, которая прошла весь фронтовой путь с января 1942 года до августа 1945 года. Она была студенткой учительского института. В августе 1941 года их всех сняли с учебы и послали преподавателями сельских школ взамен ушедших на фронт мужчин. Но учительство продлилось недолго. В январе 1942 года она была мобилизована в действующую армию. Она стала командиром расчета зенитной батареи, который состоял из таких же девушек — защитниц отечества. Воевала в рядах 1-го Украинского фронта, участвовала в боях за Харьков, отступала и наступала до самой границы, вернулась с орденами и медалями, окончила Казанский пединститут, была директором двух казанских школ, занесена в книгу почета г. Казани. В «Аргументах и фактах» была подробная статья о ней.

А еще запомнился день конца войны, и это было не 9-е, а 7-е мая. Точно помню этот день, потому что он совпал с днем рождения двоюродного братишки. На улице ощущалось радостное состояние людей, что-то, выражаясь литературным штампом, было

С.Ю. Сончилеева пишет рапорт

разлито в теплом майском воздухе. Возможно, что-то дошло о капитуляции Германии перед союзниками, а может быть, ожидание 9-го мая. Но такого ощущения полного счастья не было потом у меня никогда в жизни ни от личных, ни от общественных событий. Ведь 9-е мая был, действительно, праздник со слезами на глазах и для тех, у кого родные не вернулись, не дожили до счастья Победы. А вот 7-го мая Елабуга еще радовалась без слез.

Наступило счастливое послевоенное время. Но в 1949 году умирает отец, и мы с мамой переезжаем в Казань. Мама преподает химию, работает завучем. Я кончаю с серебряной медалью одну из лучших тогда и на все времена — школу № 15, поступаю и заканчиваю в 1956 году физмат КГУ. Работаю в Казанском филиале АН СССР.

В 1957 году до Казани доходит программирование ЭВМ. Это было ново и очень увлекательно. Осваивала это дело тогда молодежь, что захватило и меня. Я поработала еще на отечественных ЭВМ под названием «Стрела», отчего и себя чувствую древним ископаемым. Потом ВЦ электрофизического института, затем завод ЭВМ — 20 лет всех ступеней от инженера до начальника отдела. Потом пенсия и еще 20 лет очень увлекательной работы экскурсоводом по Казани и Республике. Сорок пять лет счастливого брака, двое сыновей, пять внуков (4 девочки и 1 мальчик) и один правнук, гражданин США.

Киселев Александр Степанович

Родился 13 марта 1932г.

На заводе ЭВМ трудился с 1959 по 1992гг.

Почетный ветеран завода.

Я начал трудиться на земле-матушке с 10-ти лет

Родился в деревенской семье в 1932 году. Это был год великого неурожая в стране. Мы, селяне, не имея паспорта, работали на земле-матушке. В колхозе официально я начал работать в 12 лет. В годы войны был призыв: «Все для фронта!», поэтому все были мобилизованы для сбора урожая. После жатвы всех женщин выводили на сбор колосков.

Мама, Киселева Евдокия, родила и воспитала вместе с моим отцом 10 детей - пять сыновей и пять дочерей. Я был самым младшим. Маму наградили орденом «Мать героиня». Все члены семьи работали в колхозе, не имея документов на проживание. Накануне войны у нас был такой мощный урожай хлебов, да и всего остального, что даже на трудодни в этот год выдали по 700 грамм зерна. «Вот зажили», - радовались все. Но радость была недолгой, потому что 22 июня 1941 года по радиорепродуктору объявили о вероломном нападении германских войск на нашу страну. В те моменты всеми, особенно молодежью, немецкая нация воспринималась с негодованием, как нация фашистов. Да и нашему руководству доставалось, дескать, как могли допустить, что немцы вторглись на нашу землю. А мужчины, которые постарше, безропотно начали собираться на фронт, выговаривая, что мы едем ненадолго, максимум на 2-3 месяца. «Разобьем эту

гадину и вернемся, - говорили они, - ведь у нас самая сильная Красная Армия, самое лучшее вооружение». Это немного успокаивало родных, и мы, пацаны, им верили. Только женщины, природой наделенные тонким чутьем, горько плакали, предчувствовали, что их родные и близкие уходят навсегда.

Так оно и случилось, потому что армия не была готова к такому отражению внезапного нападения. Командование было или в тюрьмах или в отпусках. Самолетов и танков было совершенно недостаточно. Даже винтовок, не говоря уже об автоматах, не всем солдатам хватало.

Как только объявили о начале войны, из нашей семьи мобилизовали сразу двух моих старших братьев Семена - 1912 г. рождения и Якова - 1922 г. рождения, двух зятьев — Николая (1916) и Павла (1918). В последующем был мобилизован старший брат Иван (1927). Он воевал с бандеровцами до 1947 года в Западной Украине. Воевал успешно и был награжден боевыми орденами и медалями. Вернулся живым и здоровым. Работал на железной дороге помощником машиниста в г. Чите.

Брат Семен и зять Николай пропали без вести. Судьба их неизвестна до сих пор. Брат Яков погиб смертью храбрых 12 декабря 1942 г. под Сталинградом (была похоронка). После войны его останки были перезахоронены в братскую могилу, о чем свидетельствует его фамилия на обелиске.

Брат Федор (инвалид детства — одна нога была короче) во время войны работал на буксирном пароходе матросом. Под

Мария, её муж (слева)

Сталинградом они переправляли солдат и военную технику с одного берега на другой. Их буксир несколько раз подвергался бомбежкам, но они остались живы.

Моя сестра Мария 1916 года рождения работала с раннего детства на земле, труженица тыла, а ее муж Павел — ветеран войны, вернулся инвалидом, потеряв левую руку.

Что касается моей жизни в эти суровые для нашей страны годы и моего отношения к происходящему, то однозначно можно согласиться с высказыванием знаменитого писателя Василия Белова, такого же дитя войны, выросшего до армии в глухой деревне.

Я начал трудиться на земле—матушке с 10 лет. Этот труд воспитывал нас как личность, делал сильными и мужественными. Сначала это были легкие работы — посадка картофеля и других сельхозпродуктов, грабление, сгребание сена и т.д., а в возрасте 11-12 лет нас, крепышей, определяли на более сложную и трудную работу — косьба травы ручной косой, жатва хлеба на жнейке, запряженной лошадью, метание сена в стога или ометы и т.д. Я был крепким мальчиком, занимался спортом, учился неплохо, наверное, поэтому меня ставили на трудные участки, рядом со взрослыми, и я от них не отставал.

Бригада косцов была 12-14 человек, поле большое и длинное. Луга были заливные, как только вода уходила в пойму реки Кама — трава росла сочная, густая и запашистая. А как построили Куйбышевскую ГЭС — все луга ушли под воду.

После успешной заготовки кормов нас направляли на уборку хлебов. Я несколько лет, с 13 до 18, работал на жнейке, косил рожь, пшеницу и т.д., а женщины вязали снопы. Затем пахал землю плугом, запряженной лошадью.

Вот и Василий Белов сказал: «Наша молодая жизнь на селе была похожей — бесправная, бедная, однообразная...». Поэтому молодежь старалась как-то получить образование, она уезжала в города, кто-то поступал учиться, кто-то устраивался на работу, благо тогда работы хватало всем. Молодежь тогда искала работу, а не зарплату.

Надо отдать должное, что наше село было престижным, так как у нас была семилетняя школа, на балансе был фельдшерский пункт с фельдшером, свой клуб, и село располагалось на берегу реки Кама. А с восьмого по десятый класс ходили учиться в районный центр за 7 километров по бездорожью. Тем не менее мы — молодые — находили время и учиться, и играть во всевозможные игры.

Учителя наши были профессионалами, знающими свои предметы, особенно уважаемый Алексей Ефремович — преподаватель геометрии и математики. Ведь Россия знаменита учеными и просто прекрасными людьми.

После окончания школы я поступил учиться в Махачкалинское пограничное училище. Успешно закончил и три года служил в качестве командира взвода. Затем по приказу Хрущева наша часть попала под сокращение (1 млн. 200 тыс. военнослужащих всего по стране). Поступил работать слесарем-инструментальщиком и одновременно учился в КАИ на вечернем факультете. В 1959 году поступил на завод ЭВМ, в котором проработал 35 лет.

Хочется отметить, что наше поколение, особенно во время войны, так идеологически воспитывали в школе, на сцене, дома, в СМИ, что нынешнему поколению и не снилось.

Несколько примеров. Я поступил в пограничное училище. С нами на курсе учились лезгины, грузины, армяне, чеченцы, татары и т.д. и никогда никакой вражды между нациями не было.

В 1953 году, в день похорон Сталина, мы были на тактических занятиях в поле. Ровно в 12 часов наш преподаватель построил нас, и мы 5 минут стояли по стойке «смирно», так как было пятиминутное молчание. А в это время невдалеке мчалась машина. Курсант Карапетян выскочил из строя, зарядил винтовку и выстрелил с возгласом: «Почему не остановился, когда хоронят вождя?». Благо, что патроны были учебные.

И последнее. После окончания училища нас, офицеров, - меня и грузина Гугешашвили - поселили в двухкомнатной квартире. Мы с ним дружно прожили 2,5 года, пока не женились. Никогда не ссорились. Жили, как братья. А сейчас?

Причиной всему — отсутствие здоровой пропаганды по воспитанию молодого поколения, нравственного воспитания в семье, школе, в СМИ и особенно на сцене, да еще появился Интернет. Раз этого нет, невоспитанные корреспонденты газет, режиссеры кино выдают свое мышление на экран, считая, что это свободо-мыслие. Показывают пьянку, ссоры и драки, убийства и очень редко — чистую любовь. Мы — старшее поколение, конечно, можем критически относиться к этому. Надеемся, что и молодежь станет достойным продолжателем лучших традиций и обычаев нашей великой страны.

Коган Маргарита Абрамовна

*Родилась 13 марта 1939 года
в г. Мещовске Смоленской области
Работала на заводе ЭВМ с 1972 по 1977 гг.
Ветеран труда.*

9 мая на стенах рейхстага расписался и наш отец

В 1941 году наша семья эвакуировалась в Казань.

В 1962 году я окончила Казанский университет по специальности «радиофизика», в 1977г. переехала в Москву.

Перед самой войной родители переехали в г. Ельню. Нас было четверо:

отец — Коган Абрам Павлович,

мать — Ладынина Пелагея Ивановна,

и двое детей — я и сестра Женя.

Когда началась война, мне было два с половиной года, а Жене — пять лет.

Война очень быстро докатилась до Ельни. За городом шли жестокие бои. Немцы были остановлены, но через некоторое время они высадили десант, и бои начались во всем городе. Родители с нами побежали к вокзалу. Вокзал бомбили. Маме с нами удалось сесть в поезд, а отец ушел на фронт. Его мобилизовали, но разрешили нас проводить. Помню вой, грохот, яркие вспышки света. Папа держал меня на руках, и мы с ним катимся под гору, он накрывает меня своим телом. Было очень страшно. Потом я много раз видела это во сне.

Мама рассказывала, что так и было на самом деле. Когда они подходили к вокзалу, началась бомбежка. Налетели немецкие самолеты и сбросили бомбы. Родители с нами бросились на землю

и скатились в овраг. У меня потерялся ботинок, дальше ехала в одном. Этот ботинок до сих пор лежит в шкафу как память.

Дальше мама с двумя детьми ехала в телячьем вагоне целый месяц. У нас с собой был чайник и ватное одеяло. На остановках мама выходила за кипятком и покупала какую-то еду.

Дальше из воспоминаний моей сестры Жени.

Мама вышла на остановке и долго не появлялась. Женя очень волнуется. Люди в вагоне говорят: «Все, она отстала от поезда. Бедные дети! Теперь их сдадут в детский дом, и мама их никогда не найдет». Женя в ужасе. Через некоторое время мама пришла. Она успела сесть в один из последних вагонов, стояла долго в очереди за кипятком. Женя этот ужас помнила всю жизнь.

Поезд в больших городах не останавливался, станции не объявляли, эвакуированных везли в Сибирь. Мы высадились в Свияжске. Мама как-то узнала, что близко Казань. Здесь были родственники отца.

В Казани маму сразу взяли на работу заместителем главного бухгалтера на железнодорожный вокзал. Она была хорошим бухгалтером. А предыдущего бухгалтера, как у нас водится, посадили. Эта мамина работа спасла нам жизнь. Ей выдали железнодорожный паек на всю семью, и мы не голодали, а многие эвакуированные падали на улицах от голода.

Некоторое время, года полтора, мы жили у родственников, а потом нам дали комнату на Булаке. Это было в старинном кирпичном доме на втором этаже. Комната, поделенная пополам перегородкой не до потолка, над ней висела общая лампочка. За перегородкой жил сумасшедший старик, бывший адвокат. Временами он громко произносил речи, как будто выступает на суде, и выскакивал в коридор в одном белье. Мы с Женей его боялись.

Нашу комнату я хорошо помню. Там умещалась кровать, стол и буржуйка, а труба выходила в форточку. Наша половина была метров шесть, а потолок высотой почти пять метров, за счет него мы и дышали. К концу войны сосед умер, и вся комната (13 метров) стала наша.

Мама очень много работала, уходила рано, а приходила поздно, уже ночью. Мы ходили в детсад, а потом Женя — в железнодорожную школу. Она находилась довольно далеко, около вокзала. Назад из детсада мы возвращались с сестрой одни. Идти надо было через рынок. Это было не безопасно.

На рынке стояли лошади, тяжеловозы с повозками. Лошадей мы пытались погладить по морде. Было полно калек и нищих. По дороге Женя дралась с мальчишками, они нас специально поджидали.

На вокзальной площади в садике содержались пленные немцы. Они протягивали руки за ограждение и просили хлеба. Они были худые и жалкие. Детям они улыбались, и мы им давали хлеб.

Вечерами дома мы сидели одни. Света часто не было, и мы крутили свечки из недогоревшего воска. Мама оставляла нам еду на плите на сковородке. У нас был большой рыжий кот. Когда еда заканчивалась, он спал в этой сковородке, так как на ней было тепло.

Из игрушек был плюшевый заяц. Когда в детском саду был карантин, его сожгли, и я очень горевала. Еще я всем знакомым повторяла по многу раз услышанную фразу: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!».

В доме была большая общая кухня. Там стояли керосинки, и была большая старинная русская печка. После войны мама в ней готовила и пекла замечательные пироги. Удобства были во дворе. У нас был дровяник, мама колола дрова и носила воду.

Моя сестра постоянно притаскивала в дом всякую живность. Спорить с ней было бесполезно. На кухне жила собака со щенками, в коридоре всякие птицы с поломанными крыльями, почему-то в основном грачи. Мы им копали червей во дворе, птицы были очень прожорливые и все время сидели с открытым клювом.

В те годы зимой были большие морозы, до 40 градусов. По дороге в школу Женя подбирала лежащих на земле птичек и складывала их за пазуху. В школе она прятала их в парту. Через некоторое время птички отогревались и начинали летать по классу и коридорам с громким чириканьем. А сестру в очередной раз выгнали из класса. Потом Женя стала очень хорошим врачом.

Выходных у мамы не было, но иногда давали один день на баню. Баня была рядом, на другой стороне Булака. Очередь в баню была на целый день. Обычно мы с Женей караулили очередь, а мама что-то делала дома. Мы часами слонялись по душным коридорам, смотрели, как делают маникюр и пили газировку.

Однажды, когда подходила наша очередь, в бане закончилась холодная вода. Тогда мама сходила домой и принесла два ведра холодной воды. Так мы помылись.

Мама наша была героическая женщина. Мы жили одни, она целый день работала, домашнюю работу делала ночами, а мы (дети) часто болели.

Временами женщин посылали на общественные работы. Однажды они разгружали баржу с бревнами. Мама стояла в каком-то люке, нагнувшись над бревном. Потом почему-то выпрямилась, и в этот момент просвистело сверху бревно и упало прямо перед ней. Если бы она не выпрямилась, ее бы не стало.

Как-то мама вывесила наше одеяло на крыльцо (на втором этаже). Ватное одеяло было самой ценной вещью в доме. В дверь закричала соседка, что одеяло украли. Мама выбежала на улицу и увидела, что убегал какой-то мужик, но догнать его не смогла. В то время по Булаку патрулировала конная милиция. Милиционер на лошади погнался за мужиком. Тот вбежал в подъезд и спрятался. Когда его нашли, стал плакать и на плохом русском языке говорил, что это его вещи. Милиционер отобрал у него мешок с нашим одеялом, мы были счастливы.

Папу на несколько дней отпустили домой после госпиталя. Мне было года четыре. Я его совершенно не помнила и назвала дядей. И вот я сижу на столе на кухне и болтаю ногами. Мне говорят, что сейчас придет отец, скажи ему «Папа». Он подходит, обнимает меня, и я упрямо говорю «Дядя». На следующее утро я встаю и кричу: «Папа, где наш папа?». А мне говорят: «Все, он вчера попрощался и уехал. Ушел на фронт».

Хорошо помню День Победы. Рано утром прибежала наша тетя и закричала в окно с улицы: «Поля, вставай, война закончилась. Победа, победа!!». А днем мама пришла с работы и очень сильно плакала. А Женя со своей подругой Венерой (им было по девять лет) побежали на площадь. Пустили слух, что там будут кого-то вешать, пленных или предателей. На площади было полно народу, люди ликовали, кричали от радости. Народу было столько, что их там чуть не задавили. Вернулись поздно, мы с мамой очень волновались.

Осенью 1945 года я пошла в школу. Открылась новая школа № 11 очень близко от дома, за углом. И Женя туда перешла. Это была замечательная школа с хорошими учителями.

Когда я была в 10 классе, в нашем доме освободилась еще комната, и у нас стала отдельная квартира на втором этаже нашего дома. Весной 1946 года вернулся с фронта отец. Была очень торже-

Берлин, у стен рейхстага, 9 мая 1945 г. (папа справа)

ственная встреча на вокзале с оркестром, несмотря на проливной дождь. Отец прошел всю войну до Берлина. 9 мая расписался на рейхстаге. Написал: «Здесь был еврей из Смоленска Абрам Коган».

Отец прожил до 92 лет.

Когда его просили рассказать про войну, он рассказывал всякую ерунду, какие-то нелепые или забавные случаи. Когда я ему сказала: «Расскажи же, как было на самом деле», он ответил: «Это очень страшно, ни вспоминать, ни рассказывать не хочу».

Детство у нас было сложное, но тогда все так жили, а многие даже хуже. У нас во дворе люди жили в сараях, подвалах, многие голодали, у многих не вернулись отцы с фронта.

Декабрь 1947 года. Холодно, около -40° с ветром. Мне восемь лет. Учительница просила принести в школу альбом для рисования. Я ною, чтобы купили, но всем некогда. Наконец, мне дали денег, и я сама пошла на рынок покупать альбом. Это минут 20 ходьбы от дома. В магазинах не было ни вещей, ни продуктов.

Рынок представлял собой большую площадь, уставленную деревянными прилавками с продуктами сельского хозяйства и некоторыми вещами. Подхожу к рынку и вижу, что там все прилав-

Женя и Рита

ки пустые, а по площади бегают группы возбужденных людей. Я прошла до конца площади, там были киоски, в которых раньше продавались вещи. Все киоски были абсолютно пустые, и в одном висел на вешалке и болтался на ветру халат необъятного размера.

Дома я узнала, что в этот день произошла денежная реформа. Люди скупали все, что можно. В банк на улице Баумана стояла громадная очередь. Народ менял свои трешки и пятерки на новые деньги. Больших денег тогда у людей не было.

В наше время с одеждой были большие проблемы, правда, на это не обращали особого внимания. Школьную форму носили до дыр, потом перелицовывали (заплатки под фартук) и снова носили.

Моей сестре в 7-м классе сшили зимнюю шапку. Это была большая радость. И Женя шапку очень берегла. В школе случилось собрание. Дети разделись в актовом зале и свалили свои пальто на столы. Женя побоялась, что шапку затопчут и, недолго думая, одела ее на рядом стоящий гипсовый бюст. Оказалось, что это бюст товарища Сталина.

Разразился жуткий скандал. Родителей вызвали в школу. Дома было очень тревожно, родители боялись, что их посадят. Потом вопрос как-то замяли.

Родители всегда боялись, что их посадят. Многие знакомые

сидели ни за что. Дома ничего лишнего не говорили и старались громко не разговаривать, так как через тонкую перегородку жили соседи. Нам тоже ничего лишнего не рассказывали, и поэтому у меня было чисто советское воспитание из школы.

В 10-м классе мы с двумя подругами стояли около моего дома с велосипедами и горячо спорили, наступит ли через 20 лет коммунизм, как объявил Н. Хрущев.

Я говорила, что обязательно наступит, а они сильно сомневались. Решили, что, кто проиграет, будет через 20 лет кататься на велосипеде.

Кстати, Булак в то время был спокойной пешеходной улицей, которую заасфальтировали и сделали набережную, и мы катались по ней на велосипедах.

Велосипед мне купили в 9-м классе, после долгих просьб и обещаний, что закончу год на «отлично». Обещание сдержала, а до этого отметки были разные - от 3 до 5.

Есть хорошие воспоминания. Во-первых, каждый Новый год у нас была большущая пушистая елка, почти до потолка. Мама покупала ее на базаре, и мы вместе притаскивали ее домой. Некоторые игрушки сохранились до сих пор.

Еще был ТЮЗ (театр юного зрителя). Он находился на соседней улице. Там ставили детские спектакли и сказки. Лет с десяти мы ходили туда с подружками без родителей на все спектакли по несколько раз. Часто нас пропускали без билетов. ТЮЗ очень украшал нашу жизнь.

А самое главное, мы с сестрой каждое лето (с 1946 по 1956 год) по три месяца отдыхали в замечательном месте на берегу Волги. Это поселок «Кызыл-Байрак». После войны мама работала зимой в школе, а летом — в лагере бухгалтером. В «Кызыл-Байраке» великолепная природа. Высокий берег Волги, покрытый сосновым лесом, за деревней большой яблоневый сад, дальние поля гречихи и пшеницы и замечательный сухой воздух, наполненный всеми этими ароматами.

Мама была очень занята на работе, а мы целый день болтались на Волге. Тогда Волга была не такой широкой (около километра) с быстрым течением и чистой водой. В ней водилось много рыбы, по воскресеньям приезжал отец, мы шли к бакенщикам и покупали только что выловленную стерлядь.

Купались, на весельных лодках ездили с бакенщиками зажи-

гать бакены. В них были керосиновые лампы. Ходили за грибами, ягодами. Мы не знали летней Казани, пыльной и душной.

В «Кызыл-Байраке» были дачники, в основном преподаватели казанских вузов. Мы дружили с их детьми. Вечерами взрослые собирались на бревнах перед домом математика Нордена и рассказывали всякие байки. Это называлось «профессорскими посиделками», и мы слушали очень интересные и остроумные истории. В 10 часов вечера взрослые переходили за бревна, нас — подростков — выгоняли и дальше начинались анекдоты.

«Кызыл-Байрак» в то время — это удивительное по красоте место. Будучи взрослой, я много раз отдыхала и на море в Крыму, и за границей. Там, конечно, хорошо, но я до сих пор считаю, что «Кызыл-Байрак» - это лучшее место на земле.

Таким было наше с сестрой военное и послевоенное детство. Я думаю, что мы выжили и выросли потому, что у нас была героическая мама, и еще, наверное, нас кто-то хорошо оберегал сверху.

Моя сестра Женя (Ладынина Евгения Абрамовна) окончила Казанский медицинский институт с отличием, защитила диссертацию и (уже в Москве) стала очень хорошим врачом фитотерапевтом и гомеопатом. Она помогла многим людям, написала книги и считается одним из основоположников траволечения в России. Недавно ее не стало.

Я окончила Казанский университет по специальности «физика», работала в разных НИИ, а с 1972 по 1977 годы - на заводе ЭВМ в СКБ. Под руководством Гусева В.Ф. разрабатывали новую ЭВМ ЕС-1033. Сейчас я живу в Москве и по-прежнему скучаю по Волге.

Немного о нашем доме.

Это был большой купеческий дом, двухэтажный, расположенный буквой П, постройка начала 19 века. Хозяева в революцию убежали в Турцию. Дом находился на правой стороне Булака (угол Булака и Астрономической) напротив мужской гимназии (в мое время школа №2). Внутри дома был двойной двор и посередине сад со стороны Булака, огороженный деревянным забором. Там были большие старые деревья. Сейчас большую часть дома снесли, осталась только ее левая сторона, как раз где мы жили на втором этаже. Его реставрируют, убрали все внутренности, осталась одна коробка, и навесили табличку: «Охраняется государством, памятник 19 века».

Кожилкин Юрий Николаевич

Родился 27 июня 1936 года, в г. Казань.

На заводе ЭВМ с 1957 - 1994гг.

Почетный ветеран завода ЭВМ.

Мама подкармливала нас за счет своих обедов

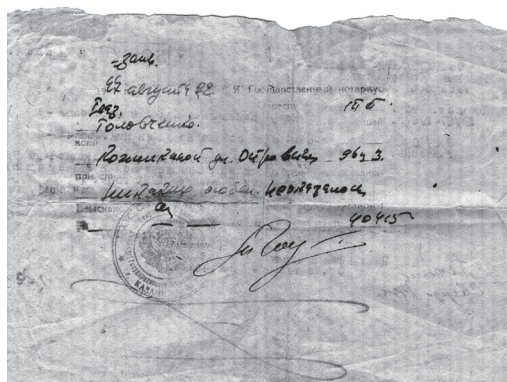
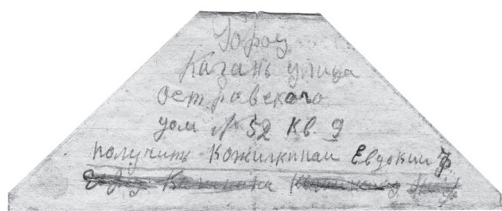
Семья наша состояла из пяти человек. Бабушка старенькая, мать моего отца. Отец - Николай Фомич 1911 года рождения, плотник. Мать - Евдокия Федоровна 1912 года рождения, домохозяйка. Старший брат — Александр Николаевич, 1932 года рождения, и я - Юрий Николаевич, 1936 г. рождения.

Отца призвали на фронт в июне-июле 1941 года. Точно не могу сказать, но первое и, как оказалось последнее, письмо пришло с датой отправки 18 июля 1941 года. И так, мы остались без кормильца.

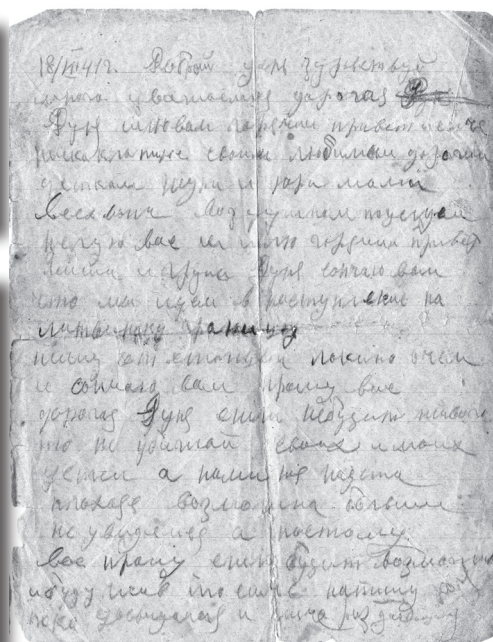
Мама устроилась в госпиталь, а мы с братом остались с бабушкой. Мама с работы приходила поздно. Иногда оставалась и на ночь. Бабушка вскоре умерла, и меня мама стала брать с собой на работу. В теплое время года проводи-

Последний снимок с отцом перед уходом на фронт

Похоронка на отца

Последнее письмо от отца
от 18 июля 1941 года

ли на улице, то есть — во дворе госпиталя. Там таких малышей было довольно много. Мама, да и все родители подкармливали своих детей, в основном, за счет своего обеда. Потом раненые солдаты и офицеры, способные выходить на прогулку, давали детям то кусочек хлеба, то кусочек сахара из своего пайка. Осенью почти всех детей родители забирали домой. С питанием было тяжело, особенно в зимние дни. Когда у мамы выпадали выходные дни, ходили на базар, где покупали, как правило, картофельные очистки. Мама что-то творила из них, вроде как каша получалась. Ничего — все проходило. Весной и летом собирали какие-то травы, названия не помню, но старые бабульки их тоже собирали и кушали. Да, рядом с домом был пустырь. Туда стали привозить с фронта разбитые машины, танки. Для пацанов это было раздолье, внутри их обнаруживали пули, изуродованные ружья, пистолеты. Пули собирали, клали их по одной на камень, потом залезали на крышу сарая и бросали другой кирпич на положенный внизу патрон. Некоторые из них разрывались, занятие было классным, пока одному пацану не ранило ногу, после этого на поле поставили охранника и никого из ребятни не пускали. Мы же продолжали играть в войну, играли в футбол резиновым мячом, гоняли хоккей клюшками из проволоки и металлической банкой от консервов.

В Казани несколько раз объявляли тревогу, но до бомбежки дело не доходило. В 1944 году я поступил в школу № 60 и в 1951 году окончил семь классов. Учился, конечно, не отлично, контроля строгого не было. Так как школа была семилетка, то для продолжения учебы меня направили в школу № 5. Старшего брата после школы приняли в ремесленное училище. Сначала он работал на заводе «Сантехприбор», а в 70-х годах перешел на завод ЭВМ.

Москва, Большой театр, 1957 г.

В школьные годы я увлекался спортом: борьба, бокс, волейбол, футбол. Но потом, ближе к 1953 г., увлекся хореографией. В период учебы в ТУ №3 был принят в хореографический коллектив ансамбля Трудовых резервов. С этим ансамблем я ездил в Москву на открытие ВДНХ в 1955 году. Как победители среди танцевальных коллективов г. Казани в Москву поехали на смотр коллективов художественной самодеятельности среди трудовых коллективов, где завоевали право выступить в заключительном концерте в Московском Большом театре, там присутствовали члены Правительства СССР. С 1955 г. по 1957 г. - служба на Тихоокеанском флоте.

Трудовая деятельность на КЗ ММ, можно сказать, тоже началась с танцев. Так, в 1958 году, когда я проходил стажировку

Во время службы во флоте, Юрий во втором ряду слева

в тресте «Сантехмонтаж», нас всех, временно командированных, пригласили на завод для празднования нового 1958 года, где я принял участие в самодеятельности завода. Потом нас всех вернули на завод для продолжения трудовых дел.

Завод развивался, росли новые корпуса и цеха. Я попал в слесарно-механический цех № 1 в качестве слесаря четвертого разряда. Здесь же работал Курлапов И.П. Он был парторгом в цехе. Убедил и меня вступить в партию (я был комсомольцем). Как активист был рекомендован в состав профсоюзного комитета завода, где мне поручили работать с молодежью по организации художественной самодеятельности завода.

Познакомился с мастером цеха № 7 Иосифом Франковским. Вдвоем и стали организовывать самодеятельность. Франковский занимался с хором, отдельными солистами, теми, кто читал стихи, интермедии. На мою долю достались танцы, духовой оркестр, пантомима. Общая организация концертов как местных, на территории завода, так и выездных — на смотрах и др. была за мной. В нашей самодеятельности был один товарищ, который «участвовал» и в танцах, и в духовом оркестре и был прекрасным «мимом». Это Барсуков Вася. От его выступлений

Юрий с гитарой

зал хохотал до упаду. Одним словом — самодеятельность ЭВМ была одной из самых сильных и уважаемых в Казани.

В 1960 году отдел кадров открыл курсы мастеров, куда и меня рекомендовали. По окончании курсов был направлен мастером в учебный цех № 26. Затем был переведен в ПДО, где многие годы избирался партгором отдела.

За длительный период работы на КЗ ЭВМ (КПО ВС) неоднократно поощрялся ценными подарками: два комплекта часов, два знака Министерства радиопромышленности, две бронзовые медали ВДНХ (1970г., 1985г.), медаль в честь 1000-летия Казани, медаль в честь 100-летия Ленина. Награждался почетными грамотами руководства завода, в том числе в 1966 году занесен на «Доску Почета» завода. Но самый первый подарок получен в 1960 году, когда отмечали День Октябрьской революции. Мне вручили отрез материала габардина. Сшитый из него костюм и сейчас в хорошем состоянии, и я одеваю его только по праздникам.

С 1994 года инвалид 2 группы, на пенсии.

Кренгель Генрих Исаевич

*Родился 15 октября 1937г.
На заводе ЭВМ – с 1971 по 1994гг.
Ветеран труда.*

Как мы решали продовольственную программу

Воспоминания о далеких годах детства периода Великой Отечественной войны - дело достаточно сложное. Однако до сих пор в памяти сохранились некие яркие страницы жизни и в совокупности с сохранившимися документами в семейном архиве есть возможность с достаточной степенью достоверности изложить наиболее значимые события тех лет.

Я, Кренгель Генрих Исаевич, рожденный 15 октября 1937 года в городе Карабаш Дальневосточного края в семье военнослужащего. Отец - Кренгель Исай Матвеевич, мать - Кренгель Циля Зороховна. Для того чтобы описать какие-то события из моей жизни в годы войны, было бы правильным привести вкратце биографические данные моих родителей.

Мой отец родился 19 октября 1908 года в г. Самаре, а мама - 13 августа 1913 года в литовском городе Митава. Отец до призыва в армию работал на Казанском меховом комбинате: вначале в производственном цехе, а затем был избран секретарем комитета ВЛКСМ. В РККА был призван в 1931 году в город Куйбышев в 34-й артполк, откуда в мае 1932 года был направлен на учебу в Полтавскую военно-политическую школу имени Фрунзе М.В.,

после успешного окончания которой был откомандирован в 62-й стрелковый полк политруком роты. Полк дислоцировался в г. Спасске Дальневосточного края. В июне 1936 года был переведен в 39-й артполк на должность политрука батареи в г. Барабаш Дальневосточного края, где я и родился. В составе этого полка в должности комиссара дивизиона отец принимал участие в боях за взятие сопки «Заозерная» в районе озера Хасан. За успешное выполнение боевой задачи постановлением Правительства от 25 октября 1938 года был награжден орденом Красной Звезды. В довоенное время эта награда была очень высокого достоинства.

В начале 1942 года папа был переведен в Благовещенское пехотное училище комиссаром батальона, где и прослужил до 8 февраля 1943 года. Несмотря на то, что отец имел бронь, по которой был освобожден от направления на фронт, он после нескольких рапортов был откомандирован в Башкирию в г. Белебей на Высшие курсы усовершенствования политсостава Красной Армии. После окончания курсов был направлен на фронт в действующую армию на должность заместителя командира по политчасти танкового батальона 13-й механизированной бригады, которая вела ожесточенные бои на Харьковском направлении. 27 ноября 1943 года отец был тяжело ранен и в госпитале

 Войсковая часть
 Полевая почта
 22141
 11.10.1945
 № 1106

Гражданке Кренгелю С.З.
 Кабаровский Край, г. Благоевченск
 Ленинск-161.

Вашему верный сын своего
 народа умер от ран в боях за
 Свободу нашей страны.

Командовали войсковой кассой
 передали Вам Орденскую книжку
 с наградением Орденом Красной
 Звезды, принадлежащую Вашему
 мужу товарищу Кренгелю Исая
 Матвеевичу.

Командира кассы [Signature]

скончался от ран 7 декабря 1943 года. У меня в памяти очень четко сохранилась моя последняя встреча с ним. Ночью перед отправкой эшелона в сторону Башкирии отец заскочил домой, чтобы попрощаться с семьёй. Я спал в своей кроватке и проснулся от того, что меня на руки взял человек в тулупе и шапке, запорошенный снегом, поцеловал и ушел в ночь. Такой была последняя встреча.

После гибели отца долгое время мама занималась поиском хотя бы каких-то сообщений о своем муже. На все запросы приходил один и тот же ответ: «В списках раненых и погибших капитан Кренгель И.М. не числится», т.е. без вести пропавший. И только к концу 1945 года поступило официальное сообщение о том, что Кренгель Исая Матвеевич пал смертью храбрых в боях за Родину, и в нашу семью была передана его орденская книжка, свидетельствующая о том, что он награжден орденом Красной Звезды за бои на озере Хасан.

После убытия отца на фронт все тяготы жизни в столь су-

ровое военное время, как и во многих семьях, легли на хрупкие женские плечи. Мама уже прожила сложные периоды в своей жизни: с трехлетнего возраста воспитывалась в казанских детдомах, училась в ФЗО и работала на Зеленодольском судостроительном заводе, училась на рабфаке, т.е. её самостоятельная жизнь началась с самого раннего детства. И только с 1936 года в ее жизни наступило счастье: вышла замуж, родился сын, хорошее жилье сначала в г. Барабаш, а затем и в г. Благовещенске, хороший по тем временам заработок отца и поэтому нормальная материальная обеспеченность семьи.

Но с конца 1943 года, когда пришло сообщение о том, что мой отец без вести пропавший, маме пришлось устроиться на работу, чтобы как-то материально обеспечить нашу с ней жизнь. Она устроилась воспитательницей в детский сад, в который и меня стала водить. Так что с этого момента мы были неразлучны днем и ночью. В этот период и до самого отъезда из г. Благовещенска мама стала привлекать меня к хозяйственным работам. В нашей большой квартире во всех комнатах и на кухне было печное отопление и поэтому приходилось на весь холодный период заготавливать дрова и уголь. При жизни отца этой проблемой занимался он, а когда его мобилизовали на фронт, все эти заботы легли на плечи моей мамы. Ей приходилось разгружать вагоны с углем, чтобы получить за это полагающуюся норму угля для личного пользования. Я очень хорошо помню, что для распилки дров мама всегда привлекала меня, шестилетнего мальчика, и я очень рано овладел этим ремеслом, перетягивая пилу двумя руками. Колкой дров занималась мама, а укладкой их в чулан занимался я, таская по два-три поленца.

Еще я очень четко помню, как моя мама приучала меня к огородничеству. За домом, где мы жили, каждая семья имела небольшой земельный участок, который мы вскапывали, сажали картошку, свеклу, капусту, морковь, лук, огурцы, помидоры и кукурузу. Выкапывали и сортировали картошку после копки и перетаскивали в огромное подполье, которое было на кухне. А для того, чтобы картофеля (второй хлеб) хватило до нового урожая, мама получила еще загородный участок, где сажала картофель, а осенью выкапывала и перевозила домой на транспорте, предоставляемом командованием Пехотного училища. Вот так мы вместе с мамой решали продовольственную

программу.

Из далекого детства периода Великой Отечественной войны я помню в подробных деталях такой эпизод: маме в детском саду, где она работала, по какому-то случаю выдали без всякой продовольственной карточки небольшой стаканчик подсолнечного масла с таким душистым запахом и приятным вкусом. Мама нарезала репчатый лук и полила этим маслом. Мы с ней, макая кусочки нормированного хлеба, съели этот салат, как какое-то десертное блюдо.

Я отчетливо помню момент, когда по радио и уличным репродукторам раздался четко поставленный голос Левитана о долгожданной Победе советского народа и окончании Великой Отечественной войны. Поскольку по временному поясу Дальний восток идет впереди всех, то мы это известие услышали, уже находясь в детском саду. Все воспитатели и нянечки прыгали и плакали от радости, обнимали друг друга. Мы - дети - ничего не понимали, и тогда нам разъяснили, что пришла Победа и что у многих детей скоро вернутся папы с фронта. Не понимаю, почему я подумал, что мой папа не вернется, и горько заплакал. В городе весь день гремела стрельба, салютующая о конце войны.

Радость победы сменилась озабоченностью мамы о том, что делать и как жить дальше.

В связи с тем, что некоторые родственники по отцовской линии жили в г. Казани, да и мама воспитывалась в казанском детском доме и до замужества работала в Казани, она принимает решение вернуться в г. Казань. Нудная процедура оформления разрешения о выезде из г. Благовещенска, и вот мы отправляемся в длительное и изнурительное путешествие по железной дороге из г. Благовещенска в г. Казань с пересадкой в г. Куйбышеве.

Совершенно четко помню, что в каждом купе плацкартного вагона ехало столько народа, что здесь уместно привести поговорку «Как сельди в бочке». На ночной сон на каждой полке устраивалось по два человека, кушали на маленьком столике по очереди. Устройство на ночной сон было каким-то ритуалом: в проходе между нижними полками устанавливались чемоданы, на которые стелили какие-нибудь вещи и укладывали спать кого-нибудь из детей. На каждой большой станции, где была более длительная остановка, из каждого вагона неслась толпа с чайниками и бидонами, чтобы набрать горячей и питьевой воды. И

вот в такой обстановке через две недели мы приехали в Казань. На первое время нас приютила мать маминой подруги, с которой мама до замужества училась на рабфаке при КХТИ. Через некоторое время нам пришлось переселиться в дом в центре города, где жила приемная мать старшей маминой сестры, которая была взята на попечение по решению духовной общины. Этот дом располагался на том месте, где сейчас стоит гостиница «Татарстан». Из этого дома 1 сентября 1945 года я пошел в первый класс начальной школы № 60, располагавшейся на улице Островского. В 1955 году я с медалью окончил уже среднюю школу № 60, и с этого момента начались новые этапы моей жизни.

В этом же году я, как медалист, пройдя собеседование, был зачислен слушателем в Киевское высшее инженерное радиотехническое училище (КВИРТУ), которое успешно закончил с присвоением воинского звания «инженер-лейтенант» по специальности радиотехническая по автоматизированным системам управления. После окончания училища два года отслужил в Заполярье в городе Североморске в радиотехническом полку на должности начальника передающего центра и в спецгруппе при 10-й армии ПВО в должности офицера по автоматизированным системам. В марте 1961 года приказом Главкома войск ПВО страны был переведен на 10-й Государственный научно-исследовательский полигон, расположенный в районе озера Балхаш, на котором прослужил до сентября 1971 года. На полигоне служил на главном вычислительном центре старшим инженером-испытателем, возглавляя профессиональную группу при натурных испытаниях систем противоракетной и противокосмической обороны.

В начале сентября 1971 года по состоянию здоровья был уволен в отставку и переехал в город Казань. В конце сентября принят на работу на Казанский завод ЭВМ в СКБ, где и проработал более 20 лет на различных должностях. В качестве заместителя Главных конструкторов Гусева В.Ф. и Кучукяна А.Л. руководил и принимал непосредственное участие в освоении и постановке на серийное производство моделей ЕС ЭВМ, таких как ЭВМ ЕС1033 (разработка СКБ Казанского завода ЭВМ), ЭВМ ЕС1045 и ЭВМ ЕС 1046 (разработка Ереванского ЕрНИИММ).

Лосев Виктор Павлович.

*Родился 28 августа 1930 года в Казани.
На заводе 1956-1993 гг.
Почетный ветеран завода.
Награжден орденом «Знак Почета»*

Вернувшись с войны, отец сказал: «Ты должен получить образование»

22.06.1941 г. Около 10-11 часов по улице Нариманова прошла Казанская пехотная дивизия в полном снаряжении на железнодорожный вокзал в сопровождении духового оркестра.

С началом войны в школе № 90, на улице Тукая, был организован госпиталь для раненых. За время войны нас трижды переводили в разные школы. Последняя из них располагалась в районе городской больницы № 5. Я в ней окончил семь классов в конце войны в 1945 году. Из этой школы нас частенько посылали разгружать баржи от бревен (двухметровой длины) на Бакалду, где сейчас располагается речной порт.

Моя семья проживала на улице Поперечно-Тукаевской, дом № 15, около кинотеатра «Чаткы». Было два строения, и проживало там шесть семей.

К концу 1941 года появилась семья из Ле-

нинграда. Их было трое - мать, дочь и сын Николай моего возраста (вороватый). У соседей в квартире была русская печь, в которой Николай любил спать после уборки гор углей. Мы быстро сдружились и проводили много времени вместе.

Отца моего в конце 1940 года призвали в военкомат. Он пропал там день и ночь. Мать работала на комбинате им. Вахитова. С началом войны она тоже там пропадала. Я жил с бабушкой (по матери). Маму в сентябре-октябре 1941 года мобилизовали и отправили рыть заграждения, окопы. Вернулась

Витя справа

Витя в классе

она в январе 1942 года после получения травмы.

Вскоре отца призвали в армию и отправили на учебу в город Сергач. После учебы отправили на фронт. Вернулся он в августе 1945 года. Он награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу» и массой медалей за освобождение городов от немецких захватчиков.

Пока родители были заняты своими заботами, я был полностью самостоятельным и делал, что хотел. Рядом с нашим двором находился двор, в котором проживала семья Галанцевых. Их старший сын Александр, средний

сын и младший Лева, а также сестры - все потом работали у нас на заводе ЭВМ.

Родители были очень добрыми. Видя, что я целые дни проводил у них во дворе, частенько меня подкармливали. Во дворе находилась какая-то база. Был большой склад всякого товара. Были автомобили, лошадиные повозки. Это нас - пацанов очень интересовало. Наш дом стоял вплотную к строению базы, крыши стыковались. Мы быстро нашли способ попадать внутрь базы. Несколько раз лазили туда и выносили мыло. Затем его везли на колхозный рынок и там продавали.

Но однажды, когда мы были уже на складе, дверь открылась, и туда зашел кладовщик. Мы еле успели спрятаться внутри. Все кончилось благополучно. После этого мы перестали туда лазить.

Но на этом наши приключения не кончились. Наша компания из 5-6 человек все время крутилась в этом дворе, среди автомобилей и повозок. В один прекрасный момент кто-то из старших ребят слямзил с машины одну пару валенок, быстро продал их, и было предложено собраться на берегу озера Кабан. Купили бутылку водки и какую-то закуску. Выпили. Так я впервые в 12 лет попробовал водку.

Германия, 9 мая 1945 г., отец в первом ряду справа

Во время войны на озере Кабан проходили бои между русской и татарской стороной на коньках и без них. Мы со своей стороны тоже участвовали, правда, нечасто. Один раз мне досталось по голове доской.

В феврале 1944 года умерла бабуля от воспаления легких. Я дома целыми днями оставался один. И потянуло меня к рыночной экономике. Кушать было нечего. Я занялся пошивом тапочек. Дома была Зингеровская машина ножная. За железной дорогой, где сейчас речной порт, была свалка. Туда с комбината «Спартак» вывозили отходы из тонкой кожи и кожи на подошвы. Верх я шил на швейной машине с разными узорами и потом вручную пришивал подошву. Торговля шла хорошо. Появились деньги для питания и покупки лыж.

Научившись шить на машинке, сшил себе кепку из кусочков, затем изготавливал из старья всякую одежду. Однажды мама, уходя на работу, попросила меня прийти на завод в столовую и взять там ее обед на вечер. Но я заигрался, забегался и не сходил за обедом. Вечером, когда мама пришла, спросила, где обед. Я оставил ее голодной, и запомнил это на всю жизнь.

Маме выделили участок земли. Он находился за ТЭЦ-1,

потом еще 5-7 км. Мы сажали там картошку, добирались до огорода пешком. А во дворе дома я стал сажать помидоры, кустов 15. Получились хорошие. Сам я есть их тогда не мог. Меня почему-то тошнило.

Два или три года маму посылали от завода в помощь колхозникам в деревню Ия Арского района. Я ездил вместе с ней. Сначала занимались прополкой картошки и зерновых. Участки были длинные. Опыта нет. Уставали быстро.

Когда созревали хлеба, посылали на их уборку. Я работал обычно на последней стадии получения зерна - выход соломы, скидки ее на подборку. Работа очень пыльная и тяжелая. Зарабатывали трудодни. Давали на них крохи, которые мы не могли вывезти.

После окончания седьмого класса в 1945 году нас, несколько человек, перевели учиться в школу № 2 на Булаке. Когда в августе 1945 года с фронта вернулся отец, он меня спросил, чем я хочу заниматься. Я сказал, что хочу учиться на шофера. Он погрозил пальцем и сказал: «Пойдешь учиться в школу №2 и окончишь 10 классов».

В школе № 2 мои знания оказались слабыми, особенно по математике, физике и химии. Я попросил классного руководителя мне помочь. Постепенно стали повышаться оценки по всем предметам. Год завершил на 4 и 5 по указанным выше предметам. В конце года преподаватель по математике (Гусарова Галина Юлиановна) укомплектовала бригаду и занялась успешной подготовкой нас по решению различных задач.

В 9-м и 10-м классах мы могли уже решать задачи разной трудности. В 10-м классе участвовали в городской олимпиаде. Заняли два вторых и два третьих места.

У Галины Юлиановны были хорошие связи с физико-математическим факультетом КГУ. Школа еще до нас направляла туда несколько выпускников. Факультет готовил хороших специалистов по физике, математике, механике и пр.

9-й класс стал для нас знаменательным тем, что у нас организовалась группа из четырех человек — два Славы и два Виктор, которые стали дружить многие годы, вплоть до сегодняшнего дня.

В 1947 году школа стала приглашать на вечера девочек из 11-й школы, которая находилась недалеко.

На этих вечерах я и Слава Заботин познакомились с двумя подружками, Диной и Леной, сидевшими за одной партой. Через пару месяцев образовались две пары: я - Лена, Заботин - Дина. Другие две пары образовались позднее, ближе к окончанию университета: Выборнов — Мягкова, Саркин-Щербакова.

С 1947 года по сей день мы дружим семьями. В молодые годы мы собирались дома у Лены (напротив школы № 2) - на праздники и так. Родители у Лены были просто потрясающие. Когда обзавелись семьями, стали собираться друг у друга, но чаще собирались у Заботиных. К сожалению, последние два года начались утраты. В апреле 2011 года умер Слава Саркин, в октябре 2012 года - Слава Заботин.

В 1948 году все четверо поступили учиться в КГУ. Трое — Заботин, Выборнов, Лосев — на физмат, а Саркин — на истфак. Учились нормально.

В 1951 году вышло совместное Постановление ЦК КПСС и Правительства по подготовке специалистов и строительству заводов для производства вычислительных машин. В мае 1951 года на физмат КГУ прибыл товарищ из Московского энергетического института. Дали согласие на перевод в МЭИ около 15 человек, окончивших 2 и 3 курс КГУ.

В конце августа поступил вызов прибыть в МЭИ до 30.08.1951 года. Прибыли мы в Москву в указанное время. Нас поселили в общежитие. Началась новая жизнь в Москве. Новые предметы, дополнительная сдача тех, которые не проходили в КГУ. Посещение театров, музеев и др. Стипендию платили 450-600 рублей. Жить было можно. Но была тоска по дому, по моей подруге Лене. За семь лет мы с ней очень привыкли друг к другу.

Подшло время писать выпускную работу. Меня определили в Академический институт, где была разработана первая в СССР вычислительная машина под руководством академика Лебедева. Он читал нам лекции в МЭИ. Работу я защитил на «хорошо».

Во время учебы в Москве я два раза в году (в феврале и летом) приезжал в Казань. В очередной приезд в феврале 1954 года я сделал предложение Лене, и мы пошли в ЗАГС. Нам предложили прийти 7 февраля 1954 года. Я же в это время должен был быть в Москве. Мне напомнили об этом при выдаче

диплома. Свадьбу провели летом 1954 года. Диплом об окончании МЭИ я получил 5 марта 1955 года. Лена окончила КГМУ в 1954 году. Ее послали работать в участковую больницу около Чистополя.

После окончания МЭИ меня послали на работу в г. Пензу на завод САМ, направили в цех сборки и наладки первой серийной ЭВМ «Урал-1». В этом цехе я работал на наладке первых машин «Урал». Через несколько месяцев на завод приехали два заместителя главного конструктора «Урал-1». Одному из них поручили разработку машины для КГБ. Работа была очень закрытой. Меня перевели из цеха в этот отдел.

В середине лета 1955 года я узнал, что в Казани открылся завод математических машин. Я переговорил с директором Минеевым К.Е., и он дал согласие на перевод меня на завод. Через несколько месяцев завод и я получили письма о моем переводе из Пензы в Казань. Так мы снова оказались в Казани в ноябре 1956 года.

1956 — 1958 — конструктор,
1959 — 1964 — начальник отдела наладки,
1964 — 1980 — главный инженер, начальник СКБ,
1980 — 1987 — зам.директора завода по кадрам,
1987 — 1993 — начальник отдела З.

В 1993 году - уволился по сокращению штатов на пенсию.

На заводе работали сын и невестка после окончания в 1977 году КГУ, программистами. Брат после окончания 8 классов работал в сборочно-наладочном цехе № 7, а после окончания КГУ - в отделе наладки. Жена брата работала в СКБ, а в последние годы — в отделе кадров завода.

Спорт.

Когда в 1945 году перешел учиться в школу № 2, я познакомился в классе с двумя ребятами. Один занимался гимнастикой, имел прекрасную мускулатуру тела. Вторым играл в волейбол, баскетбол, занимался легкой атлетикой.

Я посмотрел на себя в зеркало и ужаснулся. Стал делать утреннюю гимнастику, отжиматься и прочее. Во дворе дома натянул веревку и в прыжке забивал мяч. Сделал кольцо для баскетбольного мяча и постоянно бросал в кольцо мяч. Начал обтираться холодной водой.

К поступлению в университет дело сдвинулось. В КГУ я

начал заниматься в двух секциях — волейбольной и гимнастики. В спортзале была штанга. Я с Заботиным постоянно с ней занимался. Стали появляться кое-где мышцы. Года через полтора стал прилично играть в волейбол, участвовал в соревнованиях.

После отъезда в Москву в МЭИ продолжал заниматься гимнастикой и волейболом. Кроме этих видов спорта занимался греблей на байдарке и зимой, и летом. Зимой - в специально оборудованных местах на обводном канале. Но так как я летом и в феврале уезжал в Казань, пришлось бросить этот вид спорта. В Пензе я играл за завод САМ и один раз успел съездить на областные соревнования.

После приезда в Казань в конце 1956 года наступила тишина. Играли, где получится: в Ленинском саду, в парке Горького, в посадке около Ветакадемии. В начале 60-х годов стали собираться в спортзале пединститута. В дальнейшем эти игры переросли в игры ветеранов труда и спорта благодаря зав.кафедрой спорта — десятиборца Володи Колчина и зав.отделом строительства горкома КПСС

Ю. Акимова. Данные соревнования проводятся до сих пор.

В 1980 году мне исполнилось 50 лет. Я перестал ходить на волейбол. Снизился прыжок в высоту. Стал ходить на Казанку. Сначала просто ходил по утрам до работы. Затем стал бегать по 3-5-8 километров и до холодов купаться. Познакомился с людьми, которые купались зимой. Попробовал, очень понравилось. После выхода из воды ощущал необыкновенную легкость. Купался зимой до 75 лет. Бегать стало тяжело, а без бега тело мало согревалось и не хотелось лезть в воду. С этих пор я стал ходить пешком вдоль Казанки по 5-8 км ежедневно.

Пошел 85-й год. С Леной живем совместно официально 61-й год, плюс семь лет дружбы в школе и институте, то есть 68 лет. Всем желаю прожить такую счастливую жизнь. Благодарю обоих родителей (моих и Лены) и нашу четверку друзей - двух Слав и двух Викторов с их женами.

Матвеева Люция Ярушевна

*Родилась 8 февраля 1933 г. в г. Оренбурге.
На заводе ЭВМ трудилась с 1958 -1988гг.
Почетный ветеран завода ЭВМ.*

Самым страшным был 1943 год

Родители: папа – Мухтаров Ярулла Лутфуллович;
мама – Шахмаева Джамиля Абдулловна.

После окончания татарского отделения (педагогическое училище) родители были направлены на работу в Оренбург. Здесь в 1931 году родился старший брат, а в 1933 году родилась я. С трех лет мы ходили в детский сад. Нас никто не водил за ручку. Мы по утрам отправлялись самостоятельно. В 1935 году наша семья переехала в город Уральск Западного Казахстана, на родину папы.

Все детишки ходили в детский сад. Мне припоминается такая картина. Вечером, когда мы возвращались из детсада, около школы (а мы жили во дворе школы, 3 комнаты на 2-м этаже) нас встречал папа, он приседал на корточки, раскинув широко руки, мы бежали к нему со всех ног и попадали в его объятия.

В 1941 году я пошла в 1-й класс. В те годы в школу брали с восьми лет. И в том же году началась война.

Через несколько месяцев папу направили на военную подготовку, затем на фронт. Их эшелон проходил через Уральск. Папа, отпросившись, ночью приехал (немного раньше своего эшелона) в Уральск, чтобы повидаться и попрощаться со своей семьей. Это была последняя встреча! У меня до сих пор перед глазами стоит рыдающая толпа женщин с детьми.

Почти все школы были переоборудованы под госпитали. Мы учились в небольшой комнатке нашей учительницы. Тетради лежали на кровати (тетради — старые брошюры, поля газет). Чернила замерзали, поэтому к пальто были пришиты мешочки с чернильницами - непроливашками.

Мама с пятью детьми на руках осталась без работы. Татарские классы больше не открывались. Младший братишка умер в декабре 1941 года от воспаления легких. Не было ни лекарств, ни света, ни дров. Директор школы (который стал после папы) не помог маме в беде.

Начались голодные, холодные годы. Но самым страшным был 1943 год. Карточек еще не было, да их выдавали детям до 12 лет и работающим родителям. Три карточки на пять человек! Брату и маме карточки не положены. Дров нет, питания нет. У нас стены в квартире были покрыты десятисантиметровым слоем снега. Спали мы в валенках, температура на улице — минус 50 градусов.

Я видела женщин и детей, опухших от голода. Это — фиолетовые лица, голова разбухшая, размером с большую дыню. Страшно!

На зиму 1943 года мы вынуждены были запереть на замок (воровать было нечего) квартиру и уйти к старшей сестре папы, у которой и так была большая семья.

Мой старший брат лежал в больнице: тиф. А мы с мамой со слезами пошли к тетке, хотя нас никто не ждал. Младших — братишку и сестренку - пришлось на зиму отдавать в детский дом. Мы всю зиму ходили в какой-то лесок, рубили там кустарники для отопления квартиры, чтобы хотя бы к весне вернуться домой.

В мае 1943 года пришло извещение о гибели папы на Курской земле. Извещение получили мы, дети. Несмотря на то, что у мамы было четверо детей, ее отправили на месяц на лесоразработки. А дети выживут как -нибудь. Так мы встретили 1944 год.

Потом стало немного легче. Появились квартиранты. Это нас немного подкармливало.

Мы выдержали!

Наступил 1945 год, год ликования, радостей и слез 9 мая.

Я думаю, не осталось ни одного человека дома, весь город был на улице, на площади около исполкома. Это мое детское восприятие.

А матерям было очень тяжело.

Зимой мы учились, где придется, летом ездили в пионерлагерь, если маме удавалось достать путевки, если нет — улица. Но среди нас не выросло ни одного хулигана.

А в пионерлагерях были очень интересные игры: зорьки, огромный костер в честь открытия летнего сезона. Мы даже гадали на блюдечке, из дома (тайно) приносили керосин, бумагу, на которой (вкруговую) писали весь алфавит и цифры до 10, на блюде, на доньшке рисовали стрелку и задавали вопросы на темы, дорогие для нас: вернется ли папа с фронта? Один мальчик сказал, что есть сведения, что его папа на Дальнем востоке, он летчик и когда он приедет. Видно, среди ребят были талантливые, все выдумывали ответы.

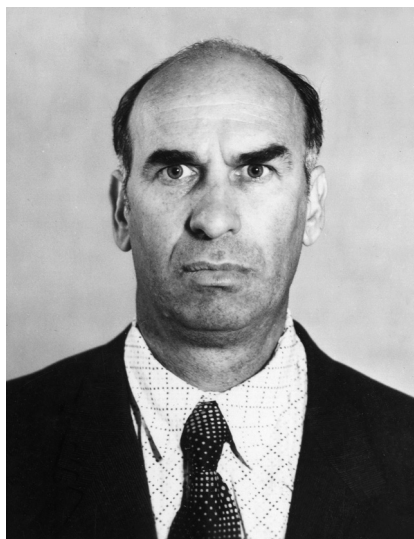
В 1946 году мы переехали на другую квартиру, и я пошла в элитную женскую школу № 1. Мы жили поблизости. В те годы девочки и мальчики учились раздельно.

В 1951 году я окончила десятилетку и поступила на физико-математический факультет Уральского педагогического института. Проучившись один год, я решила уехать в Казань, где жила мамина сестренка.

Так как я не хотела быть учительницей, я отправила документы в КАИ. Не проверив, где находятся документы, я вновь стала сдавать экзамены в институт. И — провалилась? Со слезами на глазах забрала документы, нас никто не сопровождал. А документы были на 2 курсе КАИ. Я вся опухла от слез, все рассказала тетке. Мне посоветовали пойти с документами в КГУ. И меня опять приняли на 2 курс физико-математического факультета.

Годы были тяжелые, нужно было растить национальные кадры. По совету декана факультета Бориса Лукича Лаптева я перешла со второго курса на первый с потерей одного года, так как профессорский состав и преподаватели в Уральском пединституте несравненно слабее по уровню подготовки специалистов. Б.Л. Лаптев назначил меня старостой группы. Так пять лет я была старостой. Это были золотые годы! Это были сложные, интересные и познавательные годы становления. И с 1 апреля 1958 года я начала трудовую деятельность на заводе математических машин.

Все 30 лет беспрерывно проработала инженером-конструктором, инженером - технологом 2 категории, инженером - технологом 1 категории. В августе 1988 года закончила трудовую деятельность и ушла на заслуженный отдых — на пенсию.

Медведев Владимир Иосифович

*Родился 18 августа 1937 года.
На заводе работал с 1960 по 2001гг.
Почетный Ветеран завода.
Ветеран труда, 2 медали.*

Сколько в Казань привозили раненых!

Моя семья:

папа – Медведев Иосиф Ермолаевич;

мама – Медведева Елена Константи-

новна;

брат - Медведев Леонид Иосифович
1934 г.р.;

брат - Медведев Владислав Иосифо-
вич 1939 г.р.;

сестра – Медведева Людмила Иоси-
фовна 1939 г.р.

Наша семья до войны, во время вой-
ны и после нее жила в г. Казани на ул.
Гоголя, дом 25. Отопление было печное,
печи топили дровами, воду носили с ко-
лонки, туалет во дворе.

Жильцы нашего дома и расположен-
ных рядом домов знали друг друга, об-
щались между собой, при встрече здоро-
вались, в праздничные дни поздравляли
друг друга, т.е. отношения между людьми
были хорошими.

Мы, дети, собирались и играли во
дворе нашего дома или на улице, т.к. ав-

Мама

Папа

Володя, 1940 г.

Отец во время службы в армии армейское обмундирование. К сожалению, у многих ребят, с которыми мы играли в детстве, отцы погибли во время войны. Многие ребята после окончания войны пошли учиться в ФЗУ - ремесленные училища.

О начале войны 22 июня 1941 года я узнал от мамы. Мы в то время жили на даче в деревне Бакча-Сарай, папа находился

томобили по улице проезжали редко. За время нашего пребывания на улице родители за нас не беспокоились. Зимой катались на санках и коньках (они назывались — «снегурочки»). Коньки веревками привязывали к подошвам валенок, носы коньков были овально загнуты, поэтому мы при езде не спотыкались. В теплые весенние и летние дни бегали, играли в прятки.

Старший брат Леня зимой с ребятами катался на санках, коньках с длинной горы, которая начиналась с улицы Жуковского и кончалась на улице Подлужная. Зимой на этой горе катались многие ребята с расположенных рядом улиц. Весной и летом играли в футбол тряпичным мячиком. К нашим ребятам приходили играть в футбол ребята с соседних улиц.

Напротив нашего дома находился военный склад. На первом этаже жилого дома был расположен клуб, где в дни войны показывали кинофильмы. Нас бесплатно пускали туда, мы обычно сидели на лавке 1-го ряда у экрана и смотрели фильм, высоко задрав головы. А после кино гурьбой шли домой через проходную склада. Со склада на грузовых машинах вывозили

на службе в г. Казани. Через несколько дней приехал папа и сказал, что его переводят служить в эвакуприемник заместителем начальника. В санчасти эвакуприемника папа совместно с другими врачами лечил раненных солдат и офицеров, которых доставляли с прибывающих поездов и пароходов. Летом в речном вокзале папа провел меня на пристань, где лечили раненых. У входного мостика дежурный солдат пропустил меня. На пристани папа оставил меня в небольшом коридоре, а сам пошел в помещение (лазарет), где лежали раненые. Когда он открыл дверь в помещение, я увидел узкие железные кровати, на которых они лежали. Военным врачом папа стал после окончания медицинского факультета Казанского университета в 1923 году, так как его сразу призвали на службу в Красную Армию.

До войны он служил в Сибири, в Узбекистане и Казахстане. Приобрел большую практику и опыт почти во всех областях медицины.

Домой папа приходил поздно вечером. Я помню его только в военной форме и сапогах. Мы, дети, в это время спали, а уходил он рано утром. Часто на ночь оставался на работе, но об этом он сообщал по телефону. Папа служил в звании майора медицинской службы, ему был выдан пропуск для прохода, проезда в г. Казани в любое время суток.

Папа - главный санитарный врач Татарии

Неоднократно он был командирован в Сталинград для организации вывоза и сопровождения эшелонов с ранеными в разные города, в том числе и в Казань, где все больницы и другие подходящие большие здания были отданы под госпитали.

Семья жила на папин оклад и офицерский продовольственный паек. Мама со старшим братом Леней ходили на склад за получением пайка. Склад находился на улице Большая Красная рядом с улицей Лобачевского.

Днем, когда родители были на работе, к нам приходила старушка Анна Сергеевна, которая присматривала за нами. Отпускала гулять на улицу, звала с улицы домой, подавала обед. Анна Сергеевна прекрасно кроила и шила. У нас дома была швейная ножная машина «Зингер». Анна Сергеевна из папиных рубашек и брюк шила нам детскую одежду, штопала порванную одежду, гладила белье.

Вечером перед сном мама читала нам детскую литературу — короткие рассказы, сказки. Мы под чтение книг засыпали. Мама работала преподавателем немецкого языка в летной школе. Курсанты в школе учились с сентября по июнь месяц, а затем выезжали в лагерь на практические занятия и каникулы.

Мама на летний период выезжала с нами на дачу в деревню Бакча-Сарай, которая находилась в 20 км от Казани вниз по реке Волге. На даче мы купались и загорали, ходили на лесные поляны, собирали и ели лесную ягоду. Молоко и картофель покупали у деревенских жителей. Когда на дачу приезжал папа, к нему часто за медицинской помощью обращались деревенские жители, он им никогда не отказывал, а к тяжелобольным шел сам.

В 1941 году старший брат Леня пошел учиться в среднюю школу № 19 им. Белинского. После занятий брат заходил в магазин № 50, получал по карточкам хлеб и приносил домой. Магазин находился на углу по ул. Гоголя и Горького.

В 1944 г. в клубе медработников действовал «Дворец пионеров». Леня занимался в авиамodelьном кружке, строил планеры из бамбуковых реечек, участвовал в соревнованиях. Впоследствии, после окончания школы и физмата КГУ, стал инженером.

Во время войны я видел пленных немцев, которые работали в Казани на площади Свободы - за загороженным забором из колючей проволоки на строительной площадке. Вдоль забора ходила вооруженная охрана. На этом месте построен Казанский

театр оперы и балета им. Мусы Джалиля. Сообщение об окончании войны и победе Красной Армии над фашистской Германией я услышал по радио. В День Победы на улице вышло много народу. Горожане с улыбкой поздравляли друг друга, обнимались.

Наша семья, 1953 г.

Во двор нашего дома принесли патефон, установили его на табуретку, крутя ручку, заводили механизм патефона, меняли пластинки, слушали музыку, танцевали.

В июне месяце 1945 года на площади Свободы были выставлены на показ трофейные немецкие танки.

За время войны было сожжено много городов и сел, миллионы советских людей погибли и умерли, тысячи детей остались сиротами.

После войны папа работал главным врачом Казанской городской больницы № 4. Прожил он 82 года. Скончался в 1983г.

А мама преподавала в Казанском электротехникуме связи и школе № 5. Педагогический стаж почти 40 лет. Умерла в 1995г.

Младший брат Владислав окончил КАИ и работает там же. Доктор технических наук, профессор.

Сестра Людмила работала медсестрой.

О себе. В 1945 году пошел учиться в Казанскую мужскую среднюю школу № 19 им. Белинского. Окончил Казанский электротехникум связи. Служил в армии, попал под сокращение вооруженных сил СССР. В июле 1960 года устроился на работу на Казанский завод электронных вычислительных машин. Работал в должностях прибориста, техника, старшего техника, инженера-конструктора. В апреле 2001 года вышел на пенсию. Присвоено звание «Ветеран труда». У нас с женой два сына, четыре внука и одна правнучка.

Рахимова Флюра Газизовна

*Родилась в 14 июля 1937 года.
На заводе ЭВМ трудилась с 1960 - 1993гг.
Почетный ветеран завода.
Награждена медалью.*

Много горя вокруг, но еще больше людской доброты

Мать — Рахимова Бадар Гимадеевна 1910 год рождения;
отец — Рахимов Газиз Сунгатович 1904 года рождения;
старший брат — Рахимов Рафаил Газизович 1928 года
рождения;

младший брат — Рахимов Роберт Газизович 1939 года
рождения;

послевоенная сестричка — Рахимова Фирая Газизовна 1946
года рождения.

Что выплывает из недр моей памяти?

1940 год. Маме 30 лет, старшему брату — 12, младшему — 1
годик, мне — 3 года. Мама работала мастером по пошиву верх-
ней одежды на швейной фабрике № 1 в Казани.

Врачи рекомендовали сменить климат папе и мне — это
единственная надежда на то, что мы перестанем болеть.

Оставив маму с двумя детьми в Казани, папа, взяв меня, пое-
хал к маминой сестре в Петропавловск Казахский. Из всего пере-
езда помню, как приятно было спать на папиных плечах. Папа стал
пить кумыс (кобылье молоко). Помогло. Спустя полгода, приехала
и мама с двумя моими братьями. Сняли комнату в частном доме.
Решили пожить, пока здоровье окончательно не восстановится.

1941 год. Грянула война. Папа пошел в военкомат. Его сразу отправили на сборы в Акмолинск Казахской ССР.

Продуктовые карточки выдали только маме и старшему брату. Меня и младшего братишку определили в детский садик. Братик долго плакал, глядя на него, плакала и я (мы были в разных возрастных группах).

Ушел на фронт сын тети, приютивший нас. Он пропал без вести в самом начале войны.

Мама работала мастером в артели по пошиву нижнего белья для солдат.

Помню, как я, приподнявшись на носки, чтобы посмотреть, что там на подносе, который стоял на угловой полке, опрокинула этот поднос с чайной посудой на пол. Большая часть превратилась в осколки. На грохот прибежали соседи и стали утешать маму, сказали, что это хороший признак, что ваш отец вернется живой. И ... сбылось!

В детском садике кормили, как могли. Но нас не покидало постоянное чувство голода. Летом мы с братишкой вдвоем возвращались из садика, взявшись за руки, дружно напевая военные песни. Прохожие улыбались. Мы старались — пели еще громче. Дома мама из картофельных очисток и отрубей пекла лепешки в виде котлет, прямо на голой плите (не на сковороде — жира-то все равно нет). Мы просили: «Мама, дай лепешку», пока не угостит.

Мыло исчезло. Появились вши. В садике каждый день медсестра осматривала нас. У кого не находили — в один угол, у кого обнаружили — в другой. Один раз я попала во вторую группу. Боже мой, как мне было стыдно — помню это чувство до сих пор. Завернули эту вошку в бумажку и велели отнести маме. Мама расплакалась: мыла-то нет. Спасала духовка. Там прокаливали белье каждый день.

Зимой из садика нас забирал старший брат. На санях был укреплен фанерный ящик, в котором мы с братишкой сидели «валетом», укрытые сверху одеялом. Однажды сани остановились, но одеяло никто не снимал. Посидели, посидели и стали выбираться сами. Вылезли с трудом, свернули одеяло, сложили в ящик и потащили сани домой. Дома шум, плач, милиция. Нас обокрали. Забрали всю еду, даже то, что было на столе, и одеяло.

Помню треугольные письма от папы. Он воевал под Киевом. Письма радовали маму.

Наша семья после возвращения отца с фронта

1943 год. Папа в госпитале под Уфой с ранением обеих ног.

1944 год. Лето, старший брат в кровати с высокой температурой: малярия. Мама, я и братик сидели за столом у окна, кушали. Вдруг мама, что-то закричав, выбежала из дома. Все побежали за ней, я — последняя. Когда я вышла на улицу, увидела мужчину в военной форме, на двух костылях, одна нога согнута назад, за плечами полупустой рюкзак. Мама висела на его шее спереди, сбоку старший брат (больше малярией не болел), левую ногу обнимал младший брат. Я удивленно смотрела, почему они этого человека обнимают. И не подходила, пока папа не позвал меня сам.

В этом же году старший брат отвел меня в школу. Читать я не умела, но очень хотела. Тетрадей не было. В школе выдали по одной тетради для чистописания. По остальным предметам писали на старых книгах, между строк.

До сих пор звучит в ушах голос Левитана: « От советского Информбюро...». Он как бы успокаивал — все хорошо, все идет своим чередом. Это может быть от-того, что я не понимала, что он произносил.

1945 год, 9 мая. С утра из черной тарелки громкоговорителя голос Левитана объявил об окончании войны. Мы с братом стали бегать по кровати и кричать: «Наше дело правое, мы победили!».

Потом пошли послевоенные полуголодные годы. Работы нет.

Папа ездил зимой в Караганду. Покупал там черный уголь, пару мешков. На санях со станции привозил домой. Мы с братишкой шли на перекресток и продавали уголь ведрами. Хоть какие-то деньги.

1946 год. Отменили продовольственные карточки. Вот тут и запомнились очереди. Занимали очередь за хлебом с вечера. В одни руки продавали только одну буханку. Старший брат стоял всю ночь, а мы утром приходили к нему всем семейством (нас было уже шесть человек, родилась сестра Кафирая) и покупали шесть буханок хлеба. И так почти каждый день, т.к. больше есть было нечего, пока папу не пригласил на работу его фронтовой друг заведующим нефтебазой в поселке Смирново (небольшой железнодорожный узел в 40 километрах от Петропавловска). Появился какой-то устойчивый заработок. Правда, с продуктами там было еще хуже, только по 200 грамм на человека по списку. Но появился огородик, куры, утки, кролики. Ходили в МТС (машинно-тракторная станция) за обратом (пропущенное через сепаратор молоко) - 5 км. Ходили в поля после уборки урожая собирать колоски пшеницы. Сушили, отбивали, веяли, крутили каменные жернова вдвоем с братишкой, т.к. одному сил не хватало. Появилась мука, крупа. Стало сытнее.

В школе посещала кружки акробатики, баскетбола, художественной самодеятельности, бальных танцев. Повезло с преподавателями. Учителя были «от бога», может быть, потому, что они были ссыльными, и ученики были для них отдушиной в этом поселке. Сосланы они были, в основном, из Горьковского университета после войны. Может быть, они были просто хорошими людьми и профессионалами. Помню, как сдавала экзамен по географии в 8-м классе. Прочитать не успела. Попалась по билету — Венгрия. Подошла к карте, посмотрела на рельеф, полезные ископаемые. Определила, чем там могут заниматься, какая развита промышленность. Учительница поняла, что я Венгрию не читала, но сказала, что ставит пять за то, что умею думать и работать с картой. Уроки проходили на одном дыхании — интересно. Они научили нас думать!

1954 год. Поступила в Казанский государственный университет. Студенчество - самое счастливое время, хоть и полуголодное. Турпоходы по выходным - в Марийские леса, спортивные кружки (лыжи, коньки, ленинская эстафета). В зимние каникулы — дальние походы на лыжах. Агитбригада — на лыжах

Я с мамой

по нефтяным районам Татарстана. Прошли Урал с севера на юг в рваных телогрейках и полусломанных лыжах, ремонтировали их по ходу. Спускались в горнодобывающие шахты. Встречали нас везде приветливо. Уральские годы зимой — красота неопишная, ощущение, что ты летишь, а не едешь на лыжах. В летние каникулы — стройотряды, покорение целинных и залежных земель в Центральном Казахстане. Награждена за это медалью даже.

Окончила университет в 1960 году по специальности физик - радиофизик. В сентябре 1960 года пришла работать на Казанский завод математических машин на должность инженера отдела наладки ЭВМ. Потом старший инженер, ведущий инженер — наладчик. Участвовала в наладке ЭВМ М-20, М-220, Урал-11, Сетунь, Наири, изделие «Гранит». С пуско-наладочными работами объездила (вернее - облетела) много городов Союза. Была даже в Якутске, в декабре.

С группой сотрудников участвовала в походах выходного дня, занималась подводным плаванием, участвовала в соревнованиях: бег, лыжи, спортивное ориентирование на земле и под водой.

В очередной отпуск проехала на заднем сидении мотоцикла по Европейской территории Союза по маршруту: Казань-Йошкар-Ола-Горький-Москва-Выборг-Таллин-Рига-Вильнюс-Брест-Минск-Киев-Кишинев-Одесса-Севастополь-Феодосия-Азов-Анапа. Поход был посвящен Отечественной войне и назывался «По местам боевой славы отцов-героев».

До конца дошла только казанская группа, остальные сошли со своих маршрутов по разным причинам. Все это — по инициативе ЦК ВЛКСМ организовал ДОСААФ г. Казани (награждена памятной медалью). Удостоверение подписал сам маршал И.С. Конев.

Участвовала в походе через перевал «Турист» в июне 1964 года на Тянь-Шане. Продукты в стране по талонам. Мы обратились в Обком партии с просьбой помочь с продуктами. На обращении — просьбе было много виз, но продукты не дали. Слава богу, все обошлось. Нам просто повезло. Все дошли до Иссык-Куля живыми и здоровыми, если не считать того, что лица были у всех обожжены — недооценили горное солнце.

В 1986 году пришла работать в СКБ завода. Участвовала в разработках разных моделей ЭВМ — «Наири», автотестера контроля ТЭЗ и различных устройств — программатор прожига микросхем памяти, АСУТП и т.д.

Ушла на пенсию в 1993 году в должности инженера-конструктора 1-й категории. Занималась трассировкой печатных плат на ПЭВМ.

Впервые услышала о существовании персональных компьютеров в 1980-х годах по радио «Свобода» - просвещали население Союза (и даже не глушили!) в часовой ежесуточной передаче о достижениях в области вычислительной техники, а позднее и о вебсетях (Интернет). Сейчас я уже свободно путешествую в Интернете.

Я благодарна судьбе, что на моем жизненном пути было очень много хороших, замечательных людей, отзывчивых, доброжелательных, интересных, талантливых. Я и сама старалась с радостью скорее поделиться своими знаниями. Так было и в школе, и в студенчестве, и на работе. Может быть это характеристика людей, живших при социализме?

На пенсии пришлось учиться жить (выживать) при авторитарном, олигархическом капитализме и в условиях рыночной экономики. Пригодился опыт освоения нескольких поколений развития вычислительной техники, от электронных ламп, транзисторов, микросхем, БИСов до современных ПК, Айпадов, Смартфонов и т.д., то есть постоянно учиться.

Рахманкулов Ильгиз Шамильевич

Родился 23 августа 1941г. в г. Уфе Башкирской АССР.

На заводе ЭВМ работал с 1959 по 1979г., с перерывом в связи с работой на выборных должностях.

С 1979 по 1993гг. – начальник производственно-технического управления связи ТАССР.

С 1998г. – профессор кафедры экономики КГФЭИ.

С 2012г. – профессор кафедры экономико-математического моделирования К(П)ФУ.

Доктор экономических наук, член-корреспондент Академии технологических наук РФ.

Награжден орденом «Дружбы народов» и медалями СССР, РФ и РТ.

На волнах моей памяти

Тяжело вспоминать, но, видимо, так устроена детская память и такая была жизнь в те годы, что всплывают, может быть, и незначительные факты тех дней, но для нас сегодня наиболее важные. Эти события невольно связаны с родителями, родными и близкими, соседями, друзьями родителей, с теми, с кем дружил в те годы.

Так сложилось, что папа уехал на фронт в тот же день, как началась война. Он был преподавателем Пехотного училища в г. Уфе и их подняли по тревоге, погрузили в поезд и сразу отправили в район г.Ржева (позже Юго-Западный фронт), где он воевал до 1943 года, был контужен, после чего его направили в г. Перово Московской области, где до осени 1946 года он работал в Горвоенкомате начальником 3-й части. Там и прошли памятные для меня годы войны вплоть до Салюта Победы, даже помню место, откуда мы наблюдали за ним. Это был Каменный мост через Москву-реку напротив Кремля. Выезжая в Москву, мы останавливались в доме на Набережной (Серафимовича, д.2), там жили наши род-

ственники - дядя Рахматулла и тетя Карима Чурагуловы, у них было три сына и две дочери. Помню, младший Булат знакомил меня с Москвой. Он жив и сейчас, д.х.н., профессор МГУ.

У папы был младший брат Мухтар. Он учился в аспирантуре МГУ, тоже химик. Был ополченцем, пропал без вести в дни обороны Москвы в декабре 1941 года. Две сестры папы Марьям и Зайнаб, также участвовали в Великой Отечественной войне, одна в военных действиях против японцев (врач), другая дошла до Германии (летала авиационным фотографом). После окончания войны окончила медицинский институт в г.Уфе. Я вспоминаю, когда ее муж военный летчик (мой кумир, дядя Женя) приезжал с фронта в г. Перово просить руки сестры у старшего брата – моего папы. Старшая сестра вернулась с фронта также с мужем (дядя Коля).

В период, когда мы жили в Подмосковье, у нас бывали папины друзья - дядя Сулейман с женой - военный переводчик и советник Чан – Кайши. Когда я учился в КАИ, он как-то, будучи в Казани, нашел меня, тогда он уже работал в г. Красноярске начальником отдела кадров одного из вузов этого города. Среди них был и дядя Вадим. Он работал директором магазина игрушек в Москве, и поэтому мне позволялось самому выбирать себе игрушки. Мне запомнились оловянные солдатики. Их было много. Я раскладывал их на полу и играл с ними. Уже в то время у меня была подружка – соседка Лида.

Запомнился и неприятный случай. Папа возвращался домой вечером, было темно. У самого дома в него стреляли, мы с мамой были дома, ждали его. Услышали несколько выстрелов. Папа имел пистолет и открыл ответный огонь. Его шинель я донашивал в юности, и помню, что на левом лацкане была дыра от пули. Уже позже он рассказал мне, что стрелял дезертир, который не хотел ехать на фронт, а решение вопроса было за папой...

А теперь о самом тяжелом периоде, когда мы вернулись в Уфу. Квартиру сохранили, этот дом и сейчас стоит на углу улиц Аксакова и Чернышевского в г. Уфе. Девять семей жило в этом небольшом двухэтажном деревянном доме с печками, во дворе у каждой семьи был сарай. Жили дружно. Постоянное стояние по очередям, где по карточкам давали сахар, крупу, муку. Как правило, это было в разных местах, во дворах магазинов. Вспоминаю картошку жаренную на рыбьем жире. Мама говорила,

что это был праздник, когда она была на столе, но для меня и сейчас это пытка. Вспоминаются стихи поэта К. Симонова:

Им пятый день давали есть
Соленую треску, тюремный повар вырезал
Им лучшие куски —
На ужин, завтрак и обед
По жирному куску
Отборной, розовой, насквозь
Просоленной трески.
Начальник клялся, что стократ
Сытнее всех его солдат
Два красных арестанта
В его тюрьме едят.
А если им нужна вода,
То это блажь и ерунда:
Пускай в окно на дождик,
Разиня рот глядят...

и т.д.

Так он описывал фашистскую лагерную жизнь. Эти стихи я читал со сцены, в школе. Поэтому они и запомнились.

Праздник в доме был, когда на столе появлялись пряники или конфеты (помню их название - «пирамидка»).

Дворовая жизнь кипела, я тепло вспоминаю своих ровесников: Виктор, Толик, Юра, Лида, Валя, Лиля. Были еще старшие: Толя, Ольга, Леня, Игорь, Мила. Старшие жили своей жизнью, иногда приглашали нас играть в волейбол или городки.

Начались школьные годы. Вспоминаю свою первую учительницу Марию Максимовну. Ее наградили в 1948 г. орденом Ленина. Это был радостный день. Мы гордились и радовались. Точно знаю, была фотография в местной газете, но найти ее не смог.

А еще запомнилась смерть Сталина. Точнее день смерти. Плакали все: и взрослые и дети. Я самостоятельно сшил траурную повязку и в день похорон (9 марта) стоял у ворот дома. Помню длинный прощальный заводской гудок в 12-00 (местное время). Рядом стояли мои друзья, но повязка была только у меня и я, конечно, гордился, что сам сшил ее.

Класс был очень дружным. Классный руководитель Кира Константиновна сумела нас сплотить местными туристическими походами, экскурсиями в гг. Ленинград, Москву, Кумертау. Мы сами зарабатывали деньги на эти поездки, работая на стройках.

Мои школьные годы были очень насыщенными. Об этом

говорит и сохранившаяся характеристика, подписанная классным руководителем выпускного класса Феликсом Яковлевичем Симкиным и директором школы Карлом Ивановичем Паснаком. С этой характеристикой я приехал поступать в 1959 году в Казанский авиационный институт.

Чем только мы ни занимались! Если почитать характеристику, то удивляешься, как мы успевали. Одно из увлечений — драматический театр. Кстати, мой дублер по роли О. Кошевого М. Рабинович по сей день

художественный руководитель Уфимского Драматического театра. Мы с ним учились в одном классе и дружим по сей день.

После окончания института я получил направление на Казанский завод математических машин (позже — завод ЭВМ), хотя с заводом был связан еще с 1959 года. Работал в 7 цехе наладчиком ячеек ЭВМ М-20. Позже, работая в отделе наладки налаживал ЭВМ М-220. В 1967 году был избран секретарем заводской комсомольской организации. В 1970 году был назначен начальником сборочного цеха №8, где собирались и налаживались АЦПУ-128.

В 1971 году был избран первым секретарем Казанского горкома ВЛКСМ, а в 1972 году — первым секретарем Татарского обкома ВЛКСМ.

В декабре 1975 года вернулся на завод. Работал заместителем директора завода по научной работе — начальником специального конструкторского бюро.

В 1979 году был выдвинут на работу начальником производственно-технического управления связи Татарской АССР. Проработал 15 лет и ушел на преподавательскую работу profes-

сором в КГФЭИ.

Не могу не отметить, что я удовлетворен своей жизнью. Она была богата на встречи с интересными людьми, поездками в разные страны.

У меня две дочери, внучка. Я горжусь своими друзьями и коллегами, с кем работал. Мои ученики и сегодня работают на различных ответственных должностях. К сожалению, некоторые сегодня уже не с нами.

Мои наставники:

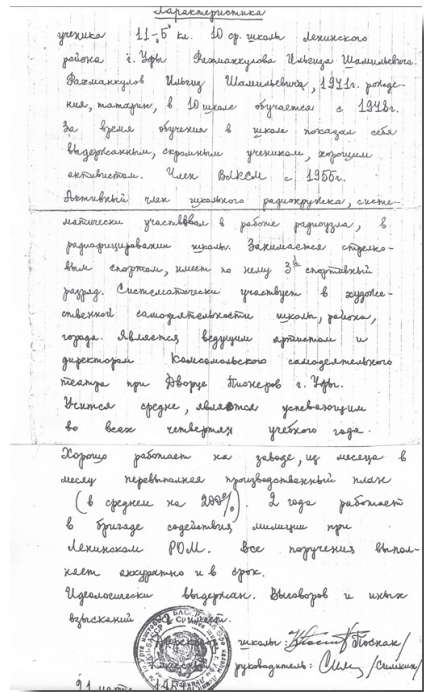
Виктор Николаевич Иванов, наш директор завода. Талантливый организатор промышленности, прекрасный человек, добрый и умный учитель. Он очень много сделал для нас, благодаря ему авторитет завода в стране и республике был непрекаем

Фикрят Ахметжанович Табеев, первый секретарь Татарского ОК КПСС. Удивительно одаренный и талантливый человек, сумевший сплотить всех нас в нелегкие годы развития и становления Республики. Практически авторитет Республики создан им. Благодаря ему создано все, чем сегодня гордится Татарстан.

Как не согласиться с Антоном Павловичем Чеховым и не закончить свое повествование его словами, которые, помню, были на плакате, долго висевшем в нашем школьном классе. Они начинались так: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Помню, был и другой: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» (Н. Островский).

Сейчас можно сказать: «Жизнь прожита не зря, мне не стыдно!», но остается один вопрос: «Так ли безупречно мы прожили свои годы? Все ли мы сделали для страны, для себя?»

Ответ на эти вопросы должны дать следующие поколения, наши дети и внуки.

Сладких Алевтина Анатольевна

Родилась 11 мая 1937г.

На заводе ЭВМ работала с 1961г. по 1992гг.

Почетный ветеран завода.

Еще чуть-чуть — и новая жизнь

Мне было четыре года, когда началась война. Я даже не помню отца, потому что он участвовал в Финской войне. В 1939 году в сентябре родился мой брат Юрий, в апреле 1942 года - сестра Лариса. Жили мы — мама, я, брат, а потом еще и сестра — в Воробьевском зерносовхозе. Мама работала бухгалтером. Нас часто бомбили (Лукинский район, Воронежская область). Мама летом нас прятала в узких щелях около дома. Бомбы летели, как в кино «Великая Отечественная». Вдруг кусок земли упал на меня, я решила, что меня убило. Около дома была посажена картошка, бомба попала на этот участок, образовалась большая воронка, из окон вылетели стекла.

Однажды зимой девочки (12-14 лет) взяли меня с собой и показали, как надо собирать замерзшую, оставшуюся от бомбежки картошку. Уже выпал снег, картошка была сверху, чистая, но когда я взяла ее в руки, кожа лопнула и посыпался крахмал (об этом я узнала позже). Видела пленных немцев. Очень жалкие, как отступающие в 1812 году французы. Мама рассказала, как однажды, придя на обед с работы, чтобы проведать нас, она увидела в квартире немца, голодного, злого. Он набросился на нее (ее рост 145 см), она закричала. Оказывается, он сбежал, его искали. На крик мамы наши солдаты прибежали и ее спасли, а дети (мы с братом) были на улице.

Семья в 1938 г.

У нас все поизносилось, а купить было негде, да и не на что. Зимой мы с братом сидели дома, но иногда очень хотелось погулять, и мы босиком и в обносках бегали вокруг дома по снегу, когда мама была на работе. Удивительно, но не болели. Помню, как я себя ошпарила, опрокинув вскипевший и вынутый из русской печки чайник с рисунком, присела перед ним на колени, посмотрела рисунок с этой стороны, а потом потянула чайник на себя, чтобы увидеть рисунок на другой стороне. Мама всю ночь не спала, марлю окунала в марганцовку и покрывала ноги, было очень больно, как только марля согревалась, я плакала. На лошади меня везли в районную больницу, чтобы срезать волдыри. Я вцепилась в мамину руку, не отпускала ее и во время операции, а мама плакала в три ручья.

Папу с начала войны отправили на переподготовку. Он написал, что едет уже на фронт, и с ним можно встретиться на какой-то узловой станции. Не помню, как он тогда выглядел, потому что все заслонило впечатление о том, как мы с мамой (брата оставили соседке) на этой станции проползали под эше-

лонами, прыгали по тамбурам, где они были. Поезда могли двинуться в любой момент. Но мама не боялась, я же радовалась приключению.

День Победы помню, как большой праздник — все плакали, улыбались, обнимались и пели, стряпали что-то. Хлеба мы не видели всю войну, мама пекла из лебеды, отрубей, картофельных очисток что-то. Драники были праздничной едой.

В 1945 году я пошла в школу. Маме на работе для меня выдали галоши, в которых я проходила весь учебный год (носочки мама связала сама), поэтому зимой отморозила руки и ноги. Мне их растирали снегом. У меня была нагрузка - следить за братом и родившейся сестренкой. В своих письмах папа писал своей жене и матери, чтобы, когда будет трудно, они помогали друг другу.

Бабушка с дедушкой жили в Воронеже. Их эвакуировали в Казань. Пока искали им квартиру, они жили в Качаловском театре на сцене. У них было пять детей. Мой папа был уже на фронте, дедушку взяли на фронт из Воронежа, а дядя Валентин, приписав себе возраст, ушел добровольцем из Казани. Старшие их дети, Зоя и Нина, пошли работать на 708 завод, а бабушка — на элеватор, который находился в районе железнодорожного вокзала.

Папа без вести пропал под Москвой в декабре 1941 года, дядя Валентин — под Ленинградом, дедушка после контузии вернулся домой. Бабушка до конца жизни надеялась получить весточку от сына Анатолия.

<u>Бауманский</u>		<u>Копия</u>	
Районный Военный Комиссариат гор. Казани Житарской АССР по части №8 29 октября 1948 г. № А-29/10		<u>Извещение</u> Гр. Сладких Александр Тимофеевичу Ваш сын - ком. роты Сладких Анатолий Александрович 1917 года рождения, находясь на фронте Отечественной войны пропал без вести в декабре м-це 1941.	
		Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии на основании Приказа НКО СССР №220.	
Печатать Бауманского Районного Воен. Комиссариата в Казани	Бауманский райвоенкомат подполковник Начальник 2 части капитан	подпись	/Якушин/
		подпись	/Гурьянов/

В 1946 году бабушка и дедушка помогли маме - взяли меня в Казань. Я поступила в школу № 83. До 5-го класса она находилась в здании школы № 24 (на ул. Пушкина рядом с бывшим Ленинским мемориалом, теперь это НКЦ Казань), а к 5-му классу построили новое здание на улице Япеева (бывшая Красина). Теперь в нем учатся начальные классы школы № 39.

В 1955 году окончила школу и поступила в КАИ на радиотехнический факультет, который окончила в 1961 году и по распределению поступила на завод математических машин инженером по наладке, потом стала старшим инженером и руководителем наладочной группы (в группе было от 15 до 43 человек). Поработала и в Госприемке, объездила по командировкам весь Союз, была в Чехословакии по рекламации.

В 1992 году я вышла на пенсию. Устроилась в ПТУ-41 секретарем директора и окончила курсы психолога. Потом до апреля 2001 года работала в фирме «Акфирт» с перерывами на болезнь и операции. Сейчас посещаю лечебную физкультуру два раза в неделю, пою в хоре «Воскресение» в университете, являюсь членом клуба любителей оперы. Все это помогает мне в жизни быть оптимистом, любить жизнь и людей.

Во время войны люди были добрее, сердечнее. Нас, детей, подкармливали соседи, кто чем мог, поэтому мы, наверное, выстояли, победили в страшной, жестокой войне, выросли порядочными, честными, дружными, сострадательными людьми.

Р.С. Моя мама — Сладких Валентина Алексеевна, урожденная Алексеева - переехала в 1951 году в Казань, работала бухгалтером в МВД, родилась в 1916 году, умерла в 1988 году, хорошо рисовала. Брат — Сладких Юрий Анатольевич - учился в КГУ, но не закончил по состоянию здоровья, работал в сервисной службе, прекрасно писал стихи и прозу.

Сестра — Сладких Лариса Анатольевна - вышла за Лазарева Сергея, хирурга, окончила Казанский финансово-экономический институт. В 1988 году переехала с мужем из Альметьевска в Казань, сейчас пенсионерка. Вырастила двух детей (дочь — медсестра в поликлинике МВД), сын — работает в МВД.

**Уразманова Эгида Ибрагимовна
(Валидова)**

*Родилась 12 октября 1936г.
На заводе ЭВМ работала с 1959 по 1991гг.
Почетный ветеран завода.*

Вернулась живой только тетя Рахима

Состав семьи:

отец — Валидов Ибрагим Гильманович, доцент кафедры физиологии человека и животных биофака КГУ;

мать — Габбасова Масхуда Асгатовна, ассистент кафедры физиологии человека и животных биофака КГУ;

сестра — Валидова Ляйла Ибрагимовна;

брат — Валидов Азат Ибрагимович;

я — Валидова Эгида Ибрагимовна.

В самом начале войны на фронт ушли:

брат отца — Валитов Муса Гильманович, 1922 года рождения;

мамины брат и сестра — Габбасов Узбек Асгатович, 1922 года рождения, Габбасова Рахима Асгатовна, 1918 года рождения.

Вернулась с войны только тетя Рахима.

Брат мамы, Рустам Асгатович, 1926 года рождения, с 14 лет работал на военном заводе, на токарном станке, стоя на ящике из-за маленького роста.

В годы войны и первые послевоенные годы родителей мы почти не видели. Как и все сотрудники кафедры, они много работали еще и на трудовом фронте: рытье окопов, в подсобном хозяйстве, по разгрузке и заготовке дров с барж и т.д.

Научное направление исследований кафедры было прибли-

жено к практическим задачам военной медицины — по изысканию эффективных средств, ускоряющих заживление ран. Сотрудниками кафедры было сформировано представление о роли кальция в организме животных и человека, которое получило столь широкое распространение и развитие в настоящее время.

Начало войны я не помню. Зимой 1941-1942 годов я жила в деревне у дедушки с бабушкой. Летом 1942 года меня привезли в Казань.

Мои родители работали в КГУ (Казанский государственный университет). Жили мы во дворе университета. Выделили нам небольшие участки земли, где сажали картошку, лук. Однажды даже посеяли просо. Кроме этого, собирали ракушки, двустворчатые, и мама из них готовила что-то съедобное. Так поступали многие работники биофака. Пустые створки ракушек просто выбрасывались.

Помню несколько воздушных тревог, которые объявлялись в Казани. Во дворе университета летом мы объедали зелень от цветов желтой акации и какие-то травы, названия которых я сейчас и не помню.

В 1944 году я пошла в школу № 3. Остались детские воспоминания о холодных зимах, плохой обуви и одежде. Но так

жили все. В первом классе мама по ночам из какой-то бумаги делала мне тетради в клетку и косую линейку.

Хорошо помню День Победы — всеобщее ликование, смех, радость, песни.

А потом уже более осознанные голодные послевоенные годы. Я стала старше, и время, свободное от учебы, прошло в очередях.

Но все-таки при всех невзгодах детство — самое счастливое время. Были обычные детские радости — прием в пионеры, тимуровское движение, кружки в школе и Доме пионеров, участие в демонстрациях, новогодние праздники, школьные экзамены, летние каникулы, пионерские лагеря.

В 1954 году окончила школу и поступила в Казанский государственный университет на физико-математический факультет, который окончила в 1959 году и по распределению пришла на работу в отдел наладки завода математических машин — Матмаш, на должность инженера-наладчика ЭВМ. Потом — ведущий инженер, начальник участка.

В 1976 году перешла в СКБ завода на должность начальника конструкторского бюро.

В 1991 году ушла на пенсию.

Награждена:

- серебряной медалью ВДНХ;
- медалью к 100 - летию со дня рождения Ленина;
- орденом «Знак Почета»;
- медалью «Ветеран Труда».

Федоров Геннадий Петрович

*Родился 7 июня 1936 г.
На заводе ЭВМ трудился с 1957 по 1972гг.
1972-1981гг. – работа в ОК КПСС.
1981-1996гг. – Министерство связи РФ
на кадровой работе до должности
заместителя министра связи.*

Тяжело было всем, особенно матерям

22 июня 1941 года - на начало войны наша семья проживала в деревне Ново-Курманаево Дубьязского района (ныне — Высокогорского). В 1954 году из деревни все уехали — кто куда.

Война началась, когда мне было пять лет, сестре два года, а через год родилась еще сестра. Отец ушел сразу же на фронт.

В 1944 году я пошел в школу в первый класс. У нас был один букварь на 6-7 человек, который читали по очереди, передавая друг другу. Тетрадей у нас не было, писали на сшитых из оберточной бумаги блокнотах карандашом или чернилами, приготовленными из сажи. Сумку мне мама сшила из белой материи и то, что нужно было для занятий, я туда складывал и, повесив через плечо, ходил в школу.

Помню, в одно время пи-

сать было нечем, и я писал гвоздем, макая его в чернила. Я хорошо помню свою первую учительницу Дарью Ермолаевну Степанову, все знающую и умеющую. Она учила нас добру и наукам, учила помогать друг другу.

В нашей деревне была только начальная школа. А после в любую погоду мы ходили в другую деревню за четыре километра. В зимнее время жили в той деревне на квартире и только в выходные приходили домой.

Во время войны начались проблемы с питанием. Помню, мама лебеду мешала с мукой, отрубями и пекла хлеб. Из гнилой картошки, которую собирали весной в поле, пекли лепешки. Вместо шоколада с радостью ели жмых, которым кормили свиней и коров. Из крапивы мама варила щи.

Как только наступала весна, мы с ребятами ходили в поле и ели разную траву. Очистишь вкусные клубеньки и наешься. Ели дикий чеснок, лук зеленый, другую траву — все собирали и ели. Вот это я хорошо помню из своей деревенской жизни.

Тяжело во время войны было всем. Но мне кажется, что особенно трудно было нашим мамам. Мама работала очень много — на поле и на ферме. И все мы — дети — были предоставлены самим себе. Нашими любимыми играми были лапта и прятки. Зимой ходили на лыжах, которые были сделаны из досок, а на носок лыжи прибивалась фанера.

Мы очень любили слушать, когда нам взрослые что-то читали и рассказывали.

Запомнилось, как женщины в деревне выходили в поле и жали серпами рожь. Они вязали снопы, которые складывали в небольшие копны-скирды, а затем грузили на повозки и везли на зерновой ток. Помню, что в летнее время нас заставляли работать в колхозе.

С середины июня до середины июля мы помогали запастись сено на зиму для колхозных коров. Взрослые женщины косили траву, сушили, затем мы ее сгребали и привозили в определенное место, где взрослые делали стога. Осенью помогали убирать картофель и овощи. Так мы — деревенские дети от 8 до 14 лет — постоянно помогали колхозу. А когда стали взрослее, колхозу помогали выполнять более сложные и трудные работы. Так, я работал на жатке по уборке хлеба, сидя на прицепе, сгребая стебли колосьев, из которых женщины вязали снопы. А когда стал еще взрослее, работал на лошади возил сдавать зерно

на заготовительный пункт, а также грузчиком на автомашине — возили зерно на Казанский элеватор.

Война в моей жизни и памяти, как и у всех, осталась навсегда. Хотя мы и жили далеко от прифронтовой полосы, но дыхание войны ощущали.

Помню, как некоторые женщины нашей деревни уезжали на рытье окопов. Помню, как закрывали окна по вечерам, чтобы не проник свет на улицу.

Самым запоминающимся событием в моей жизни стало известие о долгожданной Победе. Все выскочили на улицу, кто в чем был — целовались, обнимались, свои — не свои, знакомые — незнакомые. Радость и счастье были беспредельными. Кричали «Ура»! И как будто не было ни бессонных ночей, ни голодных обмороков — только слезы радости!

Все-таки должен сказать, что в годы моего детства и молодости люди во много раз были добрее и дружнее. Хотя и жили в недостатке, в нужде, а всегда и улыбались, и шутили, друг другу помогали. Подумать только, что сейчас — в мирное время нельзя оставить ребенка во дворе одного или не встретить из школы.

В 1945 году отец вернулся с фронта. Освободил Украину, Белоруссию, Болгарию, Венгрию, Австрию. Его назначили бухгалтером колхоза, где он проработал до 1954 года. В мае 1954 года наша семья переехала жить в Казань, куда перевезли из деревни наш дом.

20 сентября 1954 года

Надежные работники

Папа вернулся!

Фронтовики, отец справа назначен заместителем начальника по кадрам производственно-технического управления связи Республики Татарстан, переименованного в дальнейшем в Министерство связи Республики Татарстан, где проработал до ухода на пенсию в июле 1996 года заместителем министра связи по кадрам.

Жалко и обидно за поколение, которое сейчас растет. Молодые все больше деньгами и барахлом интересуются, безобразничают, друг друга убивают, и это в мирной, такой обеспеченной по сравнению с тем военным и послевоенным временем жизни. Это свидетельствует о том, что страна стала жить «по понятиям». Приватизация привела к незаконному захвату недр и государственной собственности.

Кучка недобросовестных людей, превратившаяся в олигархов, захватила в свою собственность все богатства страны.

Законы в нашей стране не работают. Воспитательной работой с молодежью никто не занимается. Все кружки, которые раньше работали бесплатно при дворцах пионеров, закрыты, и молодежь предоставлена сама себе.

Без изменения сложившейся ситуации наша страна не имеет перспективы.

я устроился на работу на авиационный завод им. Горбунова учеником слесаря-сборщика, а затем, сдав на разряд, проработал по этой специальности до августа 1957 года.

23 августа 1957 года я поступил на работу на завод ЭВМ. Мне не жалко прожитых лет, нет. У нас был огромный патриотизм, чувство долга, духовность. Мы любили и любим свою Родину.

Окончил юридический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина — вечернее отделение. В 1972 году был переведен на работу в Татарский обком КПСС — инструктор отдела административных органов, где проработал до 1981 года. Затем переводом был

Федорова Ираида Борисовна

*Родилась 26 января 1937г.
На заводе ЭВМ трудилась с 1960 по 1992гг.
Почетный ветеран завода.*

И вот пришел долгожданный день!

Мой отец, Федоров Борис Григорьевич, 1912 года рождения, младший лейтенант, командир танка, пропал без вести 17 января 1945 года. В Красной Армии служил с 1941 г.

Помню тот момент, когда прощались перед уходом на фронт мама с папой. Они обнимались, а я стояла между ними в ногах

Папа во втором ряду справа

Папа перед уходом на фронт

Фото для папы, посланное на фронт, 1944 г.

(мне было четыре года). Мама плакала и я вместе с ней.

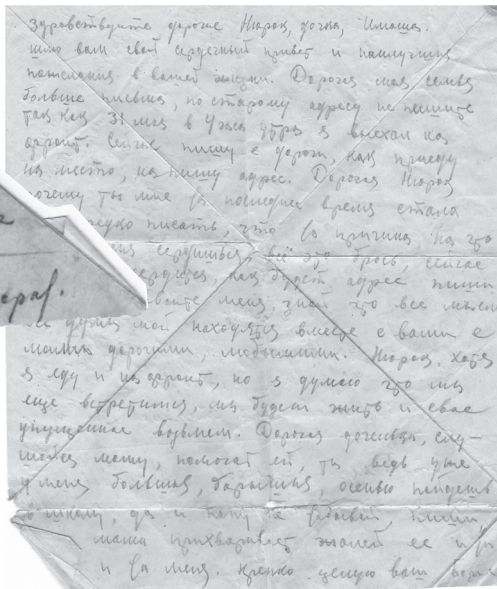
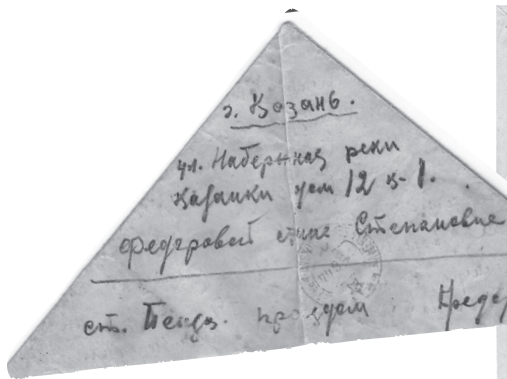
В 1944г., после окончания Камышинского танкового училища, перед отправкой на фронт, отец приезжал на несколько дней домой. Помню, как при встрече он, большой, сильный поднял меня высоко на руках. Мы с ним эти дни не расставались. Он встречал меня из детского сада (здание напротив главного входа в КАИ), мы гуляли, ходили в офицерскую столовую около Черного озера. А утром я забиралась к маме с папой в постель, целовала их по очереди и кричала: «Здесь мама! А здесь папа!» Это была наша последняя встреча с отцом.

После отпуска получили последнее письмо от папы, которым он как будто прощался, давал нам свои наказы. В этом письме он написал, что едет на фронт. Письмо было отправлено со станции г. Пензы.

И еще помню, как мама возвращалась из военкомата после получения повестки об отце. Мы жили на улице Набережная Казанки, дом 12, кв. 2. Я с друзьями ждала маму у окна, ждала очень долго. Наконец, она появилась. Соседки держали ее с двух сторон, а она сама не могла идти, у нее отнялись ноги.

Во время войны в нашу большую квартиру заселили две семьи фронтовиков. Мамы работали, а мы, ребятишки (пять человек), варили что-то в печке-буржуйке, ходили кататься на коньках и санках с большой горы и на Черном озере. Во время воздушной тревоги прятались под стол и под кровать.

Жили мы с соседями очень дружно. Лучшими лакомствами были обжаренные в печке картофельные очистки. А как ве-

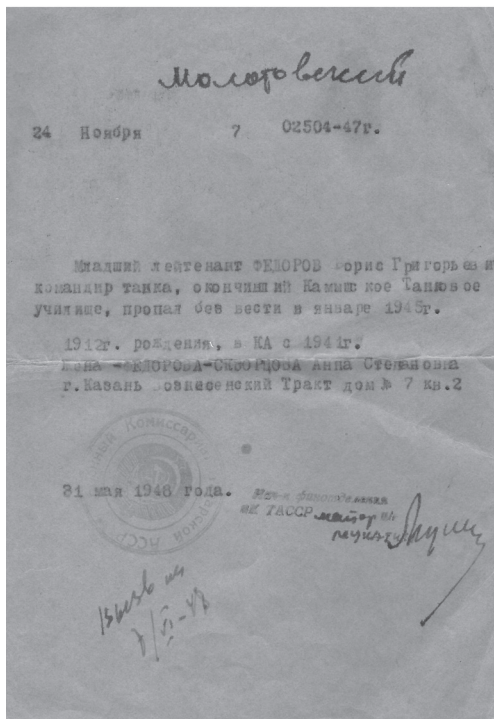

село мы встречали Новый год! Мама всегда была дедом Морозом. И подарки были! Игрушки делали сами. Куклы шили сами. У меня была такая смешная кукла Райка.

Мама на санках возили нас на Главную елку на площадь Свободы. Помню, ходила на городскую елку в клуб Менжинского и в кинотеатр «Пионер» в Пассаже. Нам давали шикарные подарки с мандаринами, пряниками и большой конфетой - сосучкой.

И вот пришел долгожданный день. Победа! Помню, как плакала мама, как мы бежали к площади Свободы. Все бежали туда. Плакали от радости и от горя! Люди стали как будто родными, незнакомые люди обнимались и плакали. Победа!

Вечная память нашим отцам, дедам и всем погибшим за нашу жизнь, за наших детей и внуков!

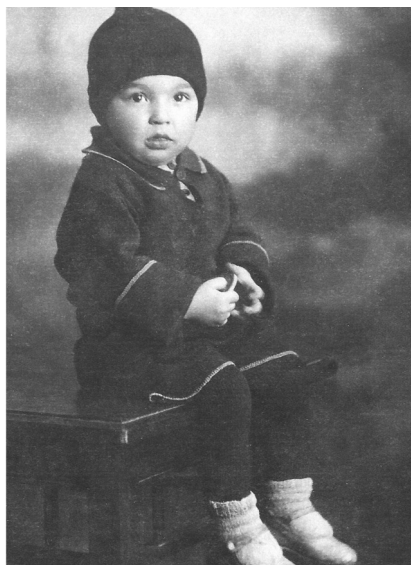
Фетистова Эльза Таминовна

*Родилась 17 сентября 1935 года в г.Казани.
Окончила КАИ. На заводе ЭВМ с 1959 по 1991гг.
Награждена орденом «Знак Почета».
Ветеран труда.*

Нас любили и родные, и просто знакомые люди

Годы войны из-за малых лет плохо помню. Однако что-то о первых военных годах в памяти сохранилось. Например, очень хорошо помню, как наша воспитательница детского сада Маргарита Владимировна рассказала нам о партизанке Зое Космодемьянской, как немцы пытали ее, а потом повесили.

Мы все вместе с ней плакали. Хотя до этого мы уже спускались в убежище, где стояли кровати, до нас не доходил смысл всей трагедии, связанной с войной. Помню одну воздушную тревогу. Жители нашего дома собрались в коридоре первого этажа. Я выскочила на улицу. Меня тут же поймали и предупредили, что выходить на улицу нельзя. Один раз видела, как длинной шеренгой проходили по нашей

Эльза, 1937 г.

С родителями в 1940 г.

улице Пионерской (теперь Чернышевского) пленные. Взрослые стояли молча, дети прятались за них. Еще в детском саду мы несколько раз посещали раненых в госпитале, который находился в здании, где потом расположилась мужская железнодорожная школа №1. Выступали перед ранеными, а они нас угощали конфетами.

В нашем доме жили в основном семьи железнодорожников. В доме было центральное отопление со своей котельной, которая работала на каменном угле. В квартире всегда было тепло. Окна были заклеены лентами бумаги на случай бомбардировки. Вечером окна занавешивали. Фонари вечером и ночью на улице не горели. Помню, как отец возил меня однажды вечером в темноте по улице на санках.

Отец мой с февраля 1939 года по май 1944 года работал заместителем начальника станции Юдино по грузовой работе. Станция Юдино во время войны была важнейшим железнодорожным узлом Поволжья. Затем он был переведен на должность дорожного инспектора по маршрутизации Казанской железной дороги. Дома появлялся редко, я его в этот период почти не видела. Мама во время войны и после работала диспетчером в

С любимой подругой

управлении Казанской железной дороги. Работа была сменной: сутки на работе, двое дома. Кроме меня был брат 1941 года рождения. С нами жила папина мама. В начале 1942 года после смерти брата отца Абдрахмана к нам из деревни привезли его детей, двух девочек и мальчика. В деревне они голодали. Младшая от голода даже впала в кому. Думали, умерла, но в последний момент она очнулась. Живет до сегодняшнего дня. Девочки остались у нас, а мальчика мама устроила в ремесленное железнодорожное училище в поселке Юдино. Конечно, при таком количестве людей в семье, жить было трудно. Мама выворачивалась, как могла. Когда отдыхала — ездила в деревни, чтобы привезти продукты в обмен на вещи, дрова для плиты на кухне.

Во время войны желающим давали земельные участки под картошку. Мы тоже сажали картошку. Бабушка со стороны мамы жила со старшей дочерью. Так она вместе с картошкой сажала на участке капусту, фасоль. Этой капустой снабжала нашу семью и семью третьей дочери. В подвале у бабушки была большая бочка с соленой капустой. Перед окнами их дома был небольшой участок, где они выращивали помидоры, огурцы, даже ягоды. Мы, дети, часто у них гостили. Только став взрослыми, мы поняли, чего стоило тете и бабушке нас прокормить в то вре-

мя, так как у тети было двое своих детей.

Дом, в котором мы жили, состоял из двух частей. Одна часть двухэтажная, другая — трех. На каждом этаже была общая кухня с плитой. Дрова для плиты заготавливали с осени. В коридорах были чуланы, где хранили дрова, картошку. Дрова я научилась пилить в восемь лет. Люди тогда жили дружно, помогали друг другу. Вечерами наш первый этаж собирался на кухне. Плита была большая, кастрюль стояло много. Мы, дети, умудрялись между ними печь картошку. Мыли ее, резали на кусочки и пекли на плите, кожуру не снимали. Картошка была очень вкусная, как чипсы для сегодняшних детей. Пока готовилась еда, взрослые обсуждали события дня, дети находились тут же. Во время войны около двух лет сюда приходила вечерами пожилая женщина, которую все называли «тетя Катя — красно солнышко». Днем она кому-то стирала белье, мыла полы в коридорах, а вечером приходила к нам. Ее сообща кормили. Она была деревенская и очень интересно рассказывала о мертвецах, привидениях, оборотнях. После ее рассказов не только дети, взрослые по квартирам расходиться не хотели. Было страшно, особенно, если выключался свет.

В 1943 году я пошла в школу. Занятия шли в две смены. Первая смена начиналась в половине восьмого утра. Детей в школу не провожали, даже в темное время года. После второго урока классная руководительница выдавала нам кусок хлеба — 50 граммов — и чайную ложку сахарного песка. Шефами школы были железнодорожники. Помню, как одной девочке из нашего класса шефы подарили зимнее пальто, которого у нее не было. Летом многие из нас отдыхали в пионерском лагере на берегу озера Яльчик.

День Победы помню очень хорошо. Нас разбудили громкие, радостные крики и музыка с улицы. Мы всей семьей тоже выскочили из дома. Улица, которая всегда была пустынной, сразу откуда-то наполнилась людьми. Они обнимались, плакали. Незнакомые люди вели себя как родные.

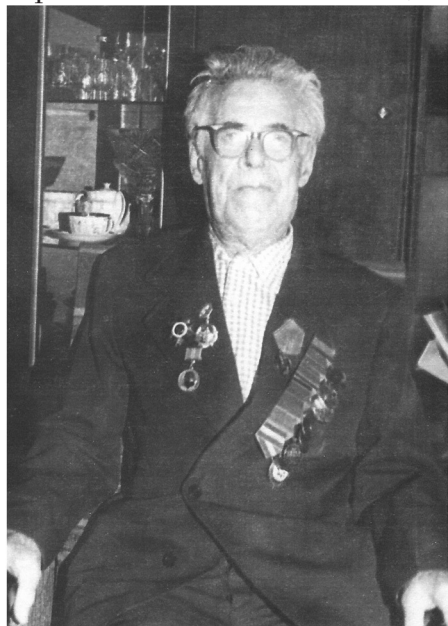
Несмотря на войну и послевоенные тяжелые годы, у нас было счастливое детство. Нас любили, о нас заботились, нам давали лучшее, что было. Конечно, мы были воспитаны коллективистами. На первом месте была работа. Работали с энтузиазмом, не считались со временем, неудобствами и даже со здоровьем. Сейчас думаю, когда же детей воспитывали? Вспоминаю слова

Макаренко: «Хотите иметь хороших детей — будьте счастливы». Вот так. И мы действительно прожили счастливую жизнь. Два сына и внучка выросли достойными людьми. Сейчас мы с мужем воспитываем младшего внука и ждем правнуков.

Родственники со стороны отца принимали активное участие в гражданской, Финской и Великой Отечественной войнах. У отца было пять братьев.

Старший Ибрагим погиб в гражданскую войну. Он был комиссаром батальона в дивизии Азина.

Абдурахман в финской войне обморозил ноги, ему ампутировали несколько пальцев на ногах, поэтому в Отечественной войне не участвовал.

Дядя Ахмед

Ахмед во время гражданской войны штурмовал Сиваш, был тяжело ранен, думали погиб. Посмертно был награжден орденом Боевого Красного Знамени, который в 1964 году был вручен ему лично С.М. Буденным. В мирное время окончил Казанский ветеринарный институт. В Отечественной войне в конных частях участвовал в сражениях за Правобережную Украину, был ранен, после демобилизован в 1943 году и был направлен в Вахшскую долину Таджикистана для сохранения поголовья скота.

Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Салим был снайпером, ранен в правую руку, из-за этого демобилизован.

Хасан участвовал в Финской войне, в Отечественной, дошел до Кенигсберга, где был ранен. Награжден медалью «За взятие Кенигсберга». После выздоровления участвовал и в войне с Японией.

Тамин, мой отец, как железнодорожник, имел бронь. Награжден медалью - «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Я считаю, что мои дяди были настоящими героями своего времени.

Теперь думаю, что военные годы повлияли на наше воспитание, становление членами общества. В детские годы — в шесть лет сама ходила в детский садик, хотя он был только за углом, но рядом с этим углом находилась трамвайная линия.

Тетя Галя, мамина старшая сестра, всегда ужасалась от грохота трамвая за окном. Начиная с 10 лет моей обязанностью было — уборка квартиры с обязательным ежедневным мытьем в нашей комнате — 28 м и общего коридора — 14 метров. Водопроводный кран был, но слива не было. Я выносила ведра на помойку во дворе. Когда мама была на работе, ходила на базар за мясом, луком, овощами.

Ежедневное посещение магазинов — покупка хлеба, круп, масла и т.д. Так как у меня был младший брат Виль, приходилось отводить и приводить его из детского садика, дома развлекать его, защищать во дворе от мальчишек. Виль обладал абсолютным музыкальным слухом и часто воровал мою тетрадь с песнями. Из-за этого были у нас стычки, за что, в основном, попадало мне. Он был любимчиком мамы. Когда мне было 11 лет, появился еще один братик. Вот уж кого я очень любила, постоянно таскала его, маленького, с собой. А когда во время войны и послевоенные годы стояли в очередях за продуктами, а он пошел в школу, я вместо мамы ходила на родительские собрания. Виль стал музыкантом, его уже нет. Аскар стал врачом, до сих пор мы с ним рядом.

В детстве я, другие дети мамы и ее средней сестры часто

С братом Вилем

находились у старшей сестры тети Гали. Там тоже больно-то бездельничать не полагалось. Летом все дети ухаживали за огородами, также стояли в очередях за продуктами. Так как родители были заняты на работе, нас приучали к самостоятельности, требовали хорошей учебы, приличного поведения, уважения к взрослым. У меня двоюродных братьев и сестер с обеих сторон 21 человек. Среди них — Минуллин Р.Г. — профессор, доктор технических наук, работал в КГУ, Шешукова Ф.И. — доцент, кандидат технических наук, преподавала высшую математику в КФЭИ, энергоинституте, Леонтьева Ф.Д. — дослужилась до должности заместителя генерального директора Гипропроекта, Шафигуллин А.Т. — врач-отоларинголог и т.д.

Окончив школу с серебряной медалью, я поступила на 5-й факультет Казанского авиационного института. После окончания института по назначению поступила на работу на Казанский завод математических машин. Работала технологом, начальником БТЗ сборочного цеха, инженером - наладчиком ЭВМ, секретарем партийной организации завода по идеологии, начальником цеха, ведущим инженером патентного отдела СКБ (НИИ ВС).

После выхода на пенсию в 1991 году продолжила работать на общественных началах в территориальной избирательной комиссии Советского района. Принимала участие в проведении выборов депутатов в Местные Советы народных депутатов, в Госсовет РТ, в Государственную Думу РТ. В качестве заместителя председателя районной комиссии принимала участие в организации и проведении переписи населения Советского района в 2002 году. С декабря 2002 года, наконец, стала домохозяйкой

Эйсман Инна Ивановна

*Родилась 2 октября 1936г. в г. Ленинграде.
На заводе ЭВМ трудилась с 1959 по 1995гг.
Почетный ветеран завода.*

«Дорога жизни»

Я, Эйсман Инна Ивановна, родилась 2 октября 1936 года в г. Ленинграде.

До марта 1942 года наша семья проживала в г. Ленинграде по адресу: Васильевский остров, 18-я линия, д. 15, кв. 21.

В день, когда началась война, мне еще не было полных шести лет. Но все ужасы того времени запомнились на всю жизнь.

Холод, голод, смерти. В феврале 1942 года умирает моя младшая сестра из-за воспаления легких. Папа, имея очень плохое зрение, был оставлен на заводе № 4 имени М.И. Калинина. Он доставлял спецгрузы на полигоны. Поезда меняли маршруты, их часто бомбили, а мы подолгу ждали возвращения папы из командировок и очень переживали.

Петергоф, 1940 г.

1940 г.

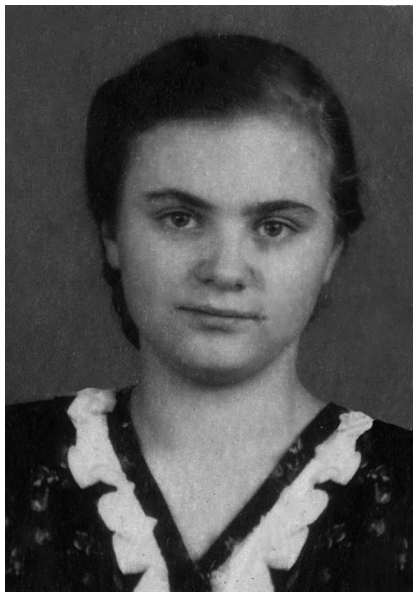
Вскоре из-за голода он стал отекать, распухли ноги, и он слег. Город так часто бомбили, что мы не успевали дойти до квартиры и открывать ее, как снова объявлялась воздушная тревога. Нужно было снова спуститься в бомбоубежище, где все уже сидели на полу, и само бомбоубежище трясло при каждом ударе с воздуха. Дети плакали, многие не выдерживали, и их уносили на носилках. Особенно было страшно и запомнилось навсегда, когда разбомбили сахарные склады — зарево было на все небо над городом. Даже в окно смотреть было страшно. Потом те, кто был еще в силе, ходили на то место, где был пожар

и сгребали сгоревший сахар. Моей маме приходилось с вечера занимать очередь за хлебом. Хлеба привозили мало, и поэтому хватало не всем. Люди из очереди прятались в подворотнях, так как бомбежки были очень часты. Где мама брала силы все это переносить с отеками на ногах, до сих пор не пойму.

Были и диверсии. Так, в макароны, которые в первое время выдавали по карточкам, какие-то вредители набивали очень мелкие стекла. Я успела их почувствовать уже во рту, и тем самым спасла всю семью от смерти.

В квартире все перебрались в одну комнату, где стояла маленькая железная печка, которую топили всем тем, что горело. Электричества не было, ходили с лучинками и, видимо, от них однажды загорелось одеяло, которым была занавешена дверь в другую комнату, чтобы было теплее. Так вот, я ночью стала кашлять от дыма и тем самым разбудила всех своих. А жила я с мамой, папой, бабушкой и старшим братом Виктором. Нас, детей, хотели эвакуировать еще раньше — в 1942 году. Но мама, как чувствовала, и не отпустила нас, хотя и готовила сначала — метила белье и т.д. Потом стало известно, что эшелон, в котором уехали дети, разбомбили, и все дети погибли. Мы же уехали все вместе (правда, папу везли уже на санях) в марте 1942 года по

замерзшей Ладого. Это наша «Дорога жизни». Машина — грузовик ехала через Ладогу под бомбами, буксуя в растаявшем местами снегу. Было очень холодно, дул сильный ветер. Меня, как самую маленькую, водитель грузовика пожалел и взял к себе в кабину. Так мы добрались до пункта, где собрали всех, кто эвакуировался, и выдали пайки. Затем нас погрузили в товарные вагоны, где были полки, и посередине вагона стояла железная печка. Вагон был полон людьми, которые лежали и сидели прямо на полу. Люди настолько хотели есть, что стали из муки и воды (нам выдали муку в пайках) печь лепешки — клали их по краям этой железной печурки. А наутро я видела, как на носилках из вагона выносили мертвых людей, которые наелись этого сырого теста и получили заворот кишок.

Комсомолка

По дороге в Казань, а мы ехали очень долго из-за частой бомбежки, приходилось прятаться по вагонами, а ноги были опухшие, плохо слушались. По дороге у нас умерла бабушка, и ее тоже сняли с вагона какие-то санитары.

После всех этих мытарств мы, наконец, приехали в Казань. Все мы были грязные, появились вши. Меня остригли наголо, хотя у парикмахера не поднималась рука убрать мои роскошные волосы.

Сначала нас разместили в общежитии завода, с которым мы приехали, и который уже частично работал в Казани — это п/я 144. Тут тоже не обошлось без больших мытарств, так как у нас ничего с собой не было из вещей. Был один небольшой чемодан, все остальное осталось в Ленинграде, да и сил тоже уже не было.

Так с конца марта 1942 года Казань стала вторым нашим родным городом, моей судьбой. В Казани я училась в школе № 86 (семилетка), затем в 1954 году - в школе № 20 - она находилась в «Школьном переулке». Закончила успешно, хотя жили мы в ужасных условиях — в комнате, которая раньше была конюшней, без

Зам. главного бухгалтера завода

удобств, где в дождливую погоду протекал потолок, и мы выносили по 12 ведер воды вместе с землей и крысами. В этом же 1954 году я поступила в Казанский финансово-экономический институт, который так же успешно закончила в 1958 году, а со 2 ноября 1959 года стала работать на заводе Матмаш, ставшем затем заводом ЭВМ. Здесь я проработала 40 лет.

Начинала я с должности старшего бухгалтера ОКСа (отдел капитального строительства). Завод строился, разрастался, все корпуса были построены при мне. Руководил тогда нашим отделом замечательный человек — Кулинченко — зам. директора по капитальному строительству. Ведущим инженером ОКСа была Саттарова Р. Я. Работали мы очень дружно. Основным подрядчиком был тогда СМУ-10. А через несколько лет меня пригласили работать в главную бухгалтерию завода, где главным бухгалтером был Абдуллин А. Г. Я стала работать в производственной группе бухгалтерии, а через некоторое время стала руководителем этой группы, в состав которой входило 12 человек. Коллектив наш работал очень дружно и слаженно. Мы занимались определением выпуска и себестоимости основной продукции и ее реализации. От нас зависела и прибыль завода. Нам помогало в этом и тесное сотрудничество с планово-экономическим отделом.

За хорошую работу нашей группе часто присуждались первые места. Сейчас уже все сотрудники вышли на пенсию, но мы и сейчас не теряем связи друг с другом, делимся своими радостями и бедами. Когда мне приходилось довольно часто замещать зам. главного бухгалтера, я своим сотрудникам часто рассказывала о своем городе Ленинграде, как я оказалась в Казани, что при этом пришлось пережить, и как я встретила День Победы.

А встретила я его, живя на улице Ново-Песочной. Ликовали всем двором, а двор у нас был большой и в основном там

жили очень добрые и простые люди из деревень.

В 1962 году 2 июня судьба подарила мне хорошего и внимательного мужа – Эйсмана Владимира Александровича. Он работал начальником цеха на Казанском компрессорном заводе.

Мы с ним прожили 44 года. В 2006 году он умер от тяжелой болезни (рак). Я до сих пор не могу его забыть. У нас с ним есть сын, которому сейчас уже 50 лет. Сын наш – умница, закончил физико-математическую школу № 131 с золотой медалью, а потом и Казанский госуниверситет с отличием, факультет экономической кибернетики. Сейчас мы с сыном и его семьей живем близко друг от друга – на одной улице Волкова. У меня растут два замечательных внука – Петр, ему 21 год, и Владимир – 10 лет. Очень хорошие мальчики. Один очень похож на деда (моего мужа), а второй – копия я.

За свой труд на заводе я имею награды: «Ветеран труда», «Почетный ветеран завода», знаки «Жителя блокадного Ленинграда» и «Ветерана Великой Отечественной войны», медали – «55 лет Победы», «60 лет Победы», «300 лет Санкт-Петербургу», «1000 лет Казани», «60 лет снятия блокады», бронзовую медаль ВДНХ.

За хорошую работу мне объявляли благодарности и вручали грамоты, премии, подарки.

Юдин Владимир Михайлович

Родился 25.09.1934г. г. Чебоксары Чувашской АССР.

Ветеран труда.

На заводе ЭВМ трудился с 1959 по 1971гг.

Прошел путь от инженера до зам. директора по экономическим вопросам.

1971-1974гг. – директор и основатель КНИТИ-ВТ; 1974-1983гг. – гл. инженер 8-го и 11-го ГУМРП СССР; 1983-1992гг. – зам. начальника отдела в Госплане СССР; 1993-2000гг. – ген. директор межотраслевого АО «Компьютер», г. Москва.

Почетный радист СССР.

Кавалер орденов «Знак Почета»

и «Трудового Красного Знамени».

Мы — дети войны — навсегда остались патриотами Родины

Наша семья вместе с ближайшими родственниками оказалась в Чувашии в 1932 году в период принудительной коллективизации и раскулачивания. Погрузив на две телеги самые необходимые вещи, привязав на поводки двух коров, со слезами на глазах покинули родовое село Лебедино Алексеевского района Татарской АССР в поисках лучшей жизни в Поволжье.

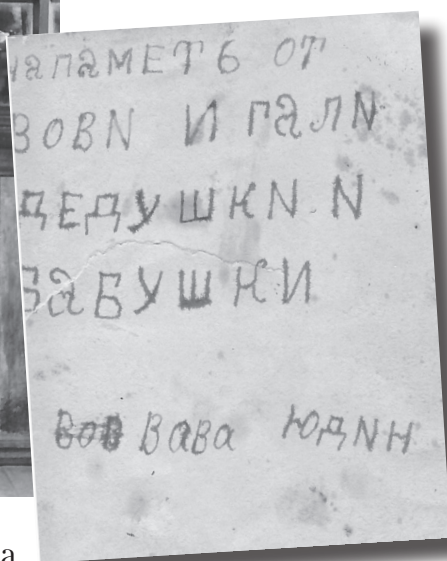
По рассказам моей матери Юдиной (Майоровой) Александры Максимовны поселились в поселке Соколиная гора в 20 километрах от Чебоксар. Устроились работать в пригородном кооперативном хозяйстве, где выращивали овощи, были коровники и свиноводче-

С мамой

Галя и Володя, 1939 г.

ская ферма. Поселок расположен на берегу Волги, окружен заливными лугами, дубовыми и липовыми лесами, в которых было много грибов, ягод и лесных орехов. Незадолго до моего рождения отца призвали в армию. Все заботы о воспитании легли на плечи матери и бабушки Юдиной Евдокии Осиповны. У отца с матерью было трое детей: я — 1934 года рождения, сестра Галя — 1936 года и младшая сестренка 1937 года, но она умерла еще до войны. Жили мы в доме барачного типа без всяких удобств и электричества. Когда наш отец, Юдин Михаил Арсентьевич, вернулся из армии, ему была предложена работа в системе снабжения в соседней республике (Марийская АССР). В

Отец Михаил Арсентьевич

Вова с Галей 1944 г.

эти годы существовала структура территориальных ОРСов (отделов рабочего снабжения), которые создавались на крупных стройках и других объектах с привлечением большого количества работающих.

В Марийской республике активно создавались лесозаготовительные и лесоперерабатывающие предприятия, поэтому отца часто переводили на новый объект в приказном порядке.

Начались «путешествия» нашей семьи по Марийской республике: Яльчик, Илеть, Кожла-Сола, пос. Красногорский. У отца было две старших сестры и младший брат, и после каждого очередного его нового назначения и переезда, вслед за нашей семьей переезжала вся цепочка ближайших родственников со своими семьями.

Так мы всей «колонией» Юдиных, Кирилловых, Гайсиных в канун начала Великой Отечественной войны в 1941 году оказались в самой глухой глубинке Марийской республики в Звениговском районе в поселке Долгая Старица. Там был создан леспромхоз и в радиусе 5-15 километров еще пять лесозаготовительных участков, соединенных автомобильными дорогами и магистральной узкоколейной железной дорогой для вывоза древесины.

Заготовленная древесина вывозилась на берег реки Большая Кокшага, где собиралась в плоты (пучки) и сплавлялась в период весеннего половодья на Волгу в районе деревни Кокшамары Марийской республики. Такая масштабная акция была организована в связи с тем, что в 30-х годах большие массивы строевого леса были уничтожены ураганом, прошедшим в этой зоне. Для того чтобы спасти деловую древесину, нужно было в короткие сроки вырубить поваленные деревья и расчистить территорию для новых посадок сосны.

Фото с фронта, папа слева

Два года тому назад мне удалось побывать в этих местах, где прошло мое детство — печальная картина!

Остались единичные дома с доживающими жизнь пенсионерами, в лесу хозяйничают черные лесорубы, а жадные сборщики клюквы начисто вытаптывают болота с недозревшими ягодами.

Сейчас, когда я пишу эти строки, в моей памяти всплывают фрагменты впечатлений, как мы с сестрой ехали в санях в Долгую Старицу с бойко бегущей лошадейю (это был январь-февраль 1940 года) и, кутаясь в теплые тулупы, любовались белыми шапками причудливых форм на пеньках деревьев, лучами солнца, пронизывающими ветви, а иногда засыпали под скрип саней на раскатах кривой дороги.

Никто из нашей большой семьи и предположить тогда не мог, что очередной переезд на новое местожительство обернется для нас долгими годами тревожных переживаний.

Весть о начале войны жителям поселка Долгая Старица передали из районного центра Звенигово по телефону. Через несколько часов приехал представитель администрации района и с импровизированной трибуны в центре поселка зачитал сообщение (в поселке жило не более 300 человек). Во время чте-

Дед и бабушка с детьми, 1943 г.

пришла большая беда. Отец очень любил меня и, несмотря на большую занятость, не упускал возможности быть со мной и в будни, и в праздники. А один раз, узнав, что меня видели среди ребят старшего возраста с папиросой во рту, так меня воспитал, что мне этого хватило на всю жизнь. Я никогда больше не курил.

Через пару недель после начала войны поселок остался без мужчин призывного возраста, забрали все исправные автомобили и лошадей. В поселке остались старики, инвалиды и дети.

Из молодых женщин стали формировать бригады лесорубов, учить на шоферов. Планы на лесозаготовки никто не отменял. Стали направлять из колхозов сезонных рабочих с лошадьми.

Нашу маму тоже отправляли на лесозаготовку. В доме за мужиков оставались дед и я. Пилка и колка дров, плетение лаптей, ловля рыбы — это наша с дедом обязанность. А бабушка с Галей занимались работой на кухне, пряли шерсть, вязали носки, в том числе и для фронтовиков. Галя еще до школы научи-

ния была мертвая тишина. Когда сообщение было зачитано, раздался многоголосный рев, причитания и слезы. Никто не понимал, что в этой ситуации нужно делать.

Мне шел 7-й год. Я, прекрасно видя всю картину происходящего, конечно, не мог оценить степень беды и как это известие затронет нас, живущих в глухом лесу. И только через несколько дней, когда провожали отца, и я увидел слезы матери, бабушки и дедушки (не помню, плакал ли я), понял — к нам

лась шить на швейной машине. В дальнейшем у нее появилась обязанность — обшивать всех домашних.

В свободное время мы с ней пропадали в лесу, собирали ягоды и грибы. (Впоследствии, после окончания школы, Галина училась на геофаке Казанского государственного университета, окончила его в 1958 году и 37 лет проработала в нефтяной отрасли объединения «Татнефть».)

Когда начали приходиться первые весточки с фронта, их читали и перечитывали всем поселком. Приходили и печальные вести — похоронок или извещения о без вести пропавших. Тогда плакал весь поселок. Поселок жил одной семьей. Делились всем, чем могли: одеждой, едой, лекарствами, деньгами.

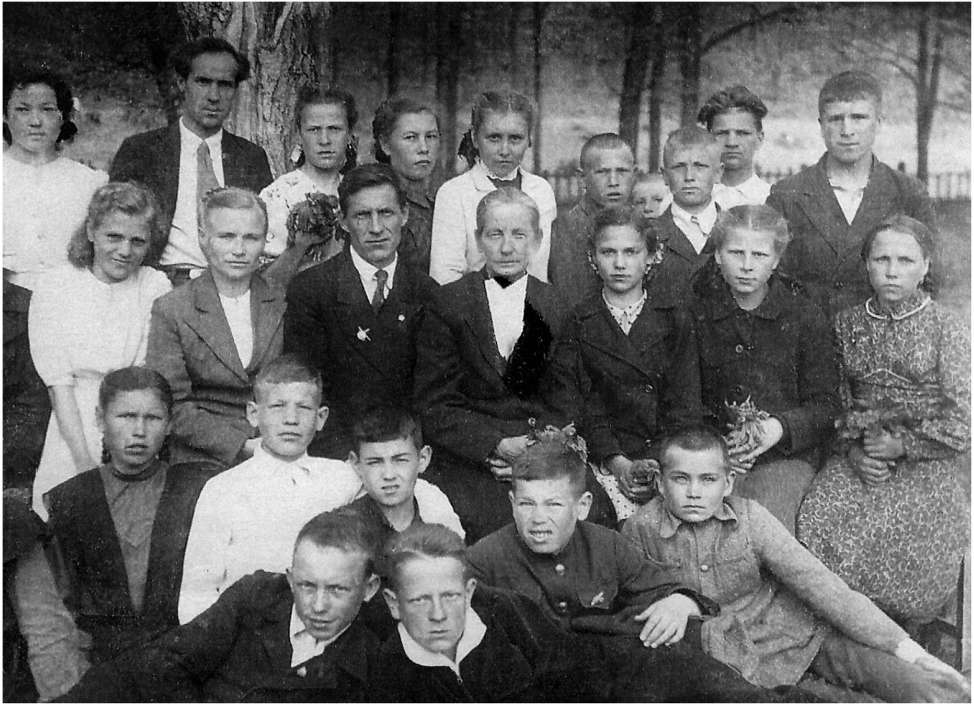
Вспоминается такой эпизод — как-то Галя нашла хлебные карточки и с радостью сообщила маме, что у нас теперь много хлеба. Мама поставила ее перед собой и объяснила, что карточки необходимо вернуть тем, кто потерял их, так как иначе они будут голодать. Мама нашла в поселке эту семью и передала к их великой радости утерянные карточки.

Последствия войны для маленького поселка, затерянного в лесной глуши, оказались страшно печальными — живым вернулся только каждый десятый. В нашей семье из трех ушедших на войну не вернулся никто. В ближайшие годы уходит из жизни последнее поколение советских людей, воспитанных в условиях, когда в почете была честность, трудолюбие, товарищество, коллективизм, взаимовыручка, когда высоко ставились правильные семейные отношения, чистая любовь.

Я горжусь тем, что отношу себя к этому поколению советских людей. Нам были созданы все условия для самоопределения, получения бесплатного образования, выбора профессии и гарантированного трудоустройства.

Понимая, что образование детям в марийской глуши дать невозможно, мама приняла решение в 1948 году переехать в Казань, хотя бытовые условия были очень плохими.

После окончания семи классов я пытался поступить в летное училище, но не прошел по зрению и поступил в авиационный техникум на отделение «сварочное производство в самолетостроении». Окончил его в 1953 году с отличием (красный диплом) и без приемных экзаменов был зачислен в Казанский авиационный институт на 5-й факультет — радиолокация. На 4 курсе на

Володя в школе (в первом ряду слева),
будущая жена Зина (во втором ряду третья слева)

факультете было принято решение о формировании отдельной группы с целевым назначением для строящегося в Казани завода математических машин.

Я был включен в состав этой группы, и с этого момента моя судьба и вся трудовая деятельность вплоть до ухода на пенсию была связана с развитием отечественной вычислительной техники.

Но главную роль в моей судьбе сыграл Казанский завод ЭВМ, его замечательный трудовой коллектив, частицей которого я был с 1959 по 1974 годы. На завод я пришел в апреле 1959 года после полугодовой практики и защиты дипломного проекта на Московском заводе САМ на тему: «Стендовая аппаратура для настройки электронных ячеек ЭВМ М-20». В этот момент наш завод получал с завода САМ техническую документацию на производство ЭВМ М-20 и уже начал изготовление электронных ячеек для завода САМ.

Мне была предложена должность конструктора в СКО, я просидел до конца рабочего дня в приемной главного инженера Барышникова Евгения Викторовича. Я просил его направить меня во вновь организуемый отдел наладки. Он такое решение принял и первым моим замечательным начальником стал Лосев Виктор

Павлович. Он был на 3-4 года старше нас, пришедших на завод целой группой. С ним нам было очень легко и приятно работать. У него было замечательное качество — он внимательно следил за нашим профессиональным ростом и своевременно продвигал нас по «карьерной лестнице» по мере роста отдела наладки и завода в целом. Мне везло больше других, потому что я прошел полугодовую практику на Московском заводе САМ по наладке ЭВМ М-20 и проверке электронных ячеек на стендовой аппаратуре. Мы работали увлеченно, с огоньком, часто по 12 часов.

Второй шаг в сторону управленческой деятельности пришлось сделать после прихода на завод нового директора — Иванова Виктора Николаевича.

С приходом Иванова В.Н. на заводе началась научно-техническая революция. Гусев Валерий Федорович возглавил коллектив в СКБ по разработке ЕС-1033, в механических цехах внедрялась стапельная сборка и изготовление деталей по шаблонам. Это обеспечивало взаимозаменяемость узлов и деталей. В сборочных цехах исчезла необходимость доработок и образование металлической стружки. Эти новшества резко повлияли на улучшение качества и снижения трудоемкости продукции завода. Я, как главный экономист, ежедневно клал на стол оперативную сводку по итогам работы завода за прошедшие сутки, в том числе — цифры о финансовом положении по статьям расходов, установленных строгой отчетностью.

Главный бухгалтер, Новосельский Алексей Сергеевич, пришел ко мне с претензией. Он сказал, что не сможет при составлении балансовой отчетности принять первичные финансовые документы по затратам, они не ложатся в установленные статьи расходов по балансу. Что делать? Я доложил подробности разговора с главным бухгалтером Виктору Николаевичу. Он принял мою информацию к сведению, но останавливать себя от такого поведения не стал. Я хорошо понимал, что добром это не кончится, подал документы на замещение должности доцента на кафедру экономики и организации производства КАИ профессору Афанасьеву и получил приглашение на работу.

Будучи в очередной служебной командировке вместе с Виктором Николаевичем в Москве, находясь в гостинице «Россия» вечером за рюмкой чая, сказал: «Иванов, я от тебя ухожу», - и показал приглашение в КАИ. «Ну, раз ты так решил, даю тебе

контрпредложение», - и вынул из своей папки приказ министра Радиопромышленности СССР о создании на базе Казанского завода ЭВМ филиала института - НИТИ.

Осталось дело за малым - согласовать мою кандидатуру на должность директора филиала с Москвой и Татарским обкомом КПСС, где уже была другая кандидатура коренной национальности. С кем и как Виктору Николаевичу удалось согласовать и протолкнуть меня, он не говорил, но это был еще один важный поворот в моей судьбе.

Филиал я начал создавать в 1971 году, а в 1973 постановлением правительства удалось преобразовать его в КНИТИ ВТ (Казанский научно-исследовательский технологический институт вычислительной техники). К этому времени создан рабочий коллектив численностью около 400 человек, и была разработана проектно-сметная документация на строительство комплекса зданий общей площадью 36 тысяч квадратных метров, отведена площадка под строительство на пересечении улиц Короленко и Ямашева и начаты подготовительные работы.

К великому сожалению, мне не удалось реализовать этот замечательный проект, так как в декабре 1974 года я был переведен на должность главного инженера 8-го Главного управления МРП СССР. Мне не хочется писать о том, что происходило с институтом после моего ухода, могу только сказать, что нашлись люди, расколовшие его на две половины. Я слишком поздно узнал о том, что происходит в коллективе, и, находясь в Москве, не смог остановить этот процесс. У института была прекрасная перспектива, а не печальная судьба!

Переезд в Москву был для меня большой неожиданностью. Казань и сегодня для меня и всей моей семьи - любимый и родной город, с которым связан лучший период жизни с 1946 по 1974 годы. Учеником 7 класса я подружился с одноклассницей Орловой Зинаидой Дмитриевной, будущей любимой женой и матерью троих детей: две дочки (Лена, Наташа) и сын (Миша), прожили мы с ней долгих 54 года. Ее многие знали на заводе ЭВМ, она была ведущим технологом по производству печатных плат. Вся семья, особенно моя мать, были против переезда в Москву. Мне было 40 лет, меня не интересовала перспектива карьерного роста, но была надежда дать детям лучшее образование и максимально оказать отцовскую помощь в становлении самостоятельной жизни.

Именно в этом огромную поддержку оказала наша мама. В декабре 1959г. у меня родилась дочь Лена (вторая внучка у мамы). Так мама в 45-летнем возрасте оставила работу и полностью посвятила себя моей семье, так как мы с женой Зиной оба уже работали. Мама, живя в моей семье, помогла в воспитании всех моих троих детей. А до нашего переезда в Москву помогала в воспитании еще двух внуков – детей Гали.

Итак, я не ошибся в правильности решения. Не хочу утомлять читателя этих строк подробностями. Чего достигли мои дети, а теперь еще два внука и один правнук от дочерей и две девочки от сына, они все без исключения меня радуют своими успехами.

Кратко о работе в Москве.

В наше время работников министерств и ведомств называли государственными служащими. Теперь называют чиновниками—взяточниками, чиновниками—коррупционерами. В советское время деятельность предприятия утверждалась государственными политиками с годовыми планами и была строгая отчетность по статьям расходов. Может быть, кому-то и удавалось украсть сколько-то по мелочи, но это далеко не миллионы и миллиарды, как сегодня. Приходилось ежедневно трудиться по 10-12 часов, принимать важные и ответственные решения, участвовать на совещаниях в Госплане СССР и Совмине СССР. В 8 ГУ МРП было 26 предприятий, численность от 5 до 20 тысяч человек и 14 институтов. 8-й главк по объему производства составлял почти 30% от всего министерства.

Приходилось часто ездить в служебные командировки, в том числе – зарубежные. Мне трудно было работать в силу своего характера, я не пристраивался к мнению вышестоящего начальника и всегда высказывал и отстаивал свою точку зрения, исходя из государственных интересов. А такое не любят большие начальники!

Молодой специалист В. Юдин,
1959 г.

Учитывая масштаб 8-го Главка, по инициативе заместителя министра Горшкова Николая Васильевича, было принято решение создать 11-ое Главное управление, сосредоточив в нем заводы и институты, производившие периферийное оборудование ЭВМ. Начальником нового Главка был назначен Иванов Виктор Николаевич, директор Казанского завода ЭВМ. Так судьба свела нас опять вместе. Я стал главным инженером этого Главка. Я имел уже 6-летний опыт работы в министерстве, советовал Иванову не делать этот рискованный шаг, говорил ему: «В Казани ты - хозяин громадного завода, «татарский хан», а в Москве ты будешь чиновником, каких в Москве пруд пруди. Приглашают с периферии хороших специалистов и руководителей чтобы «пахать» за коренных москвичей, а сами торопятся быстрее уехать на загородные дачи. Когда он понял, что совершил ошибку, как-то сказал в откровенном разговоре: «Я бы ушел в Казань пешком в одних носках», но было уже поздно.

Я просил его предложить мою кандидатуру на пост директора завода ЭВМ, но он сделал другой выбор. Так я потерял надежду вернуться в родную Казань на родной завод.

После трех лет работы с Ивановым в 11-ом Главке я был как-то на очередном совещании в Госплане СССР у начальника отдела по вычислительной технике Ашастина Рудольфа Леонидовича. Он попросил меня задержаться. Когда я подошел к нему, он без всякого предисловия сказал: «Я убедился в том, что после многократного участия в моих совещаниях Вы за девять лет работы в Минрадиопроме хорошо освоили и знаете свою отрасль, я приглашаю ко мне в отдел заместителем». Я попросил время подумать. Подобное предложение на должность главного специалиста мне бы на пять лет раньше, я даже заполнил анкету, но счел этот шаг непорядочным.

Меня вытаскили из Казани на повышение, дали квартиру без малого 100 кв.м в прекрасном месте в «сталинском доме нефтяников» на набережной Тараса Шевченко. На сей раз я дал согласие и по официальному запросу был переведен в феврале 1983 года в Госплан СССР.

В это время в Госплане вместе с институтом и вычислительным центром работало 3500 лучших специалистов всего народного хозяйства страны. Не выходя из здания, где размещается сегодня Государственная дума, можно было «увидеть» всю стра-

ну в цифрах, ресурсах, финансах, занимаемом месте в мировой экономике. Это был государственный орган, представляющий сердце страны.

Я благодарен судьбе, что мне удалось девять лет жить и работать в коллективе, которым руководили выдающиеся личности такие, как Маслюков Юрий Дмитриевич, от которого я получал прямые задания по вопросам государственной значимости и готовил ему информацию о состоянии вычислительной техники в стране для доклада на Политбюро и в Совмине СССР.

Мне нравилось ходить на работу пешком по Старому Арбату через Александровский сад за 1 час до начала рабочего времени, обязательно покупал «Правду», из которой узнал новое слово «перестройка». Прочитав внимательно передовую статью газеты, подчеркнув простым карандашом значимые слова, пошел к своему начальнику.

«Рудольф Леонидович, не нравится мне новое слово «перестройка», я своим крестьянским умом так думаю: «Перестроить, значит сломать и сделать заново». Он согласился с возникшей у меня тревогой.

Затем вышло Постановление правительства «О кооперативах». В нем не было никаких ограничений их частной деятельности, а самое главное — не был определен порядок их взаимодействия с государственным сектором экономики. Они начали создаваться, в том числе на производственных площадях государственных предприятий, использовать заводское оборудование, материалы, сманивать и подкупать лучших рабочих. Слово спекуляция заменилось на частный бизнес, предпринимательство. Под флагом перехода на рыночную экономику началось упразднение государственных структур управления, совращение сотрудников. Горбачев стронул с места «камень» плановой экономики, стоящий на вершине социалистической системы хозяйствования, он (этот разрушительный «камень»), набирая силу при своем падении, расчистил дорогу воровскому капитализму.

Так образно я вижу основную трагическую причину гибели Великой страны державы СССР, которую любили и уважали дружественные страны и боялись ее враги.

Дальше этот разрушительный процесс продолжил Ельцин со своими поделщиками (Гайдар, Чубайс, Бурбулис, Немцов и др.), добавив еще свое слово «демократия», которое переросло

во вседозволенность.

Было бы каким-то утешением для народа увидеть эту компанию на одной скамейке подсудимых, но коих уже нет в живых, другим — дали еще «потрудиться». Россия - богатая страна, еще есть что воровать и грабить!

Заканчивая свои воспоминания, «как на исповеди», хочу сказать: «Не было в моей жизни лучшего периода, чем годы, прожитые в родной Казани с 1946-го по 1974-й годы». На Волге прошла моя юность, здесь я получил высшее образование первым в роду Юдиных (как я иногда в шутку говорю — «начиная с обезьяны»), создал семью, с любимой женой родили и воспитали троих «казанских» детей. У меня было много друзей — особенно среди любителей охоты и рыбалки и бесчисленное количество замечательных коллег по работе. Поэтому гибель Казанского завода ЭВМ в годы горбачевской «чумы» - перестройки, я расцениваю как личную трагедию. Завод как «Титаник», наткнувшись на «айсберг» нерешаемых проблем, начал медленно тонуть, не предпринимая никаких мер к своему спасению.

Спасибо Дьячкову Виктору Васильевичу за то, что он успел на свой «Ноев ковчег» - АйСиЭл - КПО ВС принять лучших специалистов завода, сохранить единственный из 10 корпусов завода и возродить заводской музей. Отдельной благодарности заслуживает поддержка деятельности Совета ветеранов и его председателя — Бадрутдинову М.Ш.

Хочется верить, что в успешном поступательном развитии фирмы АйСиЭл — КПО ВС есть частица вклада ветеранов, отдавших свои лучшие годы становлению, развитию завода ЭВМ и выпуску первых поколений вычислительной техники.

В 1992 году, когда упразднился Госплан СССР и на его обломках (лучшие люди уже разбежались в АО, холдинги, корпорации и другие коммерческие структуры) создавалось новое министерство Минэкономразвития. Мне предлагали переходить в него с сохранением должности и оклада, но я отказался и уволился по собственному желанию, так как считал это «министерство» жалкой пародией Госплана СССР, способной только сочинять прогнозы развития на основе статотчетности. Мне не хватало двух лет для выхода на персональную пенсию, которую отобрал позднее Ельцин в порядке «борьбы» с привилегиями государственных служащих.

Еще в 1990 году у меня созрело решение уехать из Москвы на постоянное жительство в подмосковную деревню. У нас с 1980 года был участок шесть соток в садоводческом товариществе сотрудников НИЦЭВТ в 100 км. от Москвы по Казанской железной дороге. В 1,5 км от него есть деревня Рудно-Никитское, где мне удалось получить 15 соток земли и сразу строительство добротного дома с удобствами для круглосуточного проживания. Сейчас у меня полгектара земли, где произрастает более 30 видов деревьев и кустарников, пасека с 40 семьями пчел, четыре теплицы размером 10х3, пруд размером 20х20, зарыбленный карпом и карасем, в нескольких местах на участке растут грибы, в том числе, 20 – 25 штук в сезон – белые.

Рядом, в 20 метрах от забора, протекает речка Вольная, в лесу есть земляника, черника, малина и хороший грибной лес. Рано утром слышно токующих тетеревов, а ко Дню Победы, 9 мая, прилетают и поют соловьи. Не верите? Приезжайте в гости, увидите все своими глазами!

В заключение хочу выразить особенную благодарность Бадрутдиновой Маргарите Шамсутдиновне за проявленную настойчивость, заставившую меня, несмотря на занятость хозяйственными делами, взять в руки ручку и написать несколько листов о себе, о семье, о близких мне людях. Рита, я тебя помню всегда. Ты разбудила в моей памяти хронологическую последовательность наиболее значимых событий в прожитой жизни.

Писал я торопливо и с ошибками, в памяти возникли забытые подробности, в текст, может быть, попало не более 10% из них. Когда закончил писать, было такое чувство, что я снова прожил целую жизнь.

Спасибо!

Якимов Игорь Максимович

*Родился 20 декабря 1936 года в Казани.
Трудился на Казанском заводе ЭВМ с 1973 по
1984 гг.*

*Профессор кафедры АСОИУ КНИТУ (КАИ).
Академик Международной академии связи.
Член-корреспондент Международной академии информатизации.*

Как можно сделать так, чтобы сахару было сколько хочешь?

К началу Великой Отечественной войны мне было всего пять с половиной лет. Из довоенного периода почему-то запомнилось всего одно событие — установка радиоточки в квартире. Кажется, она в то время была единственной в доме №5 по улице Вишневского, где проживали мы и ещё девять семей. Это событие напрямую связано с другим, отчетливо запомнившимся событием, — началом войны.

22 июня 1941 года был солнечный тёплый день. Мы — ребята — гуляли во дворе, и окно в квартире с установленной радиоточкой было открыто. Примерно в полдень

Игорь со старшим братом, 1939 г.

отчётливо и громко было передано сообщение о вероломном нападении на нас фашисткой Германии. Это событие сильно опечалило людей, но скорее всего из-за массированной предвоенной пропаганды народ надеялся, что СССР подготовлен к войне и быстро разгромит фашистов.

Увы, всё получилось совсем не так. На самом деле население нашей страны на долгие четыре года было брошено в режим полуголодного состояния. За нашим домом находился сад, в котором во время войны нарыли окопов. Казань бомбили, по-моему, всего два раза, и оба раза безуспешно для немцев. Помню вой сирен, опустевшие улицы, но бомбоубежищ поблизости не было, поэтому люди отсиживались по домам.

Была введена карточная система распределения продуктов и одежды. На детей давали по 300 граммов хлеба в день. С другими продуктами было ещё хуже. Иногда в последние годы войны я ходил в хлебный магазин и получал хлеб на семью — кирпич с довеском. Перед магазином, как правило, стояли нищие. За другими продуктами выстраивались большие очереди. Помню я и походы в керосиновую лавку, т.к. пищу, как правило, готовили на керосинках, примусах и керогазах. Есть хотелось всегда. Мясные блюда в семье варили всего один-два раза в неделю. Наша семья сажала картошку. Она-то и выручала нас, не давая погибнуть от голода. Как сейчас помню: мама в печке пекла блины из прокрученной через мясорубку картошки на постном масле, а мы по очереди получали и ели эти блины. Моя мама вместе с соседкой по дому в войну возила по магазинам хлеб с хлебозавода №3: летом в тележке, зимой - на санях. Они собирали хлебные крошки и пекли нам из них куличи — это была «вкуснятина». Основная еда была жареная картошка и картофельный суп, который мы называли «похлёбкой». Он состоял из воды, соли, картошки и лука, поджаренного на подсолнечном масле.

В то же время мы не чувствовали себя совсем уж несчастными, наверное, потому, что все находились в одинаковых условиях. Родители работали. Им было некогда заниматься воспитанием детей, и мы были предоставлены самим себе. Одеты все были очень скромно. Тогда вообще не было культа одежды. В школе требовали лишь одного - чтобы одежда была чистой, пусть она даже в заплатках, но без дыр. В нашем доме росли

Наш класс, 1946 г.

вместе со мной ещё четыре одногодка с 1936 года рождения. Все ребята летом ходили босиком. Основные походы - на речку Казанку купаться, через Арское кладбище.

Рядом с домом находился Центральный парк культуры и отдыха, вход в который был платным, но мы проникали туда через забор. В парке по выходным дням играл духовой оркестр, на открытой эстраде проводились концерты, был читальный зал и обсерватория, в которой можно было послушать тематические лекции о звёздах, планетах и луне и посмотреть на них в телескоп. Мне очень нравился раздел парка «База тихого отдыха», в котором также был читальный зал и можно было на открытом воздухе поиграть в шахматы. Заросли по склонам оврагов напоминали лес. По праздникам проводились народные гуляния, в т.ч. сабантуй, куда мальчишки также пробирались через забор: денег у родителей не было. Футбол у мальчишек был любимой игрой. Играли тогда, как правило, «тряпичным» мячом. Кроме того играли в волейбол, баскетбол, городки и другие игры. В школах того времени было множество кружков различного профиля, в т. ч. в каждой школе был свой хор. Спортивные секции были как в школе, так и в районах города. У меня был очень звонкий голос, и я до седьмого класса активно выступал в ху-

дожественной самодеятельности, читал стихи на всех школьных концертах. Жизнь не определяется только едой.

Когда Красная Армия начала побеждать, мы с большим вниманием и удовольствием слушали сообщения Левитана о победах и канонады передаваемых по радио салютов. Особенно ярко запомнился День Победы - 9 мая 1945 года. Был ясный и солнечный день. Ликовавший народ устремился на площадь Свободы, начались массовые гуляния. Мой сосед из дома, старше меня на три года, вынес во двор свой аккордеон (Hohner) и заиграл на нём, а окружившие его люди стали петь и танцевать. Кажется, что за всю историю существования СССР и РФ праздник Победы был самым значительным событием в жизни людей, и мы - дети войны - кажется, навсегда остались настоящими патриотами своей Родины.

Казалось, что всё худшее уже позади. Но долгие ещё был путь к «нормальной» жизни от голода и разрухи. Старшие, в том числе мои родители, никогда не критиковали существующие порядки в стране, это было чревато серьёзными последствиями, приравненными к уголовным деяниям (статья 58, пункт 10). До сих пор помню два моих «детских» рассуждения в послевоенное время в условиях сильнейшей пропаганды и развешенных по городу многочисленных плакатов «великого вождя всех народов» с девочкой-собирачительницей хлопка Мамлакат «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Мои детские рассуждения про светлое коммунистическое будущее: первое - «Как можно сделать так, чтобы сахару было сколько хочешь, это же невозможно!» и второе: «Как же это живут люди в капиталистических странах (у нас утверждалось, что у них несчастная жизнь, значительно хуже нашей), когда мы жили очень плохо?»

Нынче исполнится 70 лет после окончания войны, но сказать о своей счастливой жизни, по-моему, могут лишь 5-10% населения страны — олигархи, изловчившиеся приватизировать народное богатство. Жизнь остальных людей назвать счастливой язык не поворачивается. Если раньше при правлении коммунистов была ясная и понятная цель — построение коммунистического общества - это должен был быть рай на земле, то сейчас совершенно непонятно, куда ведут страну наши руководители, как говорится, «без руля и без ветрил», и очень похоже, что они создают рай для очень ограниченного круга людей.

Что положительного можно сказать о военных и послевоенных годах? Конечно, было неравенство, но оно не бросалось в глаза. Каждый мог выбрать себе дорогу в жизни и шагать по ней. Например, я после окончания семи классов школы в 1951 году поступил в Казанский электротехникум связи. Отмечу, что в то время после семи классов взималась плата за обучение в размере 150 рублей в год. А в техникуме выдавалась стипендия - 140 рублей в месяц на первом курсе, с добавлением 20 рублей на каждом последующем курсе. Кроме того, тогда в техникуме связи был мощный, весьма дееспособный педагогический коллектив, не сравнимый со школьным. Особую роль в моей дальнейшей судьбе сыграл математик – Поливанов Иван Петрович, прививший мне любовь к своему предмету на всю дальнейшую жизнь.

Солдат Игорь Якимов (справа)

Дальше была служба в армии, учёба на вечернем отделении КАИ имени А.Н. Туполева, аспирантура в МВТУ имени Н.Э. Баумана, работа в СКБ. Особенно интересным и наиболее значимым периодом для себя считаю работу в СКБ завода ЭВМ, в котором я создал и руководил направлениями по автоматизированному проектированию средств вычислительной техни-

ки и математическому обеспечению автоматизированных систем управления технологическими процессами. Особенно успешным для себя считаю период времени, когда проектировалась и запускалась в производство ЭВМ ЕС–1033. Руководимый мной отдел №7 успешно влился в созданный главным конструктором Гусевым В.Ф. коллектив. Это, не побоюсь этих слов, было созвездие талантливейших и дееспособных специалистов, работать с которыми было одно удовольствие. Работать было трудно, но навсегда осталось чувство необходимости выполненного дела. В настоящее время являюсь профессором в КНИТУ (КАИ) имени А.Н. Туполева.

А как сложилась судьба остальных моих ровесников – соседей по дому? Один из них закончил вечерний техникум и работал начальником депо в трампарке. Остальные трое стали квалифицированными рабочими.

Ещё раз отмечу, что каждый из нас сам выбирал себе свой жизненный путь, как правило, без давления родителей и шёл по нему. Конечно, не все возможности удалось реализовать, можно было достичь и большего. Но что поделаешь, такова уж судьба.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Зинченко Нина Евгеньевна

Родилась 27 апреля 1949 г.
На заводе ЭВМ работала с 1966 по 1994 гг.
Ветеран завода.

***

«Сколько их, навсегда одиноких?!...»
Голой веткой октябрь стучится,
Бьёт дождинками по стеклу,
То ли видится, то ли снится
Образ твой сквозь сырую мглу.

Плачет осень светло и горько,
Безутешно, в который раз,
Мне б для счастья хватило только
Глубины твоих тёплых глаз.

Ты, как будто, всё время рядом,
Слышу шёпот твой по ночам,
Согреваюсь под тёплым взглядом,
Прикасаюсь к твоим губам...

А наутро вселенский холод
Сдавит сердце, заледенит.
Боже правый, ты был так молод!
Нет, неправда, что ты убит!

Боль и память пустой квартиры -
Не отринуть и не унять.
Где, в каком параллельном мире
Мне сегодня тебя искать?
Ну, откликнись, хотя бы эхом,
Или след урони в песок.
Каждый день без тебя, как вежа,
Пуля, метящая в висок.

.....

Плачет осень светло и горько,
И печалится парафраз,
И мелодия нитью тонкой
Будто снова венчает нас...

Голой веткой октябрь стучится,
Бьёт дождинками по стеклу,
То ли видится, то ли снится
Образ твой средь святых в углу....

С тишиной напряжённой, ломкой
Время тягостно сопряжено...
Может, всё-таки, веткой тонкой
Это ты мне стучишь в окно....?

***

По дорогам, изрытым снарядами,
Сквозь голодные, страшные дни,
С Ленинградами, Сталинградами
Выживали Дети войны...

Кто-то сбрасывал с крыш «зажигалки»,
Кто-то смены стоял у станка,
Делал бомбы, снаряды для танков,
Ну, а кто-то был «Сыном полка».

Кто-то счастлив краешком был хлеба,
Колоски на жнивье собирал,
И, без бомб, просто чистое Небо
На обрывках газет рисовал...

То Войной обожженное Детство
С нами вместе по Жизни прошло,
В Сердце каждом нашло своё место
И Любовью теперь проросло

К Жизни, к Людям, и к Небу,
и к Хлебу!
К Внукам, тем, что в наследство —
страна!
Пусть запомнят, что вовсе не Небыль
Это страшное слово — Война...

***

Снова город весной опьянён!
Весь в медалях и орденских планках,
День Победы плывёт над землёй,
Шаг чеканит в строю ветеранском...
.....
Словно крик разрастается боль,
И стучит в миллионах сердец,
И опять поднимается в бой
Чей-то сын, чей-то муж и отец...

Громче звуков победных труб,
Устремляясь молитвой ввысь,
Шёпот, рвущийся с женских губ
Заклинает: Вернись..., Вернись...!

Снова падает кто-то в траву,
В небо взор, и у сердца рука...
И в последний раз наяву
Обнимают ЕГО облака...

Ну, а где-то в глухом тылу,
В тот же самый звенящий миг,
Боль пронзает ЕЁ сквозь мглу,
Вырывая из сердца крик!

Повторяется вновь и вновь,
Каждой новой нашей весной,
Чья-то Жизнь и чья-то Любовь,
Звёздный час и последний бой!

В горький день этот и святой
Правят службы по всей Руси,
Ставят свечи - «за упокой»,
Сохрани Господь, и Спаси!

.....
Вновь во вдовьем платке весна,
Майский воздух слегка горчит...
Замирает от слёз страна,
И в поклоне скорбном молчит.

Духовой играет оркестр,
Сыплет россыпью звёзд салют!
Серебрится над храмом крест,
И на Набережных поют.

Ну, а улицы все в цветах,
Нет чужих, незнакомых нет!
День Победы у нас в сердцах,
КАК НАДЕЖДА НА НАШ РАССВЕТ...

***

Так уж получилось в жизни этой-
Мало деда своего я знал:
Воевал, был дважды ранен где-то,
Вену брал, Варшаву с Прагой брал.

Юность наших дедов боевая...
С пашкою, на вздыбленном коне,
Деда я частенько представляю
То в дыму, то в шквалистом огне.

То увижу, вдруг, летящим с горки
Через сталинградское кольцо,
Сквозь угар и лязг «тридцатьчетвёрки»
Молодое дедово лицо.

То представится - в горящем самолёте,
Пробивая облаков туман,
В свой последний вылет, на излёте,
Зубы сжав, идёт он на таран.

В море белом или, может, чёрном
Бьёт фашистов в душевной глубине,
И уже не он, а я в упорном
Поединке остаюсь на дне...

На местах боёв, поросших мохом, -
Обелиски с красною звездой.
Дед, что, может, шёл в войну с пехотой,
Вновь встаёт гвардейцем в общий строй.

Уходит поколение войны,
Навеки имена свои прославив.
Уходит, не дождавшись тишины,
Нам, как святыню, этот День оставив!
Уходит поколение войны...

***

России мальчики, Отечества сыны!
В любые времена вы были силой,
И, отдавая Жизнь за честь страны,
Вы больше Жизни все ее любили!

Мы вспоминаем всех по именам
В священный день, день Памяти народной:
Тех, кто погиб, и тех, кто жив сегодня...
Поклон вам до земли! И слава вам!

Спасибо тем, которые ушли!
И тем, кто рубежи хранит сегодня!
Да не минует милость вас Господня...
Спасибо вам! Поклон вам до земли!

Мой прадедушка был героем,
Очень жаль, я его не знал.
Но, как в Вену входил он с боем,
Мне мой дедушка рассказал

Про сражения, про разведку,
Свист снарядов и взрывы мин,
Будто выстрел, сухой хруст ветки,
Как по снегу он полз один,

Как был ранен и не однажды!
Про медали и ордена!
Вот я вырасту, будет так же
Мной гордиться моя страна...

Каримов Артем Гаврилович

Родился 9 июня 1962г.

На заводе ЭВМ трудился с 1979 по 1989 гг.

***

Я помню Москву в сорок первом
В шинели прифронтовой,
Навстречу свинцовым метелям
Булыжной мы шли мостовой.

И двери скрипели безлюдны,
Скрипел снег в шагах патруля,
Скрипели от холода зубы,
Скрипела в бомбежках земля.

Весь центр Москвы в обороне:
Из рельсов стальные ежи,
И пушки в мешках с песком тонут
На танкоопасном пути.

Всех встать на защиту столицы
Зовет рукой «Родина - мать»,
И твердые хмурые лица
С винтовкой идут воевать.

Бессветные окна с крестами -
Диагонали углов,
Подушки—затычки местами
Напротив скелетов домов.
Вдруг голос родной Левитана,
Как колокол вновь прозвучит,
И сердце стучать перестанет,
И взгляд репродуктор сверлит.

Морозное небо темнеет,
Погасшие звезды в чехле.
Но Ленин лежит в Мавзолее!
И Сталин, конечно, в Кремле!

Парят в небе серые бомбы
На тросах, в седых облаках,
Не смогут «бубновые ромбы»
Прицельно метать свысока.

Зенитки в лучах цели ищут,
Квартетом строчит пулемет,
С песком и клещами на крыше
Дежурит пожарный расчет.

И с воем sireны полнеют
Просторные залы метро,
Сердца москвичей пусть согреет
Земли нашей русской тепло.

И это тепло там, в окопах,
Согреет дыханье бойцов,
А павших на огненных тропах
Москва будет чтить, как сынов.

*По воспоминаниям Я.Д.Скоробова
(К.М.С. «Разные дни войны» 41,гл.17, стр.стр.35-37)*

Я вернулся в места, где тогда воевал,
Тридцать лет пролетели, как пуля.
Не ржавеет со временем в теле металл,
Снова память под сердце кольнула.
Вот траншеи, пещеры и дзоты мои,
Что веками, что потом открыты.
Здесь, под северным небом гремели бои,
Каждый камешек кровью омытый.

Все, как прежде. И так же бушуют ветра,
То же белое небо и солнце.
И война восстает, словно было вчера -
Боль потерь лютой злостью проснется.

Помню всех поименно, помню всех их в лицо,
С кем делили и радость, и горе,
С кем делились по-братски вином и свинцом,
С кем делили холодное море.

Здесь трава не растет, и цветы не цветут
Только камень, воронки и гильзы,
Ржавых мин и снарядов последний приют,
Да осколков, что скалы погрызли.

Полуостров Рыбачий остался во мне
Навсегда. Стал он горькой святыней.
Здесь товарищи пали — лежат в тишине,
А земля на войне и поныне...
Черный обгоревший танк -
Был вчера подбит на косогоре,
С люка свис погибший капитан,
Сердцем защитив родное поле.

Шлемофон дымится на броне,
Небо все темней от черной пыли,
И земля готовит в глубине
Новые солдатские могилы.

Сколько их!
    Безвестных
                    иль в слезах,
Со звездой
    иль холмиком поросшим,

По краям дорог
или в лесах,
Без речей,
без залпов,
без всеобщих.

Сотни тысяч, может больше,
Разве кто-нибудь считал?
Мне уже не станет горше,
Если б цифру ты узнал.

Мне уже не станет легче,
Хоть и выжил в той войне,
Если б им зажечь всем свечи,
Мир пылал бы в том огне.

Черный обгоревший танк -
Памятник стоит на косяке.
И земля, уставшая от ран,
Сохранит в себе людское горе.

У последней черты,
У гранитной плиты
Пусть стихи прочитают поэты.
Это память тебе,
Нашей общей судьбе,
Нашей песне, тогда не допей.

Мы надеждами жили...
А пришлось воевать.
И нам было тогда восемнадцать.
Лишь меня не убили -
Спасла, видно, мать:
Образочек зашила в подкладку.
Сколько нас полегло,
Сколько нив не взорло!
Не забуду и каждого помню.
Не нужны ордена,
Раз дает их война,
Проклинаю кровавую бойню.

У гранитной плиты
Нет последней черты!
Пока жив я, друзья боевые.
Я оставляю тебе,
Нашей общей судьбе -
Не допью я свои фронтовые.

***

Эх...Русские бабы! – платочек
суровый
И черное платье до пят.
В глазах изможденных
прощальное слово,
Скорбящей рукой покрестят.

В дорогу краюху горячего хлеба
Да дюжину сладких картох...
И свечку поставит она на молебен,
Проплачет в подушку всю ночь.

Под скатертью черной два
серых конверта -
Не скор и нелегко их путь.
Пропал ясный сокол, а где – неизвестно.
И снова тебе не уснуть.

Зимой и весной она у околицы,
В страду - на дороге, с полей.
И каждую ночь у лампадки все молится,
Да нет и оттуда вестей...

Эх... Русские вдовы! Колени не гнутся -
Седую главу поклоню.
Один я в деревню с Победой вернулся...
Нет! Вы победили войну!

«...проклятые липы уже не белели...»

(К.М.Симонов)

Столетние липы белели,
Горели и сталь и броня -
Нет жизни на этой аллее -
Лишь смерть,
лишь огонь,
лишь война.

***

Семь танков и семь экипажей
Плюс я, ветром что занесло,
Испачканный грифельной сажой
(Такое мое ремесло).

На этой треклятой аллее
Подбили, как в тире, всех в раз.
И тридцатьчетверки горели
В закатный и проклятый час.

Горели без боя, как раньше,
Как будто три года назад,
Как будто не стали мы старше,
Как будто мы шли на парад.

Погибли все семь экипажей.
Остался один только «плюс»,
Дрожавший в дорожном овражке,
Как жалкий и подленький трус.

Как мне оправдаться пред ними?
Которых, увы, не вернешь,
Которые стали родными,
Которым вовек не совершь.

Был ужас и сердце застыло...
... Чижов открывает мне люк,...
Как выполз из ада горнила,
Лишь знает погибший мой друг.
Что жизнью обязан Чижову -
Со мной этот крест до конца,
И я не давал ему слова,
Но что, как второго отца.

Столетние липы чернели,
Как в трауре сталь и броня.
Стою я один на аллее:
В железных гробах здесь друзья.

Земля, принимает убитых...
Но нет упокоя души.
Пишу я у братской могилы,
Как реквием, эти стихи

***

По праву

(без вести пропавшим)

По праву любви был рожденным,
По праву войны был убитым,
Под залпы не был погребенным
И в бронзе не был он отлитым.

По праву солдата - в окопах,
По праву Отечества — верным,
Под танки с гранатой пехота -
Их подвиг остался неизвестным.

По праву огня был сожженным,
По праву воды — утонувшим,
Сгоревши в броне батальона
И в водах Днепра захлебнувшись.

По праву снаряда — сраженным,
По праву разрыва — зарытым,
Посмертно не был награжденным,
Посмертно он был не убитым.
По праву всех вдов поседевших!
По праву детей обделенных!
По праву с войны не пришедших!
Наш долг вспомнить всех! Поименно!

***

Отгремели бои Сталинграда.
Только, только последний взят дом,
Много дел похоронным командам,
Что нельзя отложить на потом.

Сколько тварей в руинах, в подвалах.
Сколько нечисти мертвой лежит.
Молчаливые стены, что скалы,
Черный ворон, как ястреб, кружит.

Что вам нужно? и что вы искали
На берегах нашей вдовьей реки?
Здесь за Русь испокон погибали,
Так за этим вы, видно, и шли.

Вот открыты уже котлованы,
Как дрова, трупы их в штабелях.
Через года не возрастут и бурьяны,
Не родит от потравы земля.

***

От жизни людей я отрекся.
Наверно, устала душа
И осенью в даль одиноко
По листьям иду не спеша

И в шелесте желтом и нежном
Я слышу: «Присядь, отдохни»,
Наверно, причалом последним
Привал будет тот для души.

Изведал я разные страны,
Познал боль любви и измен.
Не шрамы — духовные раны
«Кровоточили» во мне.

Был ранен, и был я контужен,
В тифозной горячке лежал,
В окопе солдатском простужен -
Болело не тело — душа.

В плену был, попав в окруженье,
Не все бы я вытерпеть смог,
Но был я «спасен» и расстрелян
Под топот железных сапог.

Эх, жизнь! Ты зачем так жестоко
Играешь солдатской судьбой?
Мы гнили в весенних болотах,
Кровь стыла в бараках зимой.

Не сломлены те, кто погибли.
Все вынесли те, кто в живых.
Пусть раны на теле зажили,
Душевные раны в крови.

В том ворохе желтом и нежном
Я вижу багрянец сердец,
И ветер холодный и гневный
Их гонит на верную смерть.

***

Об этом молчать я не в праве,
Хоть горестно то вспоминать,
Всю боль в эти строки не вставить,
Изыществом строф не блистать.

Война!.. Что же это такое? -
«Искусство» живых убивать? -
Безмерное горе людское,
Чем слезы детей оправдать?

Голодные дни Ленинграда,
Бессонные ночи фронтов,
С сохой за лошадьёу бабы,
Церквей купола без крестов.

Все знаю... Все видел... И помню...
Завод наш в бескрайней степи,
Барака промерзшие бревна,
Дежурства печурку топить.

Полдня у станка моя смена
Еще два часа до конца -
От холода синие вены,
От голода нету лица.

Мне б только упасть на солому,
И сыплются искры из глаз,
Четыре часа — будто в кому,
Четыре часа - словно час.

И крошки польнного хлеба
Для нас были слаще конфет,
А лучик весеннего неба —
Горячие щи на обед.

Вот так породнился с войною
В пятнадцать мальчишеских лет,
Вот так мы стояли стеною,
Ковали в тылу сталь побед.

***

Нет «неизвестных» солдат.
Нет «безымянных» героев.
Есть человеческий факт -
Землю руками мы роём.

Как будто было все не с нами -
Война, как пропасть, как черта,
И вот летит «воронья стая»
По небу, где жила мечта.

«Ребята, воздух, все в окопы!» -
А я не слышу этот крик,
Не слышу я разрыва бомбы,
И все смотрю на солнца лик...

Лежу в земле на дне воронки,
И кровь сочится из ушей,
А надо мною месяц тонкий,
Река и шорох камышей...

Дороги, дороги...

Дороги, дороги горящего лета —
Огонь обжигал нас свинцом,
И мы отступали за край того света,
Где детства осталось крыльцо.

Дороги, дороги - истоптаны нами.
И обувь в пыли, как в муке,
Мы землю толкали не сапогами,
Толкали винтовкой в руке.

Дороги, дороги... бомбежки,
обстрелы,
Телеги, полуторки, вой.
И мертвое солнце, застыв, почернело,
От гари пороховой.

Дороги, дороги — воронки, пожары
И плач - чьи-то провода в смерть.
Пригнувшись к носилкам, бегут
санитары -
Там, видно, живой кто-то есть.

Дороги, дороги полей обгоревших,
Лесов исковерканных смоль,
Обида и злость в окровавленном
сердце
За всю причиненную боль.

Дороги, дороги и в грязь, и в метели,
И в стужу, и в зной в бой вели.
И в год сорок пятый, к исходу апреля
Они привели нас в Берлин.

***

Гремели разрывы, вздымалась земля,
В воронках озябшее поле.
Диск солнца окутала черная мгла -
И слышны солдатские стоны.

Пронесятся мины, и пули свистят,
Что голову и не поднимешь,
Прижавшись к земле, затаился отряд -
Винтовку прицельно не вскинешь.

А там, на позициях - наши друзья,
Изранены и без движенья.
И неба не видно — летят и летят
Смертельные ядра сраженья.

Но вдруг из окопа встает в полный
рост
Девчушка в солдатской шинели,
Торчит из-под каски прядь русских
волос,
Глаза, как росинки, блестели.

«Братишки, вставайте, там наши
бойцы,
Сраженные ядом картечи,
Вставайте солдаты, ведь наши отцы
Не прятали головы в плечи».

И встал батальон. Всем смертям
вопреки,
Пошел на свинцовые ливни,
И вынес друзей из «смертельной реки» -
Ты честь сбереги иль погибни.

«А где же сестричка? - комбат всех
спросил, -
Кто был с санинструктором рядом?»
И дождик осенний заморосил,
Сменяясь то снегом, то градом.

Те десять бойцов, что тогда мы спасли,
Все выжили, все уцелели...
И каждую осень приносят цветы
«Девчонке в гранитной шинели».

***

Я сражался в Сталинграде
Там меня и «окрестили».
Трижды был шрапнелью ранен,
Трижды бомбы хоронили.

Пули, мины и снаряды,
С воем, визгом, гулом, громом,
Все крошили адским градом,
Все крушили смертным ломом.

Это чертово железо,
Как из снайперской винтовки,
Мне летело прямо в сердце,
Разрывая перепонки.

Но дрались «зубами» насмерть
И вгрызались в каждый метр.
Мы погибли...ГОРОД- ЗНАМЯ
Завещаая нашим детям!

***

Я свою открываю беседку,
Что стоит посредине двора,
Закурю я под чай сигаретку -
И читать, и читать до утра.

Книгу черную вновь открываю,
Что написана эхом войны...
«В сорок первом шинель одеваю
И в боях до победной весны».

Да, сегодня мы всё уже знаем -
Над Европой гремел наш салют,
Только вот не всегда вспоминаем,
Что война - это каторжный труд.

Сколько вырыто там кубометров
Окровавленной отчей земли,
Вырывали ее не для смерти -
Выгрызали для жизни живых.

И землянка, что та, в три наката,
Была срублена потом солдат,
И избушки зимой медсанбата,
Километры мостов, переправ.

Как в упряжке тащили орудья,
Как полуторки вязли по борт:
Путь солдата в войну многотруден -
Смерть и раны, мозоли и пот.

Шли в грязи, иногда и по пояс,
Шли в мороз, и уж не было сил,
Оставалась лишь чистая совесть,
Да иконка, кто тайно носил.

Как же все это было возможно?
Кто б другой это вынести смог?
Им бы дать всем при жизни «Героя»
За всю тяжесть военных дорог.

Отхлебну я холодного чаю,
Блики солнца задуют свечу,
Книгу черную я закрываю,
Встану тихо и помолчу.

***

По-бе-да! По-бе-да! П-О-Б-Е-Д-А!
Слезятся глаза матерей.
В безоблачном небе планеты
Горят звезды их сыновей.
(И гордость в сердцах матерей.
Влажнеют морщинки у деда.
Нет страха в глазах у детей.)
По-бе-да! — гремели салюты.
По-бе-да! — звенела сирень.
И стали родными все люди,
В тот майский, счастливейший день.

По-бе-да! — гудели заводы,
По-бе-да! — кричала страна.
Четыре холоднейших года,
И вот наконец-то весна.

ПОБЕДА! — огромное солнце
Лучами согрело сердца.
В воронке у черной березы
Взошли из семян деревца.

Содержание

Победили, потому что верили! Виктор Васильевич Дьячков	5
Кто из нас не участник этой страшной войны?! Кобзев Михаил Михайлович	7
Война кончится, и мы снова будем счастливы Арсланова Раиса Мухаррямовна.	9
Мы выстояли и потому, что много вокруг было доброты, сердечности, взаимоподдержки Бадрутдиновна Маргарита Шамсутдиновна	13
Такое не забывается Бикбулатов Ренат Хайруллович	31
Высокий авторитет нашей мамы Борщевский Август Иосифович	40
Мир не без добрых людей Брылина Флюра Абдулхаевна.	64
Цена Победы Васильев Аркадий Владимирович.	69
Я выжил в войну, теперь род наш продолжают мои внуки Граник Рафаил Абрамович	79
Победа! Как долго мы ждали тебя! Елисеева Татьяна Анатольевна.	85
Безмерно горе людское Ермилова Раиса Петровна	90
К этому никогда не привыкнуть Ермолаева Тамара Алексеевна	96

Мы ждали возвращения отца всю жизнь Израфилов Ирдас Сабирович	99
Моя рана не заживет... Каримова Лейля Фатыховна	104
В летнее солнечное утро пришла большая беда Касимова Дина Арифовна	117
Я начал трудиться на земле-матушке с 10-ти лет Киселев Александр Степанович.....	124
9 мая на стенах рейхстага расписался и наш отец Коган Маргарита Абрамовна	129
Мама подкармливала нас за счет своих обедов Кожилкин Юрий Николаевич.....	137
Как мы решали продовольственную программу Кренгель Генрих Исаевич	142
Вернувшись с войны, отец сказал: «Ты должен получить образование» Лосев Виктор Павлович.....	148
Самым страшным был 1943 год Матвеева Люция Ярушевна	156
Сколько в Казань привозили раненых! Медведев Владимир Иосифович.....	159
Много горя вокруг, но еще больше людской доброты Рахимова Флюра Газизовна	164
На волнах моей памяти Рахманкулов Ильгиз Шамильевич.....	170
Еще чуть-чуть — и новая жизнь Сладких Алевтина Анатольевна	176

Вернулась живой только тетя Рахима Уразманова Эгида Ибрагимовна (Валидова).....	180
Тяжело было всем, особенно матерям Федоров Геннадий Петрович	183
И вот пришел долгожданный день! Федорова Ираида Борисовна.....	187
Нас любили и родные, и просто знакомые люди Фетистова Эльза Таминовна	190
«Дорога жизни» Эйсман Инна Ивановна	197
Мы — дети войны — навсегда остались патриотами Родины Юдин Владимир Михайлович.....	202
Как можно сделать так, чтобы сахару было сколько хочешь? Якимов Игорь Максимович	216
Стихи о войне	222
Зинченко Нина Евгеньевна	223
Каримов Артем Гавриилович	227

Победа!
Долгожданное счастье
Очерки
Воспоминания
Документы

Компьютерная верстка
А.Х. Абдрахманов
Е.В. Трифонова

Корректурa составителей

Подписано в печать 21.04.15, Бумага мелованная матовая
Гарнитура ТТ Kudrashov, Формат 70x100 1/16
Тираж 300 экз. Заказ 11-17

Казань
ОАО «АйСиЭл-КПО ВС»

Отпечатано с готового оригинала-макета в
ООО Полиграфическая компания «Астор и Я»
e-mail: ipk_prk@mail.ru, тел: 251-47-88
420021, г. Казань, ул. Ахтямова, 4. оф 3

